

SciPress.ru

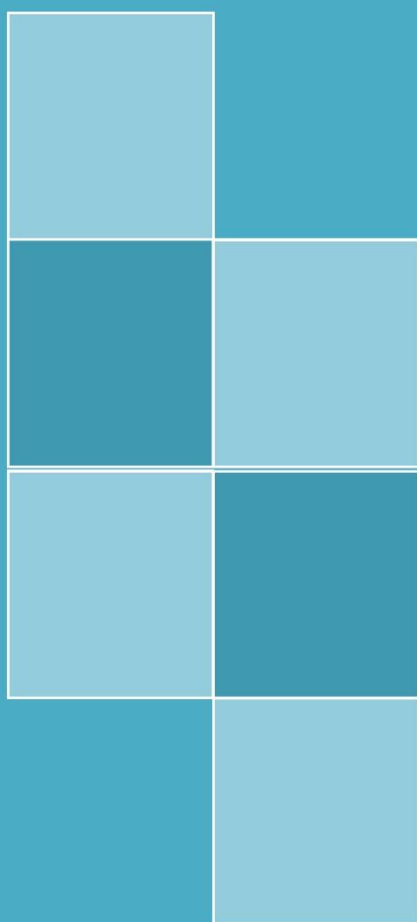

Научно-издательский центр
ОТКРЫТОЕ ЗНАНИЕ
РИНЦ УДК ББК ГОСТ ISBN ISSN DOI SCOPUS COPYRIGHT

**Международный
научно-практический журнал**

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ**

№11 (43), 2018

**Нижний
Новгород**

www.scipress.ru/philology

УДК 8
ББК 80/83

Ф 51

Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2018. №11 (43). 268 с.

В международный научно-практический журнал «Филологический аспект» включены статьи по всем направлениям филологической науки научных сотрудников России и зарубежных стран. Журнал предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все статьи, включенные в сборник, прошли рецензирование и представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – РИНЦ по договору № 358-05/2015.

Электронная версия номера находится в свободном доступе на сайте журнала <http://scipress.ru/philology/>

Данный сборник распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

УДК 8
ББК 80/83

- © Научно-издательский центр «Открытое знание», 2018
- © Коллектив авторов, 2018
- © Главный редактор Плесканюк Т.Н., 2018

Редакционная коллегия:

Плесканиук Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной профессиональной коммуникации Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина (Мининский университет).

Редакционный совет:

Акимова Эльвира Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, г.Саранск

Белова Екатерина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина (Мининский университет), г. Н.Новгород

Грачёв Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии и общего языкознания Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, заведующий Лабораторией социопсихолингвистических исследований, член Гильдии лингвистов-экспертов по информационным и документационным спорам, член диссертационного Совета по защите кандидатских и докторских диссертаций в ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Н.Новгород

Костецкий Виктор Валентинович – доктор философских наук, профессор кафедры общественных и гуманитарных наук Санкт-Петербургской государственной консерватории им Н.А. Римского-Корсакова.

Кудряшов Игорь Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Арзамасского филиала ННГУ им. Н.И. Лобачевского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Маркова Татьяна Дамировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и культуры речи Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова.

Нагорный Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор института иностранных языков Цзилиньского университета, г. Чанчунь, Китай.

Пацюкова Ольга Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина (Мининский университет).

Радбиль Тимур Беньюминович – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и общего языкознания Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации НИУ ВШЭ.

Сегал Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Ялта.

Сергиенко Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных и европейских языков, директор ресурсного центра итальянского языка Нижегородского государственного лингвистического университета им Н.А. Добролюбова.

Солодовникова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков факультета международных отношений Белорусского государственного университета.

Твердохлеб Ольга Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного педагогического университета.

Материалы печатаются с оригиналов, поданных в оргкомитет, ответственность за достоверность информации несут авторы статей

ОГЛАВЛЕНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК	6
Беркутова В. В. Феминативы в русском языке: исторический аспект	6
Сорокина М.В. Интернет-общение как особая среда коммуникации.....	22
Языки народов Российской Федерации	27
Аухадиева З. Ж. Семантическая особенность прилагательных казахского языка при выражении пространственных отношений статива	27
Кичеева К. В. Перфектная форма на -ды в хакасском языке	33
Славянские языки	43
Грозан Н.Ф. Розрізнення другорядних членів речення	43
Дехтярьова О. В. Службові частини мови в компонентному складі діалектних фразеологічних одиниць (на матеріалі художніх творів).....	52
Масликова О.С. Терміни на позначення структурних одиниць і компонентів художнього твору в українській мові (на матеріалі творів М.С. Грушевського).....	59
Прудникова Т.І. Ідеографічна характеристика фразеологічних одиниць на позначення поведінки людини в перекладах Степана Масляка.....	65
Германские языки	75
Ганиева А. О. Особенности стереотипных представлений о «женственности» в английском языковом сознании	75
Каскова М.Е., Фролова Л.Н., Письменная речь на уроке иностранного языка. Виды упражнений на развитие навыков письменной речи	82
Ярославцева Е.Ф., Гараева М.В., Федорова Л.Ю. Фразеологические единицы в английском языке и их русские контекстуальные эквиваленты	94
Классическая филология, византийская и новогреческая филология	101
Соловьева А.С. Социально-политические категории в элегиях Солона и Феогнида.....	101
Теория языка	113
Багдасарян А.Г. Лингвокультурологические особенности драмы.....	113
Гаспарян Н.К. Пословицы и поговорки как источник при изучении русской и армянской языковых картин мира.....	124
Курмаева Г. Ф. Методика изучения односоставных предложений в средней школе	129
Maryshkina T.V., Kalizhanova A. N. Possibilities of mechanisms of bilingual education for the formation of trilingualism	138
Пром Н.А. Корреляции в рамках ассоциативных связей понятия «факт»	145
Саморукова Я. А. Ценностные установки и языковые средства их выражения в телевизионной рекламе детских товаров и продуктов питания	151

Тырхеева Н.С. Лингводидактический потенциал информационно-коммуникативных технологий (на примере инфографики) в формировании иноязычной профессиональной компетентности студентов	163
Хачмафова З. Р., Володина О. В. Интертекстуальность как стилеобразующая категория женского медиатекста	170
<i>Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание .....</i>	178
Кулик М.В. Термины криптовалютной сферы в испанском, английском и русском языках.....	178
<i>Прикладная и математическая лингвистика .....</i>	182
Ёлкина Н.В. Проблемы обучения письменному переводу патентов студентов старших курсов и магистрантов технических вузов	182
<i>Русская литература.....</i>	194
Николаева О.Е. Особенности интерпретации замысла поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон» в либретто одноименной оперы А.Г. Рубинштейна	194
<i>Литература народов стран зарубежья.....</i>	200
Зонина Н. В. Русская критика об английской драме времен правления Карла I Стюарта	200
<i>Теория литературы, текстология .....</i>	211
Гакрама К.М. Проблема карьеризма в рассказе Толена Абдикова «Қайырсыз жұма» («Неудачная пятница»).	211
<i>Журналистика .....</i>	221
Блинова О.А. Ткаченко К.А. Дискурс современного телесериала как разновидность медиадискурса	221
Гулиева С.А. Некоторые особенности текстов новостей азербайджанских телеканалов.....	233
Maneesha Dugannarala G.M. Cultural colonialism and media colonialism with special reference to television culture in Sri Lanka	244
Хусаинова А.Р., Мингазетдинова Р.Ф. Межличностная коммуникация в социальных сетях.....	253
Чередниченко Л.В. Функциональные особенности современных районных газет	259

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 811.161.1

Беркутова В. В. Феминативы в русском языке: исторический аспект

Беркутова Вероника Валерьевна

филолог, психоаналитик

преподаватель кафедры теории психоанализа

ЧОУВО «Восточно-Европейский Институт психоанализа»

г. Санкт-Петербург

Feminatives in the Russian language: historical aspect

Berkutova Veronika Valerjevna

philologist, psychoanalyst, department of theory of the psychoanalysis

of East European Institute of psychoanalysis

Saint-Petersburg

Аннотация. Предметом рассмотрения данной статьи является история феминативов, связанных с обозначением профессиональной деятельности и претерпевших в русском языке различные изменения за последние несколько веков. Автор подробно прослеживает истоки тенденций, направленных как на образование и употребление феминативов, так и на снижение их использования в речи. В конце статьи делается вывод о соотношении языковых и обще-социальных феноменов, связанных с репрезентацией «мужского» и «женского» в культуре.

Ключевые слова: феминативы, русский язык, история языка, гендерная лингвистика

Abstract. The subject of this article is the history of «feminatives» associated with the designation of professional activities and undergone the various changes in the Russian language over the past few centuries. The author traces the origins of the trends aimed at the formation and the application of «feminatives», as well as at the reduction of its use in discourse. At the end of the article the author makes a conclusion about the correlation of linguistic and social phenomena related to the representation of «male» and «female» in culture.

Keywords: feminatives, Russian language, history of language, gender linguistics

В XX веке лингвистика и философия уделяют пристальное внимание изучению статуса языка: язык не «прозрачен», он не является независимым средством передачи информации от одного человека к другому, хотя этот факт не кажется самоочевидным. В книге «Внутренняя форма слова» философ В. В. Биbihин отмечает, что «язык живет только тогда, когда его не видят, когда через него видят вещи — и даже не через него как через среду, а просто видят

только говоримые, сказанные вещи, когда язык не прозрачен, а — нет его, есть вещи» [2, с. 209].

Однако «непосредственное» восприятие и отображение вещей — это иллюзия, которая создается через язык и которой пользуются многие люди. Язык всегда опосредован социальными отношениями, заражен идеологией, культурой, субъективными представлениями говорящего и слушающего. Современная лингвистика занимается вопросами, связанными с имплицитным или эксплицитным проявлением социальных отношений в языке, в том числе взаимосвязанных с классовыми, этническими, возрастными, гендерными факторами.

К гендерным вопросам относятся исследования, посвященные социолингвистическим аспектам — трактовке различий в речи мужчин и женщин в их взаимосвязи с распределением социальных ролей в обществе, а также психолингвистическим особенностям — определению специфики речевого «поведения» полов. Одним из интересных направлений представляется изучение **феминативов** — слов женского рода, обозначающих названия профессий, социальных статусов и т. д. и употребляющихся в качестве коррелята словам мужского рода (например: «учитель» — «учительница», «король» — «королева», «грешник» — «грешница»).

В дериватологии под феминативами в широком смысле понимаются слова, относящиеся к словообразовательной категории *nomina feminina*, наименования лиц женского пола, образованные от названий лиц мужского рода. Большую часть феминативов составляют слова женского рода категории *nomina agentis* (наименования деятеля) и *nomina attributiva* (наименования носителя признака), но к ним также можно отнести различные термины родства и свойства, обозначения религиозной, национальной, возрастной, социальной принадлежности и др. В научной литературе при обозначении данной категории слов можно также встретить термины «феминитивы» и «феминутивы».

Предметом рассмотрения в данной статье является история феминативов,

связанных с обозначением профессиональной деятельности и претерпевших различные изменения за последние несколько веков. В XX веке русский язык стал ареной борьбы двух противоположных лингвистических тенденций: 1) образования и употребления феминативов и 2) употребления слов мужского рода в качестве «нейтральных» для именованья как мужчин, так и женщин. Представляется, что эта борьба выходит за рамки сугубо лингвистического поля и оказывается вписанной в общекультурный и исторический контексты, связанные со спецификой репрезентации «мужского» и «женского».

Ранее, до XIX столетия в русском языке действовала историческая **тенденция разграничения именованья профессий по мужскому и женскому роду**, присвоения людям как мужского, так и женского пола собственных лексических именованья. При этом в женском роде существовали либо слова, имеющие отношение к традиционно женскому труду («няня», «прачка»), к которым невозможно было образовать пару мужского рода, либо обозначения труда, который допускался для лиц обоих полов («наборщик» — «наборщица», «гувернер» — «гувернантка»). Таким образом, обозначение профессий в женском роде могло относиться к каким-либо исконным видам деятельности («кружевница»), а могло мыслиться как «дополнительное», требующее преобразования слов мужского рода путем прибавления различных суффиксов («лекарь» — «лекарка»).

Еще в первой половине XIX века большинство профессиональных обозначений не могли быть применимы к женщинам в силу исторических причин: неучастия женщин в общественной и политической жизни, запрета для них многих видов трудовой и учебной деятельности. Если возникала окказиональная потребность обозначить женщину, занимающуюся «мужским» трудом, то в виде исключения могли использоваться слова мужского рода. При этом подчеркивалась именно необычность явления, его исключительный характер: «Старшая была музыкантша, средняя была замечательный живописец» (Ф. Достоевский, «Идиот»); «Будущая жена Дуная, бывшая первым стрелком в Киеве, отправляется во чисто поле искать себе

супротивников, с тем чтобы выйти замуж за того, кто любит ее» (С. Шашков, «Очерк истории русской женщины»). Так в середине XIX века появились зачатки тенденции, которая возобладавала в современном русском языке, — **возникновения обобщенного значения у слов мужского рода.**

Об этой новой тенденции высказался К. С. Аксаков, один из идеологов славянофильства, присвоив мужскому и женскому роду слов гендерные черты: «Именем мужского рода, неопределенным по своему значению, обозначается *род вообще* (порода), все *общее* значение имени, потому что самый пол не выступает ярко, не определяется в имени мужском. Вся определенность, ограниченность, положительность, а вместе и пол, выступает в имени женском» [1, с. 66]. Исходя из данной трактовки, лингвистические категории рода нагружаются дополнительными смыслами: мужской род приобретает черты «всеобщего», а женский род — черты «иногo», маркированного как добавочное по отношению к мужскому.

Борьба двух языковых тенденций — образования у именованных профессий форм женского рода против употребления слов мужского рода в качестве «общего» профессионального обозначения — в полную силу развернулась во второй половине XIX — начале XX века. Этот период характеризуется расширением областей женского труда, увеличением количества женщин, участвующих в общественной, политической, трудовой жизни, развитием женских общественных движений. Именно в это время в России начинают активно действовать различные женские организации (суфражистские, социалистические, либерально-феминистские), выступающие за женскую эмансипацию. В их цели, в частности, входила задача сделать видимым женский опыт и присутствие женщин в жизни общества.

Лингвисты отмечают, что «если в этот период женский труд проникал в какую-либо область производственной или общественной жизни, то возникала и потребность назвать женщину в ее новой функции» [12, с. 192–193]. В таком случае могли использоваться как старые слова женского рода, которые совместно с определениями формировали составные названия («сестра

милосердия», «классная дама»), так и всевозможные новые аффиксальные образования («телефонистка», «телеграфистка», «авиаторша» и т. п.). Интересно, что при этом существительные с суффиксом «-ш(а)», которые в наше время многими воспринимаются как имеющие пренебрежительный оттенок, на рубеже веков «широко использовались в нейтральном стиле, не имея того сниженного стилистического оттенка, который они имеют в наши дни, и не смешиваясь с названиями женщин по мужу» [12, с. 193].

В публицистике того периода встречаются как старые, так и новые обозначения женских профессий, например: «Аэроплан Вуазен, на котором должна была летать де Лярош, на первый день полета стоял еще в ящиках, так как *авиаторшу* ожидали только на третий день полетов» («Летание». 1910. № 2.); «К указанным лицам комиссия просит также направлять запросы относительно *учительниц, репетиториш, переписчиц и лектрис*» («Женский вестник». 1906. № 12.). На рубеже веков рост образования новых слов женского рода был очень велик, и это нельзя объяснить простой языковой инерцией. Скорее всего, существовала потребность в подчеркнута «женских» обозначениях профессий и социальных статусов, чтобы вывести женщин из круга невидимости, из сферы «Kinder, Küche, Kirche» в открытый мир общественных отношений.

Неудивительно, что на рубеже XIX–XX вв., в период ломки мировоззрений, борьбы консервативных представлений с эмансипационными идеями, первая волна образования феминативов встретила первую волну сопротивления. Многие новообразованные формы воспринимались с затруднением или вызвали нарекания. Так, филолог И. М. Желтов в рецензии на русско-немецкий словарь Павловского писал: «Зато мы, да и все мыслящие люди, наверное, уже не посетуют на почившего словарника за то, что им не помещены в его труде новоизмышленные речения: *курсистка, педагогичка, фельдшерца* и другие, образованные зачастую даже в противность законам языка» [6, с. 125]. Важно отметить, что слова «курсистка» и «фельдшерца», с осуждением упоминающиеся в статье, вполне прижились в русском

литературном языке и отражены во многих словарях XX века (см., например, «Толковый словарь» под ред. Д. Н. Ушакова (1935–1940), «Толковый словарь русского языка» под ред. С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (1992)).

Итак, именно конец XIX — начало XX вв. характеризуются первым всплеском образования феминативов в русском языке. Однако в тот же исторический период в силу стала входить противоположная тенденция — употребление слов мужского рода в обобщенном значении. По отношению к женщине начинают употребляться слова: «автор», «адвокат», «архитектор», «редактор», «секретарь», «тюремщик» и т. д. Изначально такое употребление сопровождалось пояснительными словами «в качестве», «в должности» или указанием на женский пол, например: «Русские женщины делали попытки поступить *в качестве добровольца* в армию» («Женский вестник». 1904. № 1.); «Советом присяжных поверенных ... принята в адвокатское сословие *в качестве помощника* присяжного поверенного г-жа Бубнова» (Там же. 1908. № 10.); «Обе эти брошюры принадлежат одному и тому же неизвестному — *автору-женщине*» (Там же. 1908. № 1); «Я познакомился с его родной сестрой, *женщиной-врачом* Верой Семеновой» (А. Чехов, «Хорошие люди»). Однако спустя какое-то время авторы стали позволять себе опускать сопроводительные слова, что поспособствовало укреплению тенденции к «обобщенному» употреблению слов мужского рода.

Таким образом, пытаясь приспособиться к изменившимся социальным обстоятельствам, на рубеже XIX–XX вв. русский язык одновременно развивал все доступные ему способы отразить и обозначить новые позиции женщин в обществе: «старый» способ, предполагающий создание отдельных слов женского рода, и «новый» способ, пытающийся придать словам мужского рода обобщенное значение.

Период Первой мировой войны и революционные годы характеризуются значительным вовлечением женщин в сферу промышленности и общественной деятельности. В этот период женский род активно приобретают слова, обозначающие рабочие профессии. Наиболее продуктивным оказывается

суффикс «-к(а)», который начинает присоединяться в качестве «принудительной» пары к словам и суффиксам мужского рода: «вузовка», «активистка», «интеллигентка», «милиционерка», «кулачка», «нэпманка». В обозначениях профессий, связанных с промышленностью, наибольшее распространение получил суффикс «-щиц(а)»/«-чиц(а)»: «вагонщица», «грузчица», «крановщица», «лебедчица», «укладчица».

Процессы словообразования феминативов проходили настолько интенсивно и неконтролируемо, что в спорных случаях были задействованы различные словообразовательные модели. Слова одного значения возникали в разных местах и могли сосуществовать в прессе и разговорной речи: «контролерка» — «контролерша», «комсомолка» — «комсомоловка», «кустарка» — «кустарница», «санитарка» — «санитарница», «буржуазка» — «буржуйка».

Однако в языке интеллигенции, а также при обозначении высококвалифицированных профессий или общественно-политических занятий, постепенно начинает преобладать тенденция употребления «обобщенных» слов мужского рода. Так, исследователи отмечают, что существительные с суффиксом «-тель» («деятель», «руководитель», «председатель», «читатель») легче расставались со значением мужского пола и активнее вытесняли слова женского рода, чем, например, существительные с суффиксом «-щик». Возможно, это происходило потому, «что первые шире использовались в общественно-политической лексике и новая тенденция <употребление слов мужского рода — В. Б.> коснулась их раньше, а большая частотность способствовала и большей эволюции» [12, с. 197].

К 1930-м годам тенденция употребления «нейтральных» слов мужского рода начинает также доминировать в формах существительных множественного числа («студенты», «кандидаты», «спортсмены»). Однако в единственном числе феминативы все еще остаются значимыми для обозначения рабочих профессий. Так, в списке профессий, рекомендуемых для женщин в начале первой пятилетки, 220 из 278 профессий названы словами

женского рода, а 58 — словами мужского рода, при этом большинство названий мужского рода связано с «затруднительностью образования коррелятов женского рода (слова на "-ер", "-ир", "-ор", "-арь", "-ик")» [12, с. 201].

Преобладание женских именовании рабочих профессий связано с тем, что в 1920-30-е годы продолжалась борьба за вовлечение женщин в производство. В вышеупомянутом рекомендательном списке отмечается, какие из профессий могут или должны быть женскими, и «пока женщина на определенном посту вызывала удивление, ее обязательно стремились назвать иначе, чем мужчину; когда же это становилось привычным, название унифицировалось в мужском роде» [12, с. 201]. Отсюда следует, что пока было актуально сделать профессию «видимой» для женщины, именование этой профессии использовалось в женском роде, но как только женщины осваивали какую-либо сферу деятельности и становились в ней наряду с мужчинами, необходимость в их «видимости» отпадала, и профессия начинала именоваться в «общем» мужского роде.

На рубеже 1920–30-х гг. можно обнаружить следующие изменения в языке:

1. Начинают утрачиваться некоторые слова женского рода, преимущественно с непродуктивными суффиксами: «архитектриса», «директриса», «лектриса», «инспектриса», «авиатриса», «адвокатесса» и т. д.

2. Тенденция применения к женщинам слов мужского рода приводит к курьезному появлению мужского рода профессий на исключительно женских должностях: «женкор» (женский корреспондент), «женорг» (женский организатор).

3. Появляются случаи употребления глаголов, прилагательных и причастий в женском роде рядом со словами мужского рода, обозначающими профессию: «инженер сказала», «наша новая врач».

В последующие годы тенденция употребления слов мужского рода в обобщенном значении проявляется не столько в снижении темпов образования парных слов женского рода, сколько в интенсивном снижении их

употребления. Исследователи отмечают, что в социальных условиях сталинского советского периода постепенно отпала необходимость подчеркивать противопоставление мужского и женского труда, выделять женщин в профессиональной деятельности, притом «чем более социальна, чем более общественна и чем выше по квалификации профессия, тем скорее утверждается слово мужского рода с обобщенным значением» [12, с. 202].

Разумеется, сильная языковая тенденция не может полностью исчезнуть всего за несколько лет или даже десятилетий, но она может начать постепенно уступать место противоположной и равнозначной по силе тенденции. Уже в 1947 году филолог В. В. Виноградов в учебном пособии по русскому языку отмечает, что форма мужского рода в русском языке стала обозначать не столько идею пола, сколько общее представление о лице, соотнесенность с классом «человек» [4]. Это можно было бы принять за нейтральный языковой факт, если бы не непоследовательность, с которой это явление реализовалось в русском языке: ведь наряду с новой тенденцией для многих слов продолжали существовать общеупотребительные формы как женского, так и мужского рода, а для некоторых и вовсе исключительно женского, обозначающие «традиционные» области женского труда: «сиделка», «прачка» и т. д.

В 1950-е годы в советской лингвистике появились первые подробные исследования, связанные с образованием феминативов. В своей кандидатской диссертации будущий академик И. Ф. Протченко отметил, что активное образование суффиксальных имен существительных, обозначающих женщин по признаку участия их в той или иной сфере деятельности, началось после Октябрьской революции, «когда положение женщины резко изменилось» [10, с. 4]. До революции, по мнению Протченко, женщины в основном были заняты семьей и хозяйством, и только революционные изменения спровоцировали привлечение женщин к активной производственной, государственной, культурной деятельности и привели к необходимости обозначить новые должности, профессии и роли. Это верно лишь отчасти: как мы видели выше, революция действительно способствовала появлению новых феминативов, но

их активное образование началось гораздо раньше, во второй половине XIX в.

Вместе с тем Протченко полагает, что количественный рост имен существительных, обозначающих профессии в женском роде, отвечает потребности общественной жизни и является фактом обогащения словарного состава русского языка. Исследователь одним из первых отмечает активную борьбу двух тенденций современного русского языка: образования феминативов и развития «обобщенного» значения у слов мужского рода. Протченко делает вывод, что «новые названия в большем количестве и с более четкой последовательностью возникают в обозначениях тех разновидностей труда, где участие женщин оказывается преобладающим» [10, с. 16], то есть в текстильной, пищевой, обувной и других видах легкой промышленности, в типографском и печатном деле, на местах обслуживающего персонала и т. д. В спортивных терминах феминативы приобрели широкое распространение («футболистка», «шахматистка», «штангистка») по причине различия нормативов для мужчин и женщин, что требовало постоянно подчеркивать пол выступающих. В то же время большая часть недифференцирующихся названий, которые не образуют пары женского рода в литературном языке, объединяется рядом черт, общих в смысловом отношении: они обозначают воинские звания и специальности («снайпер», «штурман», «офицер»), а также высокие звания и должности («министр», «академик», «доцент», «декан»). Как нам представляется, данный факт имеет не столько языковые, сколько социальные причины.

В 1960-е годы люди старшего поколения стали замечать, что обозначения профессий женского рода практически исчезли из употребления. Так, писатель Б. Н. Тимофеев был возмущен вытеснением из официально-деловой речи профессиональных слов женского рода словами мужского рода: «Мужчина и женщина в Советском Союзе равноправны. Это — аксиома. Существуют *учительницы, писательницы, артистки*. Почему же они за последнее время называются *учителями, писателями, артистами*? Разве слово *учительница*, например, хоть в какой-либо степени умаляет труд той, которая отдает

благородному делу обучения и воспитания детей десятки лет жизни? Между тем официально она получает за свою отличную работу звание *заслуженного учителя*, а выдающаяся артистка — *заслуженного артиста...*» [14, с. 25–26].

Исследователи констатируют, что именно в 1960-е годы в русском литературном языке окончательно побеждает тенденция, отмеченная еще К. С. Аксаковым [5]. Согласно данной тенденции, существительное мужского рода может обозначать лицо без указания на пол (признак маркированности снимается), а существительное женского рода может обозначать только лицо женского пола (остается маркированным по признаку пола) [16]. Именно это явление в качестве языковой нормы фиксируют все современные справочники по стилистике [11].

В советской лингвистике появилась точка зрения, что на расширение значения и употребление слов мужского рода могла оказать сильное влияние документация административных учреждений, для которой пол лица не является значимым. Действительно, для официально-деловой речи в рамках бюрократической системы подчас характерно не только «бесполое», но и «безличное» отношение к людям. Однако за формальной «обезличенностью» потерялась не столько мужская, сколько женская субъективность, окончательно исчезла языковая видимость, достижению которой было посвящено женское эмансипационное движение рубежа XIX–XX веков.

Как видно из исторического обзора, вытеснение феминативов из русского языка начало активно происходить именно в первые десятилетия после Октябрьской революции. Данное наблюдение на первый взгляд вызывает сомнения и требует объяснений, поскольку известно, что большевистская повестка предполагала изменение статуса женщины и гарантию равенства полов. Кроме того, наиболее активное использование женских суффиксов в рабочих профессиях отмечается именно в послереволюционную эпоху. Нам представляется, что ответ на вопрос, почему тенденция к образованию феминативов в 1930-е годы начала вытесняться тенденцией к приданию обобщенного значения словам мужского рода, невозможен без обращения к

анализу общекультурных факторов ранней советской эпохи.

Исследователи советских канонов визуального искусства заметили, что в открытках, журналах, афишах, плакатах 1920-х — начала 1930-х гг. женские фигуры становятся более «мужеподобными», тела — более мускулистыми и крепкими, выражение лиц — более серьезным и сосредоточенным. С одной стороны, это свидетельствовало об исчезновении сексуальной объективации в изображении женщин (согласно которой женщины должны были изображаться более миниатюрными, хрупкими, миловидными по сравнению с мужчинами), с другой стороны, подобное стремление привело к своеобразному стиранию границ между женским и мужским, к установлению телесных канонов, близких к андрогинности. При этом андрогинность в ранней советской культуре проявлялась не столько в феминизации мужских образов, сколько в маскулинизации изображения женщин, то есть в приравнивании женского начала к мужскому [15].

Также исследователи визуальной культуры говорят о значительной разнице, проявившейся в изображении женщин в первые послереволюционные годы и в начале сталинской эпохи. В 1920-е годы, когда еще была значима революционная эмансипационная составляющая, доминантным визуальным образом выступала «активная женщина», при этом «женский образ в этот период достаточно асексуален, а официально репрезентируемая феминность окрашена в андрогинные черты» [7]. Затем, когда в 1930-е годы приоритетной становится не только производственная, но и демографическая составляющая, в культуре наряду с «женщиной-работницей» появляются образы «женщины-матери», а в 1950-е годы в общественное сознание возвращаются традиционные патриархальные роли «женщины-хозяйки» и «женщины-кокетки», что объясняется новым негласным курсом на укрепление брака и семьи.

Подобные культуральные изменения были тесно связаны с советской политикой и идеологией. Дореволюционное отношение большевиков к женской эмансипации было неоднозначным. Как отмечают историки, социалисты не поддерживали либеральных феминисток и суфражисток в борьбе за общее

избирательное право, настаивая на том, что вопрос о неравенстве полов и правах женщин может быть решен только после смены общественного строя и освобождения рабочего класса. При этом освобождение женщин мыслилось большевиками в духе бинарной логики как «уравнивание» женщин с положением мужчин (не только в экономическом, но и во многих других отношениях). А. М. Коллонтай, которую к социалистам привлек именно женский вопрос, сообщала, что основная «цель пролетарок — заменить старое антагонистическое классовое общество новым светлым храмом труда и братской солидарности» [8, с. 800].

В речи на московской конференции работниц в 1919 году В. И. Ленин отмечает, что Советская Россия является единственной страной в мире, где достигнуто полное равноправие полов, а положение женщины таково, что «оно является идеальным с точки зрения самых передовых государств» [9, с. 99]. Под равноправием Ленин понимает освобождение женщин от экономической зависимости и «кухонного» рабства. Однако советской власти было важно не просто освободить женское население от домашних дел, но и привлечь его к общественной работе, поэтому Ленин заключает, что «для полного освобождения женщины и для действительного равенства ее с мужчиной нужно, чтобы было общественное хозяйство и чтобы женщина участвовала в общем производительном труде. Тогда женщина будет занимать такое же положение, как и мужчина» [9, с. 99]. Как видно из логики статьи, освобождение женщин мыслился именно как уравнивание с положением мужчин, которые в данной системе являют собой пример и ориентир.

Стараясь подчеркнуть равное отношение к женщинам, большевики ввели в оборот общее обращение «товарищ», несмотря на то что у этого слова имелся эквивалент женского рода — «товарка», который был также употребителен в речи и литературе на рубеже XIX–XX вв. Можно предположить, что употребление мужского рода по отношению к женщинам мыслилось большевиками как более прогрессивное, соответствующее эмансипационным идеалам эпохи, подчеркивающее «равенство» полов. Поэтому в ранний

советский период оно стало проявляться в языке наряду с формами женского рода, которые в 1920–30-е годы по-прежнему оставались популярными. Новой советской женщине необходимо было развить в себе качества, ранее приписываемые лишь мужчинам: самодисциплину, самодостаточность, самостоятельность, умение логически мыслить и ставить общественные интересы выше личных, — отсюда берет источник и представление об андрогинности ранней советской культуры. Именно такой тип женщины описывается в литературных произведениях 1920-х годов, например, в первом производственном романе Ф. В. Гладкова «Цемент».

Эти же изменения были саркастически высмеяны М. А. Булгаковым в повести «Собачье сердце». Когда к профессору Преображенскому приходит делегация из нового домоуправления с требованием «уплотнения» его жилплощади, профессор пытается издевательски выяснить пол пришедших делегатов и навязать им выполнение традиционных ритуалов:

— Во-первых, мы не господа, — молвил, наконец, самый юный из четверых, персикового вида.

— Во-первых, — перебил его Филипп Филиппович, — вы мужчина или женщина?

Четверо вновь смолкли и открыли рты. На этот раз опомнился первый, тот, с копной.

— Какая разница, товарищ? — спросил он горделиво.

— Я — женщина, — признался персиковый юноша в кожаной куртке и сильно покраснел. Вслед за ним покраснел почему-то густейшим образом один из вошедших — блондин в папаче.

— В таком случае вы можете оставаться в кепке, а вас, милостивый государь, прошу снять ваш головной убор, — внушительно сказал Филипп Филиппович.

Когда пришедшая большевичка пытается продать Преображенскому несколько журналов в пользу детей Германии, она именует себя «заведующий культотделом дома», после чего профессор перебивает и поучает ее: «За-ве-

дующая, — поправил ее Филипп Филиппович». Исходя из приведенного отрывка можно предположить, что в 1920-е годы феминативы, указывающие на женский пол, могли маркироваться скорее как «буржуазное» словоупотребление, подчеркивающее различие между полами, в то время как новая советская женщина не должна была отличаться от мужчины ни внешне, ни на словах, что мыслилось в советской культуре в положительном ключе.

Как нам представляется, именно эти изменения, произошедшие в статусе женщины в послереволюционную эпоху, сыграли значимую роль в постепенном исчезновении феминативов из общественного словоупотребления. Несмотря на то что на протяжении XX века советская политика в отношении женщин неоднократно менялась, и уже в 1950-е годы ко многим из них вернулись вторая и третья «смены» (по обслуживанию домашнего хозяйства и по поддержанию «женственного» внешнего вида) наряду с обычным рабочим днем [13], было по-прежнему важно сохранить и подчеркнуть «равноправный» статус советских женщин, дарованный революцией. Поэтому к середине XX века слова мужского рода окончательно закрепились в языке как «всеобщие», а словоупотребление и словообразование феминативов (кроме нескольких исключений и тех слов, которые функционировали в языке еще до XIX века) постепенно исчезло из литературного языка.

Можно сказать, что победа обобщенного значения слов мужского рода над феминативами является проявлением общей универсалистской тенденции к отождествлению мужской точки зрения с «общечеловеческой», отмеченной многими зарубежными феминистскими исследовательницами. Согласно Розе Брайдотти, в рамках данной тенденции «мужское как человеческое воспринимается как "норма", а женское как "иное" рассматривается как маркирующее "различие". Следствием этой дефиниции является то, что вся тяжесть различия полов падает на женщин, маркируя их как другой пол или структурное "иное", в то время как мужчины императивно маркируются как носители универсальности» [3, с. 227].

Несмотря на то что за подобную репрезентацию мужского как всеобщего

мужчины тоже платят определенную цену (по мнению Симоны де Бовуар, она заключается в утрате их телесного воплощения), для женщин эта цена заключается в утрате субъектности, что проявляется в том числе как негласный общественный запрет на употребление феминативов. Не случайно одно из самых частых возражений против феминативов состоит в том, что они «излишни», поскольку на их месте используются слова мужского рода.

Таким образом, попытка первой волны эмансипации русских женщин заявить о своей видимости, значимости и присутствии в общественных сферах вступила в невольную борьбу с большевистской тенденцией к уравниванию мужчин и женщин по критериям мужского как всеобщего, которая нашла выражение в языковой тенденции к развитию обобщенного значения у слов мужского рода. Несмотря на то что данная тенденция мыслилась большевиками как прогрессивная, она могла стать одним из факторов, которые привели к постепенному исчезновению женского субъекта из языка советской эпохи.

Список литературы

1. Аксаков К. С. Опыт русской грамматики // Аксаков К. С. Полн. соб. соч. Т. 3. Сочинения филологические. Ч. 2. М., 1880. 675 с.
2. Биbihин В. В. Внутренняя форма слова. СПб.: Наука, 2008. 420 с.
3. Брайdotти Р. Различие полов как политический проект номадизма // Хрестоматия феминистских текстов. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 2000. С. 220-251.
4. Виноградов В. В. Русский язык. М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.
5. Дмитриева О. Л. Развитие нормы и проблема кодификации вариантов рода профессиональных номинаций. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 1987. 22 с.
6. Желтов И. М. И. Я. Павловского русско-немецкий словарь [рец.] // Филологические записки. 1880. Вып. 1. С. 124-125.
7. Захарова Н. В. Визуальные женские образы: опыт исследования советской визуальной культуры. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. социол. н. Улян. гос. ун-та. М., 2005. 18 с.
8. Коллонтай А. М. Женщины-работницы в современном мире // Труды первого Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в С.-Петербурге 10-16 декабря 1908 года. СПб., 1909. С. 797-802.
9. Ленин В. И. О задачах женского рабочего движения в Советской республике. Речь на IV Московской общегородской беспартийной конференции работниц 23 сентября 1919 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин о женском вопросе. М.: Политиздат, 1971. С. 97-103.
10. Протченко И. Ф. Об образовании и употреблении имен существительных женского рода — названий лиц в современном русском языке. Автореферат

- дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. н. М., 1955. 20 с.
11. Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и стилистике. М.: Комплект, 1997. 384 с.
  12. Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. М.: Наука, 1968. 300 с.
  13. Темкина А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социс. 2002. № 11. С. 4-15.
  14. Тимофеев Б. Н. Правильно ли мы говорим? Л.: Лениздат, 1960. 191 с.
  15. Турутина Е. С. Андрогинность как выражение антропологического смысла любви в гендерной деконструкции отечественного философско-культурологического дискурса // Вестник ТГПУ. 2006. Вып. 7 (58). Серия «Гуманитарные науки». С. 98-105.
  16. Янко-Триницкая Н. А. Наименования лиц женского пола существительными женского и мужского рода // Развитие словообразования современного русского языка. М.: Наука, 1966. С. 167-210.

УДК 81

Сорокина М.В. Интернет-общение как особая среда коммуникации

Сорокина Марина Владимировна

магистрант
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
РФ, г.Белгород, mall93@mail.ru

Научный руководитель

Кошарная Светлана Алексеевна

доктор филол.наук, профессор кафедры русского языка
и русской литературы
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
РФ, г.Белгород, kosharnaja@bsu.edu.ru

Internet communication as a new communication system

Sorokina Marina Wladimirowna

magistrant, Russia, Belgorod
Belgorod State University

Scientific adviser

Kosharnaja Swetlana Aleksewna

Doctor of Philology
Professor of Russian language Department
and Russian literature Russia, Belgorod State University

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема влияния интернет-общения на нормы русского языка. Обосновывается идея о том, что в век всеобщей компьютеризации и информационных технологий наблюдается снижение литературных норм. Это связано с изменениями в общественной и политической жизни страны. Эти изменения оказали и продолжают оказывать влияние на развитие современного русского языка. С изменением общества усложняются компьютерные технологии, живое общение утрачивает свою популярность, а на смену ему приходит интернет-коммуникация. Целью статьи является анализ изучения интернет-общения. Особое внимание уделено сокращениям в интернет-общении. Проблемы, затрагиваемые в статье, являются актуальными на сегодняшний день.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, устная речь, письменная речь, литературный язык, языковые нормы.

Abstract. This article deals with the problem of the influence of Internet communication on the norms of the Russian language. The author substantiates the idea that in the age of General computerization and information technology there is a decrease in literary norms. This is due to changes in the social and political life of the country. These changes have had and continue to have an impact on the development of the modern Russian language. With the development of society computer technologies become more complicated, live communication loses its popularity, and it is replaced by Internet communication. The purpose of the article is to analyze the study of Internet communication. Special attention is paid to reductions in Internet communication. The problems addressed in the article are relevant today.

Keywords: Internet communication, oral and written speech, literary language, language norm.

Язык проявляет себя через речь, т.е. при помощи различных видов и способов использования в тех или иных ситуациях. Виды речи разнообразны, но их можно свести к двум основным формам – устной и письменной. Обе формы тесно взаимодействуют между собой и играют важную роль в социально-речевой практике, но каждая из них самостоятельна и имеет ряд своих особенностей. «Наличие в устной и письменной речи собственной материальной основы и индивидуальной формы бытования отличают одну форму речевой коммуникации от другой» [1, с. 143].

Устная речь – это речь, которая звучит, функционирует в сфере коммуникации, а письменная – речь, которую фиксируют знаковой системой.

В данном аспекте большое внимание вызывает интернет-коммуникация. Интернет-коммуникация – это особое языковое пространство, некое поле для реализации языка. Интернет-общение обладает собственным голосом и сочетает в себе огромное число различных видов дискурса и языковых практик.

Активные пользователи сети считают, что Интернет способствует возрождению эпистолярного жанра, но для этого необходимо четко и ясно излагать свои мысли в письменной речи. Лингвисты же не разделяют этих взглядов. Они считают, что «устная и письменная форма речи разграничиваются больше по механизмам реализации и условиям функционирования языка» [2, с. 117].

В то же время, анализируя общение в Интернете, нельзя не заметить яркое пренебрежение правилами русской орфографии и пунктуации.

В век всемирной компьютеризации прослеживается тенденция нарушения литературных норм не только устной, но и письменной речи. Особенно это характерно для молодого поколения.

Все чаще применяются сокращения, например: *спок* — спокойной ночи; *кст* — кстати; *пжл, ПЖСТА* — пожалуйста; *Др, днюха* — День рождения; *Нг* — Новый год; *Сп* — семейной положение; *Бел, Бгд* — Белгород; *тлф, тел* — телефон; *крч* — короче; *всм* — в смысле; *бро* — брат, *рили* — реально, *нормик* — нормально, *др* — друзья и др.

В современной интернет-коммуникации это выглядит следующим образом:

- *Здоров!*
- *Прив!*
- *Как ты? Чем маешься?*
- *Ды ниче. Втыкаю в комп. Он че то косячит. Как сама?*
- *Нормик. На Др к подруге собираюсь.*
- *Где будете тусить?*
- *В Бгде, а где именно еще не решили. Мож, посоветуешь че-нить?*
- *На Богданке открылась новая кальянка, ходите туда.*
- *Ну и отл! Спс за совет!))*

Многие коммуниканты при сетевом взаимодействии избегают буквенного обозначения состава слов, т.е. здесь популярен принцип «как слышится, так и пишется». Зачастую здесь имеются отклонения от правила раздельного,

слитного и полуслитного написания слов. Коммуниканты нередко не используют заглавных букв в словах, которые употребляются в начале предложения или являются именами собственными, заменяя их строчными. Так появляются такие написания, как: «*да будет патвоему вик неволнуйся*», «*кароче говаря пиши свой id от странички*», «*и чо вы тут сидите штаны протераете а ничо пазитифного от вас нивидно?*» и др.

«Отклонение от нормы зачастую осуществляется намеренно – как реализация языковой игры» [4, с.98]. Графическая форма при этом приближается к звуковой и напоминает транскрипцию: «*мя*» (меня), «*бум*» (будем), «*сип*», «*пасип*», «*пасипки*» (спасибо), «*хошь*», «*хоиш*» (хочешь), «*чо-ньть*» (что-нибудь), «*щас*», «*щаз*» (сейчас), «*здрасьте*» (здравствуйте) и др. Важно заметить, что нарушение правил орфографии в интернет-коммуникации не воспринимается как знак неуважительного отношения к собеседнику.

Особую роль в интернет-коммуникации играют знаки *пунктуации*. «С помощью знаков препинания пользователь Сети может передать собеседнику чувства, эмоции, показать свое настроение и интонацию» [3, с. 63].

Письменная коммуникация утрачивает часть смыслоразличительных качеств, присущих устной речи – в первую очередь, *интонацию, мимику и жесты* (то есть именно те средства выражения, которые составляют эмоциональный компонент). Поэтому самыми популярными выразителями эмоций являются смайлы. Кроме того, наблюдается частотное употребление междометий: *ах; ой; мм; ахаха; хех*.

Также в интернет-дискурсе наблюдается *сознательное нарушение норм*, т.е. употребление при общении так называемого «*олбанского языка*», или, как его еще называют, языка «*падонкафф*». «Олбанский» язык распространился в Рунете в начале XXI века. Это стиль использования русского языка с фонетически почти верным, но нарочито неправильным написанием слов, частым употреблением ненормативной лексики и определённых штампов, присущих сленгу. Чаще всего элементы такого языка применяются при написании комментариев к текстам в блогах, чатах и веб-форумах.

Вот как это выглядит в одном из сообществ социальной сети «ВКонтакте»:

Внимание! Этот пост включает в себя ненормативную лексику и может показаться некоторым пользователям непристойным или оскорбительным. Но из «пестни» слов не выкинешь, поэтому людям с тонкой организацией советую просто закрыть страницу)))) Сорри за многобукафф...

Но особенности коммуникации не исчерпываются сознательным нарушением литературных норм русского языка. В современном обществе компьютерная сеть становится новой формой социализации и самореализации личности, формируются новые своеобразные социальные нормы.

Среди основных недостатков интернет-общения можно выделить следующие: отсутствие визуального контакта и невербальных средств общения, коммуникация с незнакомым человеком, отсутствие эмоций и затрудненный характер их выражения, простота тем, низкий интеллектуальный уровень собеседников, сниженная общая грамотность речи.

С другой стороны, «стиль жизни в интернет-пространстве диктует нам новую языковую специфику текста, возрождает эпистолярный жанр в виде электронной переписки, обогащает запас общеупотребительной лексики» [5, с.45].

Знание русского литературного языка в современном обществе должно считаться престижным, а безграмотность признаваться пороком. Необходимо овладевать нормами русского языка и повышать культуру своей речи. Молодежь должна осознавать важность приобщения к родному русскому языку – к великому наследству России. Именно поэтому необходимо и в интернет-общении по возможности следовать правилам языка, чтобы не размывались его границы и не снижалась общая культура пользователей.

Список литературы

1. Андреева С.В. Речевые единицы русской устной речи: Система, зона употребления, функции / Под ред. О. Б. Сиротининой. – 2-е изд., испр. – М.: КомКнига, 2006. – С.150.
2. Вербицкая Л.А. Давайте говорить правильно. – СПб.: Академия, 2008. – С. 143.

3. Виноградова Т.Ю. Специфика общения в интернете. – Казань: 2004. – С. 67.
4. Жичкина А. Социально-психологические аспекты общения в Интернете. – М.: 2004. – С. 117.
5. Сретенская Л. В. Устная и письменная формы речи // Русский язык и культура речи. – М.: Гардарики, 2005. – С. 59.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 1751

Аухадиева З. Ж. Семантическая особенность прилагательных казахского языка при выражении пространственных отношений стативки

Аухадиева Зауреш Жумабаевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры
«Государственный и иностранные языки»

Алматинский технологический университет, Республика Казахстан
zauresh.59@mail.ru

The semantic feature of the adjectives of the Kazakh language in expressing spatial relations of statics

Aukhadiyeva Zauresh Zhumabaevna

Candidate of Philological Sciences

Associate professor at the Department of State and Foreign Languages
Almaty Technological University, Republic of Kazakhstan

Аннотация. Предлагаемая статья посвящена специфике выражения пространственных отношений при помощи прилагательных в казахском языке. Прилагательные с пространственной семантикой в казахском языке не согласуются с существительными в числе и падеже, а только примыкают к ним. Таким образом, подчеркивается в первую очередь их тесная семантическая связь, не требующая специально грамматического оформления, как это имеет место в других языках. Именно в этом заключается особенность прилагательных с локативным значением и цель написания данной статьи. Язык каждого народа имеет свои средства и свою национальную систему способов для выражения пространственных представлений, однако эти языковые средства, выражающие семантические отношения пространственности, моделируются в каждом языке по-разному.

Ключевые слова: пространство, язык, прилагательные, специфика, значение, выражение, грамматика, средства

Abstract. The proposed article is devoted to the specifics of the expression of spatial relations by means of adjectives in the Kazakh language. Adjectives with spatial semantics in the Kazakh language are not consistent with the nouns in the number and case, but only adjacent to them. Thus, their close semantic connection, which does not

specifically require grammatical rule, as is the case in other languages, is emphasized first of all. This is precisely peculiarity of adjectives with locative meaning and the purpose of writing this article. The language of each nation has its own means and its own national system of means for expressing spatial representations, however this language means expressing semantic relations of spatialness which are modeled in each language differently.

Keywords: space, language, adjectives, specificity, meaning, expression, grammar, means

Лингвистический аспект категории пространства характеризуется совокупностью способов ее выражения языковыми средствами. Человеческое мышление осуществляется при помощи языков различной структуры, существенно отличающихся по своему фонетическому и грамматическому строю, по характеру языковых единиц и правил их функционирования в речи [1,с.18].

Рассматривая весь комплекс пространственных значений, мы будем иметь дело со статикой, понимая пространство - как остановленное движение [4,с.5]. Именно поэтому некоторые исследователи [5,с.7] связывают категорию пространства, прежде всего с понятием местоположения предметов в объективном мире. Категория пространства давно привлекала внимание ученых. Она рассматривалась с точки зрения философии, физики, астрономии, логики, геометрии и лингвистики. [2,с.25]

Имя прилагательные, участвуя в выражении статических пространственных отношений, обозначают признаки предметов и употребляются при именах существительных. Известно, что прилагательные с пространственной семантикой в казахском языке не согласуются с существительными в числе и падеже, а только примыкают к ним. Таким образом, подчеркивается в первую очередь их тесная семантическая связь, не требующая специально грамматического оформления, как это имеет место в других языках. В этом случае возникает некое семантическое единство, где существительное обозначает предмет или явление определенной пространственной конфигурации, а прилагательное уточняет его измерения. При характеристике признака предметов объективной действительности в

горизонтальной и вертикальной протяженности в современном казахском языке употребляются следующие антонимические пары: *ұлкен-кіші*, "большой-маленький", *ұзын-қысқа*, "длинный-короткий", *кең-тар*, "широкий-узкий", *биік-аласа*, "высокий-низкий". Находясь в антонимических отношениях, перечисленные прилагательные имеют общее значение "протяженность", однако первые компоненты пар обозначают эту протяженность в большей степени, а вторые - в меньшей.

Учитывая взаимное расположение бесконечного множества точек реального пространства мы в дальнейшем будем рассматривать выражение одномерного, двухмерного и трехмерного пространства, основные признаки которых отражены в языке при помощи перечисленных выше пространственных прилагательных.

1. Прилагательные, выражающие одномерное пространство

Одномерное пространство в современном казахском языке передается прилагательными *ұзын-қысқа* "длинный - короткий", *кең-тар* "широкий узкий" в горизонтальной плоскости и *биік-аласа* "высокий - низкий" в вертикальной плоскости.

Для обозначения длины предметов, которые характеризуются предельной или беспредельной протяженностью в современном казахском языке употребляются прилагательные *ұзын-қысқа* "длинный - короткий". Например: *Ұзын тізбек шұбырып кетіп бара жатыр. Қысқа метражды фильмді тез көріп шықтық* (Кекілбаев Ә.).

Существительные, обозначающие части тела человека или животных, черты лица или части одежды, сочетаются с прилагательными *ұзын-қысқа*. Например: *Тоқтар-ұзын бойлы, сұлу жігіт. Дом боп жарап алған есік пен төрдей ұзын торы ат көлденең тұр. Анадай жерде тізеден жоғары қысқа қара шалбар киген мұнтаздай бір бала тұр екен* (Мұратбеков С.).

Выражение линейного размера предметов передается прилагательными *ұзын-қысқа*. Данные прилагательные сочетаются также со словами, которые обозначают последовательность, ряд людей, животных. Например: *Ұзын жол*

бойында тас көпір қонып қалды. Мен ауылға апаратын қысқа жолды білетінмін. Ұзын көше бастан аяқ, қыбырлаған балаға толып кетті (Мұратбеков С.).

Выражение ширины как одного из трех измерений предметов осуществляется обычно прилагательными *кең-тар "широкий-узкий"*. Например: Балықты көл, Тоқпан тауы Қарасор көлінің аралығы кең байтақ, жасыл алқап. Көлдің кең мұзы жібіді (Мұқанов С.). Бұлар тар сағада тұрып қалды. При этом сочетания с данными прилагательными могут выражать различные оттенки поперечной протяженности. Например: большая ширина предмета, превышающая принятые нормы, выражается прилагательным кең *"широкий"*. Например: Кең көшенің жан-жағына ағаштар отырғызылған. Қыз кең баспалдаққа шықты и наоборот ширина предмета меньше принятых обычно размеров передается прилагательным *тар "узкий"*. Например: Тар есіктен өте алмай біраз тұрдық. Жақын маххалардың тар көшелері көз алдында (Ысқақов Қ.).

Характеристика ширины частей тела человека, животных и одежды выражается прилагательным *кең* только в том случае, если поперечный размер значительно больше второго размера. Например: Он бесінде Кебектің аты шықты, орта бойлы, тапалдау, кең иықты. Кең қолтық, ұзын жең үлгіні Қарқаралы қазағы ғана киеді (Әуезов М.).

Указание на высоту предметов выражающих различные виды ландшафта содержится в прилагательных *биік-аласа "высокий - низкий"*. Например: Оқжетпес биік шың сияқты. Жерге түскен адамның кескіні биік жағадан көрінеді. Аласа дөңнің үстінде үш адам отыр (Әуезов М.).

Для характеристики высоты человека и животных, а также вертикальных размеров одежды употребляются прилагательные *биік-аласа*. Например: Аласа бойлы жігіт жерге секіріп түсті. Биік ат орнында тұрмады. Ханым басына биік сәукеле киіпті (Әуезов М.).

Вертикальная протяженность предметов, имеющих опору внизу, также передается прилагательными *биік-аласа*. Например: Биік үйлі қалада Итбай мен Асқар кешке шейін жүрер еді. Аласа төбенің сөлеу мен көдесі қалтырай түсті.

Көше бойында биік ағаштар өскен (Мұқанов С.).

Данные прилагательные характеризуют также высоту предметов домашнего обихода. Например: Абай биік төсектен жастық әперді. Алда аласа стол тұр. Елшілер биік сәкіге барып жайғасты (Әуезов М.).

Прилагательные *биік-аласа (тапал)* сочетаясь с числительными могут указывать на точный количественный размер предмета. Например: Оның көзіне бойы екі метр еңгезердей биік денелі жігіт түсті. Осы жерде жол бес метрдей аласа жотаға көтерілді (Мұратбеков С.).

2) Прилагательные, выражающие двухмерное пространство

Двухмерное измерение предметов выражается сочетанием разных одномерных прилагательных с одним соответствующим существительным. Например: Бұл ұзын да кең көшенің бойында жағалай өскен ал-қызыл гүлдер көздің жауын алады (Ысқақов Қ.).

Указание на длину и высоту одушевленных предметов (части тела человека и животных) выражается прилагательными *ұзын* и *биік* "длинный и высокий". Например: Оның ұзын және биік келген тұлғасы өзіне жарасып-ақ тұр. Тұрқы ұзын да биік көк ат Базаралының тақымында екі есе көркейген (Әуезов М.).

Протяженность предмета по высоте и ширине характеризуется прилагательными *кең* и *биік* "широкий и высокий". Например: Кең де биік залдың тас еденінде қалың топ жандар бар екен. Онда кең және биік балкон бар (Бельгер Г.).

Для выражения двухмерных пространственных отношений в современном казахском языке употребляются прилагательные *тар* и *аласа* "узкий и низкий", которые обозначают замкнутое и объемное пространство. Например: Тар және аласа үйлер тігілді. Тар және аласа бір бөлменің ішінде бесеуміз тұрып жаттық (Ысқақов Қ.).

В аналогичном значении для выражения двухмерных пространственных отношений в горизонтальной или вертикальной плоскости употребляются прилагательные *үлкен* и *кішкене* "большой и маленький". Употребление этих

прилагательных зависит от формы и протяженности соответствующих предметов. Например: Оң жағындағы кішкене қалыпшалардың біреуіне құя салды. Үлкен тау бөктерінде жалғыз қыстау. Ауылдың желке тұсына жеткенде үлкен алып ағашты айналып өтеміз (Әуезов М.).

3) Прилагательные, выражающие трехмерное пространство

Трехмерное пространство выражается обычно прилагательными *үлкен* или *кішкене* "большой или маленький", если описываемый предмет относится к объемным реалиям. В этом случае сам предмет характеризуется тремя измерениями: шириной, длиной и высотой. Например: Жеңге де үлкен үйге ұмтылды. Балалар кішкене клубқа қарай жүгірді (Мұратбеков С.).

При помощи названных прилагательных может быть подчеркнута относительная величина артефактов (транспортных средств, предметов мебели и домашнего обихода). Например: Бір кішкене машина толы адам мұның қасына тоқтады. Менің көйлегім-үлкен сандықта (Кекілбаев Ә.). Указанные прилагательные используются также при внешней характеристике человека или животных. Например: Оның үлкен қарны бір көтеріліп бір басылды. Ойнақтаған кішкене бұзау мұның жанына шауып келді (Мұратбеков С.).

Таким образом, занимая определенное место в области статического макрополя локативности, пространственные прилагательные *кең-тар*, *биік аласа*, *ұзын-қысқа*, *үлкен-кішкене* участвуют в передаче одномерных, двух- и трехмерных пространственных отношений.

В результате анализа примеров с данными прилагательными было установлено, что сами по себе прилагательные казахского языка не могут выражать пространственные отношения самостоятельно, а только в сочетаниях с именем существительным, отражающим предметы с соответствующими пространственными характеристиками. Обычно только часть этих характеристик эксплицитно выражается при помощи прилагательных.

Язык каждого народа имеет свои средства и свою национальную систему способов для выражения пространственных представлений, однако эти языковые средства, выражающие семантические отношения

пространственности, моделируются в каждом языке по-разному. «Каждая национально-языковая общность воспринимает и отражает окружающий мир под влиянием сложившихся культурно-национальных установок, традиций, опыта и создает собственную языковую картину мира» [3,147].

Список литературы

1. Аухадиева З. Ж. Категория локативности в разноструктурных языках. Монография. Алматы, 2016 г.
2. Аухадиева З. Ж. Языковое моделирование категории пространства. Сборник материалов IX международной научно-практической конференции. Киев, Лондон. 28-04.10.2011г. с.141
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов.– Москва : КомКнига, 2007.
4. Демидов Д.Г. Из истории непредметных имен существительных с пространственным значением. Дис. ... канд. филол. наук. Ленинград 1985. 180 с.
5. Савинова Е.К. Ономаσιологическая категория локативности и ее отражение в производных наименованиях. Автореф. дис. ... канд. филол. наук, М.: 1969. 20с. 576 с.

УДК 811.512.153

Кичеева К. В. Перфектная форма на *-ды* в хакасском языке

Кичеева Кристина Владимировна

аспирант кафедры хакасской филологии

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

г. Абакан, kristi.tabakova@mail.ru

Perfect Form *-dy* in the Khakas Language

Kicheeva Kristina Vladimirovna

Postgraduate at the Department of Khakass philology

Katanov Khakass State University, Abakan

Аннотация. Статья посвящена анализу прошедшего времени на *-ды* в хакасском языке, целью которой является определение его статуса как формы перфекта. На основе частных значений перфекта разных языков выделены и описаны типы употребления перфектной формы на *-ды* в хакасском языке: имедиатный перфект, инклюзивный перфект, ретроспективный перфект. На практическом материале показано, что данная форма в определенной конструкции может выражать авертивные и проспективные значения. Автор приходит к выводу, что определение прошедшей формы на *-ды*, именуемой в настоящее время как форма недавнопрошедшего времени, является не полным.

Ключевые слова: хакасский язык; прошедшее время; перфект; имедиатный перфект; инклюзивный перфект; ретроспективный перфект; авертив; проспектив; темпоральность.

Abstract. The article is devoted to the analysis of past tense with *-dy* in the Khakass language, aimed at determination of its status as a form of perfect. Considering particular meanings of perfect in different languages, several types of using of perfect with *-dy* in the Khakass language are underlined and depicted: immediate perfect, inclusive perfect, retrospective perfect. Having taken into account practical material, it is showed, that this form in a certain construction may express avertive and prospective meanings. The author concludes that definition of past tense with *-dy*, named nowadays as a form of recent past, is not full.

Keywords: Khakass language; past tense; perfect; immediate perfect; inclusive perfect; retrospective perfect; avertive; prospective; temporality.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00696.

Перфект (от лат. *perfectus* – совершенный) – видо-временная форма глагола, обозначающая состояние в настоящем как результат предшествующего действия, изменения и/или действие, событие, состояние прошлого, чем-либо важное для настоящего, рассматриваемое с точки зрения настоящего, вне связи с другими фактами прошлого [10, с. 3416].

Перфект имеет широкое распространение в различных языках мира, в том числе и в тюркских. Каждой группе тюркских языков характерны свои специализированные перфектные формы: для одних языков типична форма на *-мыш* (тур.) [4, с. 121-123], для других – форма на *-ган* (тат.) [11, с. 38-41], для третьих – форма на *-д(ы)* (шор.) [6, с. 180-182] и т. п. В тюркологии под этим временем понимают «прошедшее результирующее», «прошедшее определенное», «прошедшее повествовательное», «недавнепрошедшее», «прошедшее субъективное» и т. п.

В хакасском языке перфектное значение передается глагольной формой на *-ды*. В грамматических исследованиях по хакасскому языку данная форма рассматривается в рамках категории времени как «форма прошедшего времени 1-я» [5, с. 90-92], «прошедшее определенное время» [1, с. 455-456], «недавнепрошедшее время» [3, с. 207-210; 8, с. 63-64; 9, с. 155; 7, с. 60-75].

Мы поставили перед собой задачу проверить, можно ли форму на *-ды* в хакасском языке определить как форму перфекта.

Типологи выделяют четыре «типа употребления» (=частных значений) перфекта:

- а) результативный перфект;
- б) экспериенциальный перфект;
- в) инклюзивный перфект;
- г) иммедиатный перфект [2, с. 39].

Опираясь на вышеприведенный перечень «типов употребления» перфекта, рассмотрим семантический спектр перфекта в хакасском языке.

1. Наиболее употребительным в хакасском языке считается **иммедиатный перфект**, при котором форма на *-ды* обозначает конкретную единичную ситуацию, завершившуюся недавно до момента высказывания. Для данного типа употребления перфекта характерна контактность по отношению к моменту речи. Так, в хакасском языке перфектную форму на *-ды*, близкую к точке соотнесения высказывания, нельзя заменить на прошедшую форму *-ган* (а), если это возможно, то контекст теряет свою контактную интерпретацию (б).

Ср.: а) *Наа халас килді! Аны көр салып, улам на уйаннан сыххабыс...* [18, с. 9] «Свежий хлеб прибыл (только что)! Увидев его, еще больше начали слабеть...»; *Кайда. Муклай, хайдар син? Тохта! (Муклай, тохтабин, аның хыринча иртібісче. Оприске.) Хайди полдар?* [21, с. 37] «Кайда. Муклай, ты куда? Стой! (Муклай, не останавливаясь, проходит мимо неё. [Обращаясь к Оприс.] Что с вами (букв. как были?)»; *Чон суулапча, чон күүлепче: «Кем тіді іди? Кем?!»* [14, с. 115] «Народ шумит, гул стоит (букв. народ гудит): “Кто сказал так (только что)? Кто?!”»; *«Тавит Иролыч, я, адың?» – сурыбысхан ол. – «Хап-орта, туңмам, чоохтадың. Тавит Иролович полчам», - теен талай капитаны* [17, с. 20] «Твое имя Тавит Иролыч, да?» – спросил он. – «Так точно, сказал [ты] (только что), братик. Меня зовут Тавит Иролович», - сказал морской капитан; *«Хайдаң килдің, хайдар чөрзің?» - тіп сураглапча. – «Я, - тіпче оолах, - пістің чирде айнаң кўн чіт парғаннар, оларны кілеп килдім, арса, син пілчезің?»* [20, с. 91] «Откуда прибыл, куда направляешься?» – спрашивает. - «Да, - говорит мальчик, - на нашей земле пропали луна и

солнце, в поисках их пришел (только что), может, ты знаешь?»; *Палачаам, мин чылыг сүт агылдым. (Палаа сүт пирче, че анзы испинче.)* [19] «Ребеночек мой, я теплое молоко принесла. (Дает ребенку молоко, но он не пьет)»;

б) «*Ат аспас чирдең ат асты (асхан), Тамгазы пасха Ах сар ат, Алып нимес чирдең Алып инді (инген), Талаазы пасха алып кізі*» [12, с. 39] «Там, где ни один конь не переваливал, перевалил только что (перевалил) Соловый конь с чужой тамгой, там, где ни один алып не спускался, алып спустился только что (спустился), алып [этот] чужой (букв. с другой внешностью)»; *Чиит драматургтың настагы улуз ойыны тургызылды (тургызылган)*... [15, с. 77] «Поставлен (был поставлен) первый большой спектакль молодого драматурга»; *Улуз харындазы наныбысты (наныбысхан)* [20, с. 51] «Старший брат домой ушел [только что] (ушел)»; *Чалгыс оолгымны чыып салдым (салгам), чалгыс пиимни чоо саптым (сапхам)*... [19] «Единственного сына похоронил [недавно] (похоронил [когда-либо]), единственную кобылу заколол...».

Степень контактности к моменту речи может сопровождаться лексическими средствами актуальности (наречиями *ам* «сейчас, теперь», *орта* «вовремя») и восприятия (указательными местоимениями *мына* «вон, вот», *мында* «здесь», наречием *пиди* «так, таким образом») и др.: *Ам Хубай Хус оларның ай соона кірібісті* [20, с. 25] Теперь Хубай Хус **тогчас же** следом за ними погнался; *Мына сагаа өдіктер агыл пирдім. Пабам ысхан* [16, с. 57] «**Вот** тебе обувь привез. Отец [мой] отправлял»; *Мында, тізең, чайаачы тогыснаң айгасчатхан устар тогас пардылар* [15, с. 39] «А **здесь** встретились (только что) творческие люди»; *Камат. Изен, изен, Кта. Талааның пар полтыр. Сас тойга орта килдің* [21, с. 17] «Камат. Здравствуй, здравствуй, Кта. Удача на твоей стороне, оказывается. Ты пришла **прямо** на помолвку»; «*Іңе кізі Піс Тумзух Пілө Харын, Ноо нимені хылыхсынып, пиди пол чөрдер?*» [12, с. 55] «Мать Піс Тумзух Пілө Харын, из-за чего вспылыв, **вот так** себя вели».

Кроме того, темпоральные лексемы *ам на* «только что», *ам* «сейчас, теперь», *амды* «теперь, сейчас, в данный момент» служат также для противопоставления ситуации «тогда – теперь». Приведем примеры: *Чиит*

тузымда андаг полбааннар [холлары]. Ам на нимее чарабас пол пардым. Кирип пардым нооза [17, с. 8] «В молодости такими не были [о своих руках]. **Только теперь** стала ни к чему не годной/бесполезной. Что поделаешь, постарела»; *Симунах истиг ле тогынган совхозта, ам ол аны агас тартарга кир салды* [21, с. 273] «Симон спокойно работал в совхозе, **а теперь** она его заставила работать на лесовозе»; *Мин чиит туста нир пайда полгам. Чалбах чазыны ибйре, тўн тайганы 6тире, соохты соох тибин, изигни изиг тибин ал ч6рцеҗмин. Амды, кирип парганымда, т6җе сыхпас пол парганымда, кирек чох пол пардым* [20, с. 109] «Я в молодости был у одного бая. Постоянно возил [его], объезжая широкую степь, преодолевая дремучую тайгу, несмотря на мороз и зной. **А теперь**, когда постарел и не могу подняться на пригорок, стал непригодным».

Не менее чаще форма на *-ды* используется для описания мгновенности действия, завершеного до момента описываемого в речи. Как правило, мгновенность ситуации, выраженная формой *-ды*, подчеркивается ее сочетанием с глагольными аналитическими формами мгновенности или семантикой самого глагола, иногда сопровождается адverbиальным конкретизатором *кинетин* «вдруг, внезапно, неожиданно». Например: *Кинетин сенек кўзўри тўстй. Сынап таа Агур чиде салды* [18, с. 50] «**Вдруг** сени загремели. И на самом деле Агур пришел»; *Титон, чачыри тўзйп, тура хонды* [19] «Титон, упав, **резко** встал»; *Прайзы оймахха чыплада халдылар* [20, с. 36] «Все в яму провалились (мгновенно, моментально)».

Вместе с тем, последовательность подобных действий придают контексту оттенок динамичности событий в ретроспекции: *Мына... Гол!!! Дударенко мяч кире тебйстй! Чахсы. Армеецтер асча! Че, «Динамо», нандыр! Нандыр хайди даа!.. Ак-ти! Мяч! Мяч! Ойын угаа хазыр парир. Гол! Чох. Дударенко чаза тееп халды. Че! Че! Че!..* [14, с. 103] «Вот... Гол!!! Дударенко забил гол! Хорошо. Армейцы опережают! Ну, «Динамо», дай отпор! Дай отпор хоть как!.. Э-эх! Мяч! Игра очень напряжена. Гол! Нет. Дударенко промахнулся. Ну! Ну! Ну!»; *Паза ла полбаста, ир чахсы, изер тудынып, тура хонды. Адын айландыра тартып, атхан ух чйли, нандыра ойлат сыхты* [Там же, с. 120] «И тотчас,

добрый молодец, проснулся, взял седло. Повернул коня, помчался обратно, как выпущенная стрела».

2. Следующий тип употребления перфекта с использованием формы на -ды в хакасском языке – **инклюзивный перфект**. Инклюзивное значение перфекта заключается в том, что сам факт, выраженный перфектной формой на -ды, длился в течение некоторого периода времени и/или продолжается, вероятно, будет продолжаться в последующем, как значимое на момент высказывания. Рассмотрим на примерах:

а) «**Хараазынаң сині тіледім, - теен чабан, - харын даа малың тастабаазың**» [13, с. 28] «Всю ночь тебя искал, - сказал чабан, - хорошо, что не бросила свой скот»;

- *Син анда ла одырдың ма? – сурыбысхан ол, күлінібізіп.* / «Ты только там сидел? – спросил он, улыбаясь»

- *Я, - нандырчам.* / «Да, - отвечаю».

- *А мин тігі хорымча, суғ озаринча чөр килгем. Чохыр аң пілдіртіпче. Урунмады нүүн* [14, с. 99] «А я по тем холмам, по ту стороны реки побывал. Рысь, видимо, здесь (букв. чувствуется). Не встречался сегодня»;

б) «**Алтон часты асханча, Тогызон үс ирге парғабын, Тогызон үс ирге парзам даа, Ирдің чахсызын пілбедім. Алай чирім**» [12, с. 47] «За шестьдесят с лишним лет, Я за девяносто трех мужей выходила. Хоть и выходила замуж девяносто три раза, Хорошего мужа так и не нашла. О моя земля!»; *Ол чирзер читкенде, хыр чабага үс күнге читіре тазылама соох итті. Хыр настары хыртлас тур, тағ настары тазылас тур* [20, с. 94] «Когда дошли до места, серый жеребенок морозил до трех дней. Вершины горных хребтов трясутся, вершины гор трещат»;

в) [*Кадинек инейнің*] *Хара пазы хазар парды, арығ полған сырайына сөзірбе осхас тырыс тартыл парды. Харагының оды ибіре көк сал тартылыбысты* [17, с. 5] «[У старушки Кадинек] черные волосы поседали, чистое [без морщинок] лицо покрылось морщинками словно сеть. На глазах появилось бельмо»; *Минің харахтарым даа нимее читпес пол парды* [16, с. 8]

«И мои глаза стали плохо видеть».

В первом случае употребления (а) действие длилось в определенный период времени *хараазынаң* «всю ночь», *пүјүн* «весь день» вплоть до настоящего момента. Инклюзивная ситуация в предложении «*Син анда ла одырдың ма?*» – *сурыбысхан ол, кўлінібізін* интерпретируется в следующем: адресат сидел в течение некоторого времени на одном месте до прихода говорящего (адресанта).

Следующие примеры употребления (б) обладают большей степенью близости к контактности, т. к. период протекания действия (состояния) включен в акт коммуникации и все еще имеет место в настоящий момент. Ярким примером служит контекст *Ол чирзер читкенде, хыр чабага ўс кўнге читіре тазылама соох итті. Хыр настары хыртлас тур, таг настары тазылас тур*, в котором действие *соох итті* «морозил» длилось *ўс кўнге читіре* «до трех дней», и продолжает длиться в настоящем (*хыртлас тур, тазылас тур*).

Частное значение типа (в) сходно с (б) относительно контактности, но в отличие от двух предыдущих, отличается продолженностью ситуации в будущем. Несомненно, описываемые в контекстах процесс старения, ухудшение зрения и т. п. продолжают как в момент высказывания, так и в дальнейшем.

3. Также перфектная форма на *-ды* может использоваться в ретроспективной функции. Иными словами, ретроспективный перфект описывает завершённые действия в прошлом таким образом, что мы переносимся в иную временную плоскость, наблюдаемую нами. В данном случае прошедшие события, с одной стороны, дистантны по отношению к моменту речи, с другой стороны, актуальны для автора высказывания. Например:

«Э-э, сыннаң даа» *тіп, магазинзер кірдім:*

- *Наа ідіс-хамыстар нар ба? – тіпчем садыгчаа.*

- *Пар, - тіпче.*

Алып алгам. Күліне читтім наа чуртымзар.

- *Изен, хончых, мына көр, ідістер алдым* [14, с. 81]

«А-а, точно» подумав (букв. сказав), зашел в магазин:

- Новая посуда поступила (букв. есть)? – говорю продавцу.

- Есть, - говорит.

Купил. С улыбкой на лице пришел к своему новому дому.

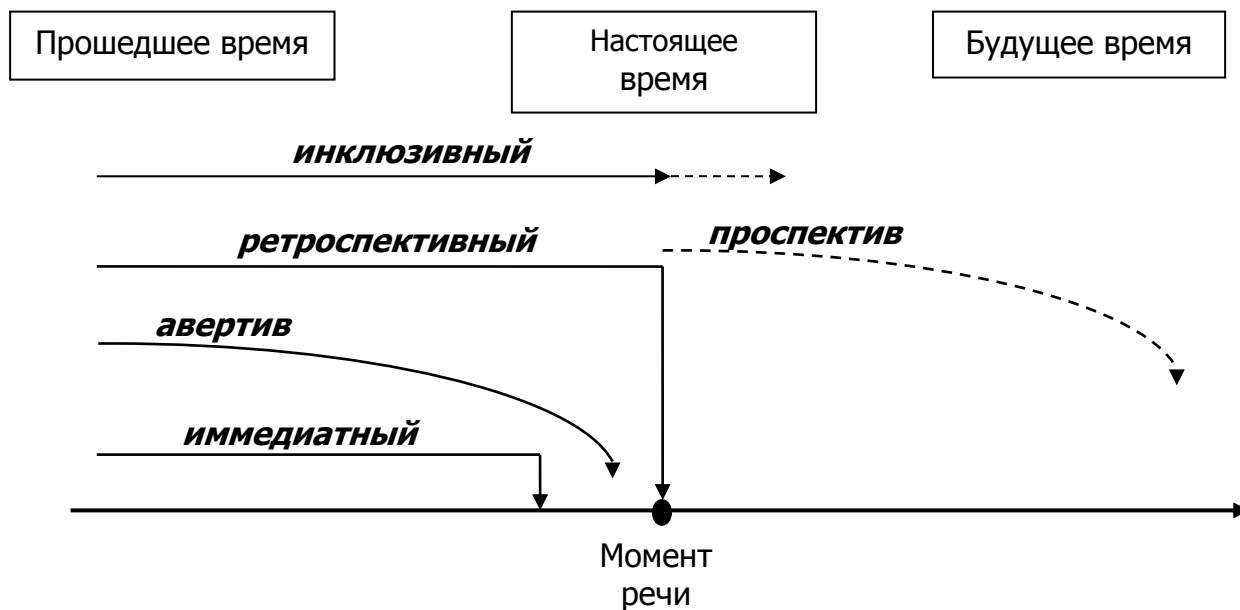
- Здравствуй, сосед, вот смотри, посуду купил».

4. Встречается употребление формы на –ды и в авертивной конструкции, когда указывается темпоральная близость ситуации к своему завершению, но так и не реализовавшаяся. Авертивный перфект в хакасском языке, выраженный формой на –ды, образуется комбинацией лексического (*сала* «чуть», *сала ла* «еле-еле») и грамматического компонента (-ды): *Тілің узун, хойлага! Синнең сыгара сала өлбедім!* [12, с. 38] «Язык твой длинный! Из-за тебя чуть не умер»; *Пабаң, - тіпче оолгы, - Өчең Матырның ооллары прай атхлап салганнар. Позым даа сала ла тіріг халдым* [20, с. 15] «- Отец, - говорит сын, - Сыновья Өчең Матыра все [зверье] отстреляли. Сам еле живым остался».

5. В хакасском языке перфектная форма на –ды может использоваться как перспектив, т. е. в значении будущего предупредительного времени: *Ізіг. Өртеніп алдың* (из разг. речи) «Горячий. Не обожгись»; *Иптеп, аңдарылдың!* (из разг. речи) «Осторожно, не упади!»; *Көр, ізік чабыс, пазыңнаң урун пардың* (из разг. речи) «Смотри, дверь низкая, не ударься головой» и т. п.

Таким образом, типы употребления перфектной формы на –ды в хакасском языке можно представить следующим образом (схема 1):

Схема 1. типы употребления перфектной формы на *-ды*

Исходя из описанных частных значений формы на *-ды*, типичных для перфекта всех языков мира, можно сделать вывод, что хакасский язык имеет самостоятельный синтетический показатель перфекта – глагольная форма прошедшего времени на *-ды*. Языковой материал показывает, что данная форма используется как для указания недавно прошедшего времени (иммедиатный перфект), так и давнопрошедших, но актуальных в момент высказывания (ретроспективный перфект), а также может выражать длительные действия, состояния, продолжавшиеся/продолжающиеся в момент речи (инклюзивный перфект). А в сочетании лексических и синтаксических средств форма на *-ды* способна передавать авертивные и проспективные значения. Исходя из вышеизложенного, определение формы на *-ды* как форма недавнопрошедшего времени остается дискуссионным.

Список литературы

1. Баскаков Н. А. Хакасско-русский словарь (с приложением очерка «Хакасский язык») / сост. Н. А. Баскаков и А. И. Инкижекова-Грекул; под ред. Н. А. Баскакова. М.: Министерство культуры СССР; Главиздат; Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1953. 487 с.
2. Горбова Е. В. Результативность, экспериенциальность, инклюзивность, IMMEDIATНОСТЬ: чем определяется значение перфекта? // Т. XII. Ч. 2. Исследования по теории грамматики. Выпуск 7: Типология перфекта / отв. ред. Т. А. Майсак, В. А. Плунгян, Кс. П. Семёнова. СПб.: Наука, 2016. 840 с.

3. Грамматика хакасского языка / под ред. Н. А. Баскакова. М.: Наука, 1975. 420 с.
4. Гузеев В. Г. Изъявительное наклонение (индикатив). Категория времени индикатив в турецком языке // Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2009. Вып. 1. С. 114-136.
5. Дыренкова Н. П. Грамматика хакасского языка. Фонетика и морфология. Абакан: Хакасское обл. нац. изд-во, 1948. 124 с.
6. Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка. М., Ленинград: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
7. Карпов В. Г. Изъявительное наклонение глагола в современном хакасском языке. Абакан: Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2014. 164 с.
8. Карпов В. Г. Система глагола в современном хакасском языке (структурный и функционально-семантический аспекты): автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 1995. 73 с.
9. Карпов В. Г. Хакасский язык: проблемы и перспективы развития. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2007. 260 с.
10. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. 5987 с.
11. Тумашева Д. Г. Татарский глагол (опыт функционально-семантического исследования грамматических категорий): учебное пособие. Казань: Изд-во Казанского университета, 1986. 192 с.

Список источников

12. Алтын Арыҕ: хакасский героический эпос / отв. ред. Н. В. Кийдаш-Покровская; пер., авт. предисл., коммент. В. Е. Майногашева. М.: Наука; Гл. ред. вост. лит., 1988. 592 с.
13. Костяков И. М. Минің нанчыларым (Мои друзья): рассказы. Абакан: Хакасское отд-е Красноярского кн. изд-ва, 1971. 120 с.
14. Нербышев К. Хорлаңа Харасуҕ (Журчащий ручеек): сборник рассказов. Абакан: Хакасское отд-е Красноярского кн. изд-ва, 1972. 128 с.
15. Султреков А. Е. Мыкайла. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2009. 324 с.
16. Тиников Н. Кавристің көглері (Песни Кавриса): повесть. Абакан: Хакасское отд-е Красноярского кн. изд-ва, 1977. 124 с.
17. Тиников Н. Е. Пастағы халас (Первый хлеб): повесть. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2006. 120 с.
18. Туран М. Чуртас чолларыңча (Дороги жизни): сборник рассказов. Изд-е 1-е. Абакан: Хакасское отд-е Красноярского кн. изд-ва, 1984. 152 с.
19. Хабар. 2017. 14 июля.
20. Хакас чоңының нымахтары (Хакасские народные сказки): сборник / сост. В. И. Доможаков. Абакан: Хакасское отд-е Красноярского кн. изд-ва, 1986. 144 с.
21. Шулбаева В. Г. Чуртас салғағында (Превратности судьбы): пьесы и рассказы. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1997. 288 с.

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.161.2'367

Грозян Н.Ф. Розрізнення другорядних членів речення

Грозян Ніна Федорівна

канд. філол. наук, доцент
завідувач кафедри української філології
Кримський інженерно-педагогічний університет
м. Сімферополь, Крим, n.f.grozyan@mail.ru

Differences of secondary parts of the sentence

Grozyan Nina Fedorivna

Candidate of Philology, Docent
Head of the Department of Ukrainian Studies
Crimean University of Engineering and Pedagogy
Crimea, Simferopol

Анотація. Статтю присвячено аналізу складних випадків розмежування другорядних членів речення в річищі традиційної класифікації. Зауважено, що практичне визначення мінімальних синтаксичних одиниць ґрунтується на основі комплексу семантичних та формальних ознак, з огляду на комунікативне призначення речення й окремих його частин. З'ясовано способи розмежування другорядних членів на підставі їхніх диференційних структурно-семантичних ознак. Окреслено набір можливих синонімічних перетворень для визначення членів речення, умотивовано доцільність залучення прийомів трансформацій та аналогії. Розроблено механізм розрізнення додатка й неузгодженого означення, що ґрунтується на врахуванні лексико-граматичних особливостей головного і залежного компонентів. Обґрунтовано розрізнення прикладки й означуваного слова з огляду на такі чинники: ступінь конкретизації змісту (у прикладки він має бути вищим, бо вона уточнює означуване слово); лексико-граматичні характеристики (власна чи загальна назва); наявність відокремлення; наявність додаткової характеристики. Описано критерії розмежування додатка й обставини: обов'язковість / необов'язковість (факультативність) другорядних членів речення у формально-синтаксичній структурі речення; лексичні властивості підпорядкувального й підпорядкованого компонентів; конкретність / абстрактність іменника в прийменниково-відмінковій словоформі; конкретний зміст усього речення; словотвірні паралелі відмінкових чи прийменниково-відмінкових форм із їхніми граматичними синонімами.

Ключові слова: член речення, мінімальна синтаксична одиниця, традиційна класифікація членів речення, додаток, означення, прикладка, обставина.

Abstract. The article analyzes complex cases of separation of secondary parts of the sentence in the sphere of traditional classification. It is noted that the practical definition of minimal syntactic units is based on the complex of semantic and formal characteristics because of the communicative purpose of the sentence as a whole and its separate parts. The ways of separation of secondary parts of the sentence based on their

differential structural and semantic features are shown. A set of possible synonymous changes for the definition of the sentence parts are outlined; the expediency of attracting transformation and analogy techniques is motivated. The mechanism of distinction of an inconsistent attribute and an object based on consideration of lexical and grammatical peculiarities of the main and dependent components is worked out. The author grounds the distinction of the apposition and a signified word due to the following factors: the degree of specification of the content (an apposition should have a higher degree because it makes the signified word more accurate); lexical and grammatical characteristics (proper or common name); the availability of separation; the availability of additional characteristics. The criteria of separation between the object and the adverbial modifier are described: compulsory / optional secondary parts of the sentence in formal syntactic structure of sentences; lexical properties of subordinating and subordinate components; concrete / abstract nouns in preposition-and-case word forms; the specific content of the whole sentence; word building parallels of case or preposition-and-case forms with their grammatical synonyms.

Keywords: parts of the sentence, minimal syntactic unit, traditional classification of the sentence parts, object, attribute, apposition, adverbial modifier.

На сьогодні в лінгвістиці виконано низку вагомих наукових студій, що презентують різні підходи до розрізнення членів речення. Теоретичне осмислення сутності другорядних членів речення й практичні прийоми їх розмежування представлено в працях В.В. Бабайцевої [1], С.П. Бевзенка [136], В.А. Белошапкової [2], І.Р. Вихованця [4; 5], А.П. Загнітка [6], Н.Л. Іваницької [8], Л.В. Шитик [16], К.Ф. Шульжука [17] та ін. Розрізненню синтаксичних функцій інфінітива в ролі другорядних членів речення присвячені дослідження В.М. Бріцина [3], В.Ф. Сича [11], І.І. Слинька [12], І.Р. Швеця [15] та ін.

Попри наявність значної кількості методичних рекомендацій та теоретичних обґрунтувань, питання розрізнення членів речення остаточно не розв'язане, оскільки на кожному етапі наукового пізнання з'являються нові аспекти їх опису. Актуальність теми увиразнює наявність різноманітних концепцій і підходів, що стосуються місця аналізованих компонентів серед інших синтаксичних одиниць, їхньої типології, критеріїв розмежування, формальної, семантичної і комунікативної диференціації.

Мета статті – проаналізувати складні випадки розмежування другорядних членів речення, з'ясувати способи їх розрізнення. Досягненню поставленої мети сприятиме реалізація таких завдань: окреслити набір можливих синонімічних перетворень для визначення членів речення; розробити

механізм розрізнення додатка й неузгодженого означення; обґрунтувати розрізнення прикладки й означуваного слова; описати критерії розмежування додатка й обставини.

Дослідники називають низку особливостей, які потрібно враховувати для кваліфікації другорядних членів речення: 1) семантико-синтаксичні функції структурно-семантичного компонента; 2) входження / невходження до номінативного мінімуму речення; 3) морфологічне вираження другорядного члена речення і граматичні засоби зв'язку з опорним словом; 4) синтаксична роль; 5) лексичне значення опорного і залежного членів речення; 6) позиційна закріпленість / незакріпленість під час актуального членування речення; 7) співвідношення з відповідним компонентом семантико-синтаксичної структури речення [6, с. 494; 17, с. 86].

Практичне визначення членів речення ґрунтується на основі комплексу семантичних та формальних ознак, з огляду на комунікативне призначення речення й окремих його частин [8, с. 78]. Способами розмежування другорядних членів (тобто практичними прийомами розрізнення) на підставі їхніх диференційних структурних ознак є:

1) значеннєві запитання, спрямовані на відображення семантико-синтаксичного статусу другорядного члена речення;

2) морфологічне вираження мінімальної синтаксичної одиниці;

3) супідрядні зв'язки між другорядними членами речення як показник однорідності їхнього семантико-синтаксичного статусу;

4) урахування особливостей категорійної семантики головного слова;

5) можливість синонімічної заміни одних словосполучень іншими (*колосок жита – житній колосок*);

6) урахування реального відчуття просторових відношень, місця розташування чого-небудь і, з огляду на це, поступової втрати іменником власної категорійної семантики (*За вікном розвиднялося*);

7) урахування лексичного значення головного і залежних слів [6, с. 494].

Для розмежування додатків та неузгоджених означень, виражених

іменником у родовому відмінку, А.П. Загнітко пропонує залучати різноманітні синонімічні перетворення:

1) заміну неузгодженого означення узгодженим: *сік яблуні* → *яблучний сік*; *шапка брата* → *братова шапка*;

2) перетворення словосполучення з неузгодженим означенням у сполучення підмета з присудком (при цьому слово, що є означенням, стає підметом, а пояснюваний іменник трансформується в дієслово-присудок): *шепіт трави* → *трава шепотить*, *сум матері* → *мати сумує*;

3) перетворення словосполучення з неузгодженим означенням у речення з присудком *давати* (під час цієї трансформації слово-означення стає підметом, а підпорядкувальне слово – прямим додатком): *вогонь багаття і багаття дає вогонь*, *світло лампи і лампа дає світло*;

4) перетворення неузгодженого означення в поширене узгоджене означення, виражене дієприкметниковим зворотом, чи в підрядне присубстантивно-означальне речення: *тепло багаття і тепло, що йде від багаття*; *плаття з шовку і плаття, пошите з шовку* [6, с. 503].

Л. В. Шитик акцентує увагу на врахуванні лексико-граматичних особливостей опорного та залежного компонентів у процесі розмежування додатка й неузгодженого означення, а також на доцільності залучати прийоми трансформацій та аналогії [16, с. 119]. Погоджуємося з визначеним дослідницею механізмом розрізнення додатка й неузгодженого означення.

1. Якщо іменник у родовому відмінку залежить від іменника недієслівного походження (крім похідних іменників з абстрактним значенням), то він виконує роль означення. Підтвердженням цього є перетворення неузгодженого означення в узгоджене, напр.: *гомін степу* – *степовий гомін*, *вулиці села* – *сільські вулиці*. Однак цей загальноприйнятий прийом не зовсім досконалий, тому що не завжди зміст словосполучень «іменник + іменник у родовому відмінку» та «іменник + прикметник» однаковий, напр.: *листя дерева* (нетотожне *дерев'яне листя*). До того ж словотвірний потенціал іменникової основи часто внеможливіює перетворення в прикметник, напр.: *мотор літака*.

У такому разі доцільно застосовувати прийом аналогії, що передбачає заміну іменника в родовому відмінку іншою лексемою (найчастіше видовою назвою), яку можна перетворити в прикметник, напр.: *листя яблуні – яблуневе листя, мотор машини – машинний мотор*.

2. Якщо іменник у родовому відмінку залежить від іменника дієслівного походження, то він може бути означенням або додатком, що залежить від значення родового відмінка – родовий суб'єкта чи об'єкта:

а) якщо іменник у родовому відмінку називає виконавця дії (значення суб'єкта), то він виконує роль означення; у такому разі в трансформованому сполученні іменник змінює форму з родового відмінка на називний, тобто виконує роль підмета, напр.: *Ні **співу пташок**, ні зудіння комахи не чутно* (В. Шевчук) – *спів^{чий?} пташок → пташки співають*;

б) якщо іменник у родовому відмінку називає предмет (значення об'єкта), на який спрямовано дію, то він виконує роль додатка; підтвердженням цього є перетворення іменникового словосполучення в дієслівне, де цей іменник не змінює відмінок або набуває форми знахідного відмінка (синтаксична функція додатка), напр.: *У четвертому класі першочергове значення надавалося злагоженому й чистому **співу** двоголосних **пісень*** (В. Черкасов) – *спів^{чого?} пісень → співати пісні*.

3. Якщо іменник у родовому відмінку залежить від похідних іменників з абстрактним значенням (на зразок *велич, геній, світоч, патріарх* тощо), які вже своєю семантикою виражають повноту ознаки, а отже не потребують іншої атрибутивної характеристики, то він виконує роль додатка, напр.: – *Це **світоч науки** для всього слов'янства* (О. Ільченко).

Складним є питання розрізнення прикладки й означуваного слова. Розмежування їх потребує врахування засобів вираження цього різновиду означення, адже прикладка може бути виражена як власною, так і загальною назвою.

У науковій літературі описано різні критерії і способи розрізнення прикладки й означуваного слова [6, с. 505; 9, с. 65–68; 16, с. 118 та ін.].

Узагальнивши наявний теоретичний матеріал, пропонуємо враховувати такі чинники: 1) ступінь конкретизації змісту (у прикладки він має бути вищим, бо вона уточнює означуване слово), напр.: *Попливе Івасик геть-геть річкою, а мати тим часом йому їсти наварить та в горнятка-двійнятка накладе* (Нар. тв.); 2) лексико-граматичні характеристики, зокрема власна чи загальна назва (у цьому разі прикладкою є власні географічні назви; умовні назви неживих предметів (газет, журналів, наукових, художніх та інших літературних творів, підприємств, організацій і т. ін.); клички тварин, частково – власні імена людей), напр.: *Перші речення та окремі шматки цієї книги народилися на моїх друкарських машинках «Україна» та «Optima»...* (А. Дністровий); 3) наявність відокремлення (відокремлений компонент і є прикладкою), напр.: *А на Катерину, на дитя своє єдине, тільки поглядає* (Т. Шевченко); 4) родо-видові відношення (прикладка зазвичай є видовою назвою), напр.: *Гей, на всі простори, на Карпати-гори розлітайся, слово, розтинайся, клич...* (М. Рильський); 5) наявність додаткової характеристики (додаткове якісне значення має прикладка), напр.: *Був собі чоловік та жінка, а в них синок-одиначок Івасик* (Нар. тв.).

Щодо функціонування в ролі прикладки імен людей немає єдиної думки. Б.М. Кулик уважає, що власне ім'я є переважно означуваним словом, а загальна назва, що характеризує особу за її національністю, професією, характером діяльності, віком, місцем проживання, походженням, за належністю до певної соціальної групи, до організації чи до політичного напрямку, є прикладкою, напр.: *І мовчав юнак Федькович* (П. Тичина) [9, с. 66]. Натомість С.П. Бевзенко відзначає, що здебільшого прикладкою є власна назва, напр.: *Капітан Микола дивиться довкола* (І. Франко) [13, с. 328].

Погоджуємося з Л. В. Шитик [16, с. 118], що власне ім'я є прикладкою в таких випадках: 1) коли загальна назва не містить додаткової характеристики, а найчастіше має при собі означення, напр.: *Сучасний французький письменник Мішель Уельбек, маючи мільйонні гонорари, у своїх інтерв'ю справляє враження замкнутої і депресивної людини...* (С. Процюк); 2) коли власна назва

відокремлена, напр.: *Дядькова дружина, Оксана, швидко розтопила піч* (О. Беляєв).

Потребує уваги визначення функційного статусу складних іменників прикладкового типу. Зокрема, не є прикладкою компонент таких складних іменників: а) слів, що становлять одне поняття на зразок *батько-мати* (батьки), *хліб-сіль* (гостинність), *щастя-доля* (талан), *жито-пшениця* (хліб) тощо, напр.: – *Знай, серце батька-матері, ким би вони не були, людьми, звірями чи птахами, за дитину болить однаково* (Нар. тв.); б) складні лексеми, утворені поєднанням синонімів, напр.: *Серед мороку, бурі-негоди цілу ніч буде човен блукати* (Леся Українка); в) назви рослин: *сон-трава, розрив-трава, євшан-зілля*, напр.: *Не сон-трава на могилі вночі процвітає* (Т. Шевченко); г) фольклорні образи (*рута-м'ята, жар-птиця, щастя-доля*), напр.: *Обвуглив дерева, стоптав руту-м'яту* (М. Луків); г) казкові персонажі (*Лисичка-сестричка, Вовчик-братик, Івасик-Телесик* та ін.), напр.: *І вовчик-братик, і біла білка, і хитрий лис... Куди розбіглись, куди сховались – агей, куди?* (Б. Олійник).

Однакові засоби вираження додатків та обставин (відмінкові й прийменниково-відмінкові словоформи) спричинюють труднощі їх розмежування. Цим питанням приділено увагу в науковій та навчально-методичній літературі [7, с. 25–34; 8, с. 85–101; 9, с. 73; 10, с. 59–64; 14 та ін.], однак проблема розрізнення залишається актуальною.

Н.Л. Іваницька наголошує на важливості застосування часткових практичних прийомів синтаксичного аналізу та домінуванні синтаксичного запитання за умови, що можна поставити два запитання до члена речення [8, с. 101].

Урахувавши напрацьовані практичні рекомендації, пропонуємо низку критеріїв розмежування додатка й обставини.

1. **Обов'язковість / необов'язковість (факультативність)** другорядних членів речення у формально-синтаксичній структурі речення: «для обставин характерна необов'язковість її у завершенні структури речення, на відміну від додатка як структурно необхідного компонента речення» [8, с. 76]. Тому-то

обставина найчастіше постає компонентом, що розширює, конкретизує структуру «достатньої» частини речення (крім обставин місця, що реалізують просторову валентність предиката), а додаток слугує завершальним компонентом, вилучення якого робить речення структурно не закінченим.

2. Лексичні властивості підпорядкувального й підпорядкованого компонентів. Зокрема, різне лексичне значення підпорядкувальних слів прогнозує їхню різну синтаксичну роль (пор.: *помер від хвороби* (обставина причини), *урятував від хвороби* (додаток). Водночас семантика підпорядкованого слова також прогнозує специфіку його функціонування (пор.: *живе в місті* (обставина місця), *живуть у дружбі* (обставина способу дії).

3. Конкретність / абстрактність іменника в прийменниково-відмінковій словоформі: в обставинах відбувається послаблення, а то й втрата конкретного предметного значення іменника, на відміну від додатків, які зазвичай мають конкретно-предметну семантику, пор.: *підійшла до села* (обставина) – *підійшла до столу* (додаток). Якщо залежне слово при членах речення, виражених дієсловом, називає істоту чи предмет, не поєднаний виразними об'єктними відношеннями з певним місцем, відрізком часу або іншими моментами дійсності, що відображені в граматичній категорії обставини, то це додаток, напр.: *підійшов до батьків* (але пор.: *поїхав до батьків* – поєднує функцію непрямого додатка й обставини місця) [9, с. 73].

4. Конкретний зміст усього речення, що дає змогу розрізнити, наприклад, обставину способу дії із семантикою порівняння та додаток, напр.: *Зграєю гайвороння бандити позлізали з коней і опустились на землю* (М. Стельмах) – обставина; пор.: *Чорне море – одне з найбільших внутрішніх морів у світі. Воно з'єднується з Середземним морем **Мармуровим морем** та **протоками Босфор і Дарданелли в Туреччині*** (<http://cd.greenpack.in.ua/chorne-more/>) – додатки тощо.

Отже, проаналізовані проблеми розрізнення другорядних членів речення наочно демонструють основний недолік традиційного вчення – поєднання в тлумаченні членів речення семантичних і формальних ознак. Уникнути проблем диференціації структурно-семантичних компонентів можна за рахунок

удосконалення традиційної класифікації – визнання синкретизму в системі членів речення або аналізу мінімальних синтаксичних одиниць на тлі формально-синтаксичної, семантико-синтаксичної та комунікативної структур речення, що й прогнозує перспективу подальших досліджень.

Список літератури

1. Бабайцева В.В. Система членов предложения в современном русском языке / В.В. Бабайцева. – М.: Просвещение, 1988. – 159 с.
2. Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис / В.А. Белошапкова. – М.: Высшая школа, 1977. – 248 с.
3. Брицын В.М. Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке / В.М. Брицын. – К.: Наук. думка, 1990. – 319 с.
4. Вихованець І.Р. Граматика української мови. Синтаксис: підручник / І.Р. Вихованець. – К.: Либідь, 1993. – 368 с.
5. Вихованець І.Р. Нариси з функціонального синтаксису української мови / І.Р. Вихованець. – К.: Наук. думка, 1992. – 224 с.
6. Загнітко А.П. Теоретична граматика сучасної української мови. Морфологія. Синтаксис / А.П. Загнітко. – Донецьк: ТОВ «ВКФ «БАО», 2011. – 992 с.
7. Іваницька Н.Л. Складні випадки розмежування членів речення / Н.Л. Іваницька // Укр. мова і літ. в школі. – 1974. – № 5. – С. 25–34.
8. Іваницька Н.Л. Теоретичний синтаксис української мови. Частина перша / Н.Л. Іваницька. – Вінниця: ВДПУ ім. М. Коцюбинського, 2002. – 169 с.
9. Кулик Б.М. Курс сучасної української літературної мови. Синтаксис / Б.М. Кулик. – К.: Рад. школа, 1961. – Ч. II. – 287 с.
10. Лозебной И.С. В защиту смысловых вопросов при распознавании второстепенных членов предложения / И.С. Лозебной // Проблемы теории членов предложения. – Кишинев: Штиинца, 1973. – С. 59–64.
11. Сич В.Ф. Синтаксичні функції інфінітива / В.Ф. Сич // Українська мова і література в школі. – 1972. – № 3. – С. 24–30.
12. Слинко І.І. Інфінітив у функції другорядних членів речення / І.І. Слинко // Українська мова і література в школі. – 1961. – № 6. – С. 21–37.
13. Сучасна українська мова. Синтаксис / [за ред. М.Я. Плющ]. – К.: Вища школа, 1994. – 414 с.
14. Христіанінова Р.О. Просте речення в шкільному курсі української мови: посібн. для вчителя. – К.: Рад. школа, 1991. – 160 с.
15. Швець І.Р. Синтаксичні функції інфінітива в сучасній українській літературній мові / І.Р. Швець. – Одеса: Вид-во Одеського ун-ту, 1972. – 58 с.
16. Шитик Л.В. Синтаксичний розбір / Л.В. Шитик // Державна атестація з української мови студентів ОКР «бакалавр» і «спеціаліст»: навч.-метод. посіб. / З.М. Денисенко, Л.І. Лонська, Л.В. Шитик; за заг. ред. Л.В. Шитик. – 2-ге вид., переробл. та доповн. – Черкаси: ЧНУ імені Богдана Хмельницького, 2013. – С. 99–151.
17. Шульжук К.Ф. Синтаксис української мови: підручник / К.Ф. Шульжук. – К.: Видавничий центр «Академія», 2004. – 408 с.

УДК 811.161.2'282

Дехтярьова О. В. Службові частини мови в компонентному складі діалектних фразеологічних одиниць (на матеріалі художніх творів)

Дехтярьова Олена Віталіївна

канд. філол. наук, доцент кафедри української філології
Кримський федеральний університет імені В.І. Вернадського
Таврійська академія (структурний підрозділ)
РФ, м. Сімферополь, dehtyaryova@rambler.ru

Auxiliary parts of the language in the component composition of dialectal phraseological units (on the material of artistic works)

Dekhtyareva Olena Vitaliivna

Candidate of Philology, Associate Professor
of the Department of Ukrainian Philology
V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Taurida Academy, Russian Federation, Simferopol

Анотація. у статті розглянуто сполучники та частки, які входять до компонентного складу діалектних фразеологічних одиниць, зафіксованих у художніх творах письменників кінця ХІХ – поч. ХХ ст.: Леся Мартовича, Василя Стефаника, Марка Черемшини. Визначено, що подані одиниці відбивають галицько-буковинські говірки південно-західного наріччя української мови. Проаналізовано граматичні особливості службових частин мови як компонентів-діалектизмів у структурі фразеологізмів. З'ясовано стилістичний потенціал діалектних часток у складі фразеологічних одиниць.

Ключові слова: галицько-буковинські говори, сполучник, частка, морфологічна риса, діалектна фразеологічна одиниця, художній текст.

Abstract. The article deals with the issues of conjunctions and particles which are included into the component composition of dialect phraseological units, fixed in the works of writers of late 19th – early 20th centuries: Les Martovich, Vasyl Stefanyk, Mark Cheremshina. It is determined that the given units reflect the Galician-Bukovinian dialects of the south-western dialect of the Ukrainian language. The grammatical features of the auxiliary parts of the language as components of dialecticism in the structure of phraseologisms are analyzed. The stylistic potential of dialectal particles in the phraseological units is determined.

Key words: Galician-Bukovinian dialects, conjunction, particle, morphological feature, dialectal phraseological unit, artistic text.

У другій половині ХХ – поч. ХХІ ст. посилюється увага науковців до проблем, пов'язаних з семантикою та прагматикою фразеологічних одиниць як компонентів художніх творів (див. праці Л. Г. Авксентьева, І. С. Гнатюк,

Ю. І. Кохана, Л. Г. Скрипник, А. П. Супрун, Л. Ф. Щербачук та ін.). “Аналіз фразеології видатних майстрів слова допомагає точніше дослідити й окремі риси фразеологічної системи мови” [5, с. 164].

Необхідно зазначити, що в художньому тексті фразеологізми функціонують не самостійно, а як структурні компоненти тексту, тому актуальним та важливим є їх розгляд в аспекті контекстної реалізації як однієї з умов повноцінного функціонування таких одиниць: “ФО поза текстом, – вказує з цього приводу В. М. Білоноженко, – становить абстрактну схему, яка у кожному конкретному випадку наповнюється особливим, властивим лише даному контексту змістом” [1, с. 87].

Кінець XIX – початок XX ст. можна схарактеризувати як період найбільш активного збагачення лексико-фразеологічного складу і стилістичних можливостей української літературної мови, на формування якої впливало живе розмовне середовище. Особливістю фразеологізмів, зафіксованих у художніх текстах цього періоду, є те, що всі видатні українські письменники більшою або меншою мірою в мові своїх творів відображали особливості рідного їм говору, дбаючи про правдивість зображення, точність і художню довершеність викладу. Саме завдяки їх творам усе розмаїття діалектних фразеологічних одиниць (далі ДФО), що століттями укладалися в народній свідомості, поступово ставали набуток широкої читацької громади.

Фразеологізм складається не менше як із двох слів – компонентів, причому як складники в ньому виступають не лише повнозначні, а й службові слова [7, с. 229]. Неабияке місце в компонентному складі діалектних фразеологізмів посідають службові частини мови.

Мета статті – проаналізувати семантичні та граматичні особливості сполучників та часток у компонентному складі діалектних фразеологізмів та з’ясувати їх стилістичний потенціал у художніх творах.

Джерельною базою послуговували твори західноукраїнських письменників кінця XIX – початку XX ст., а саме: Леся Мартовича, Василя Стефаника, Марка Черемшини. Опрацьовані ДФО належать до галицько-буковинської групи

говорів, яка поширена на території історичної Буковини й Галичини.

Твори згаданих та інших західноукраїнських письменників неодноразово перевидавалися. Проте наукових праць, у яких досліджувалися б їхні мовностилістичні особливості, скажімо, функціонування ДФО в художніх творах, загалом небагато (зокрема, праці Н. Д. Бабич, В. В. Грещука, В. В. Грещук, Т. О. Євтушиної, І. Г. Матвіяса, Л. О. Ткач, В. А. Папіш, Н. В. Романюк тощо).

Діалектна фразеологія у творах Леся Мартовича, Василя Стефаника, Марка Черемшини є унікальним фактичним матеріалом, що поповнює українську діалектну фразеологічну скарбницю новими оригінальними одиницями, значна частина яких засвідчена лише в художньому тексті, що дає змогу визначити їх естетичну цінність, місце і роль у мовно-художній картині світу українців. Б. В. Кобилянський зазначає, що “по-перше, не випадково названі письменники зберігають місцеву діалектну лексику у своїх творах, а звичайно нею користуються як своєю щоденною лексикою; по-друге, діалектні елементи тут не тільки в мові персонажів, але й у мові авторів; по-третє, у творах Стефаника і Черемшини не самі лише лексичні, а багато і фонетичних, і морфологічних, і синтаксичних діалектизмів” [4, с. 40].

Діалектні морфологічні риси репрезентує ужитий як обов’язковий компонент у складі фразеологізмів, що мають конструкцію підрядного речення, сполучник **гейби**, діал. ‘Наче, немов’ [СУМ, с. 46]: *А мене знов гейби хто гранею обсилав* (Март, с. 37), діал. *грань* – літ. *жар* [СБГ, с. 76].

Відповідником **гейби** в літературній мові є **наче** ‘1. Сполучник підрядності, порівняльний, виразник порівняльних семантико-синтаксичних відношень з відтінком непевності, сумніву щодо вірогідності чого-небудь або подібності до когось, чогось; може поєднувати складники стійких сполук – власне фразеологізмів’ [2, с. 123].

Фразеологічні одиниці, що становлять собою конструкції з підрядними сполучниками, ще називають порівняльними зворотами. Своєрідною рисою цієї групи стійких виразів є те, що стрижневим компонентом для них виступає

сполучник, з якого вони починаються: *Та й мене за прошивку та й надвір. А надворі світа на крок не видко, так фужделит. Та так-сми си був тогди вбезсебив, шо **трєсло** мнов, **гейби в пропасниці*** (Черемш., с. 46).

Отже, структурно-семантична своєрідність поданих ДФО полягає в тому, що характеристика якості або дії відбувається через порівняльне підрядне речення, що вводиться сполучником **гейби**: *Як уздріла попа коло хвіртки, то так **гейби** їй поза шкіру мурашки пополазили* (Март., с. 9).

За лексико-граматичним значенням ці мовні одиниці співвідносяться, як правило, з дієсловами, прислівниками або прикметниками і виконують відповідну синтаксичну роль у реченні. Автори художніх творів використовують в основному порівняльні ДФО дієслівного типу, які емоційно передають стан героя: – *А мені **гейби окропом** лице **обілляв**, що я тоту дарівщину приймаю* (Черемш., с. 253).

Спостерігається активне вживання в художніх творах діалектного сполучника **хоть** [СБГ, с. 615]: *А то один з другим такий дурний, **хоть** му **око віколи*** (Стеф., с. 135); *Вижу надходить смучя година, але чути не чую, **хоть** з **гармати стріляйте*** (Черемш., с. 137); *Та бо то робітник порядний, чоловік добрий, **хоть до рани туляй**; лиш одна хиба: невмовний і боязкий* (Март., с. 83).

До компонентного складу таких ДФО зазвичай входить допустовий сполучник **хоть** з дієсловом у наказовому способі, який уживається на початку фразеологізму, побудованому як підрядне речення, та сполучає його з головним, виражаючи припущення, певну межу, ступінь вияву чого-небудь або можливий наслідок чогось: *Семениха перебила: – Ти мені показуй грушки на вербі. Таки не дам, **хоть убий** мене, то не дам* (Март., с. 80).

Для вираження цільових семантико-синтаксичних відношень між підрядною цільовою і головною частинами в складнопідрядному реченні найчастіше використовується сполучник **аби**, який став з'являтися в деяких граматичних дослідженнях другої половини минулого століття, причому здебільшого як стилістичний синонім сполучника **щоб**, обмежений говірковим мовленням та фольклором. Л. А. Булаховський свого часу кваліфікував **аби** як

сполучник «поширений говірково із значенням мети взагалі» [2, с. 77]. Спостерігаємо цей сполучник і у складі зафіксованих ДФО: *Аби тебе бола втєла, ти гукле виволана, чіму не дуєш* (Черемш., с. 176).

Однією з особливостей художніх творів є активне функціонування діалектних часток у компонентному складі фразеологічних одиниць.

Для творення умовного способу дієслів активно вживається частка **бих**, що сягає форми аориста: *А я каївси, зарівкавси, на коліна перед тобов припадав бих, просив бих ті був, аби-с у мені кости помісила* (Черемш., с. 67); *Бо хавтури залізли йому в ноги; най би я так блавучив, то бих дранки на собі не мав, – злобно прикинув хтось із гурту* (Черемш., с. 86), діал. *дранка* – літ. *сорочка (стара, подерта)* [ГГ, с. 63]; – *Йой, йой, йой! Кобих його був застав, та й кишки був бих випустив! Гріха за таке не боюся* (Март., с. 74).

Форми наказового способу 3-ої особи однини і множини творяться аналітично, поєднанням форм теперішнього часу дієслів із спонукальною часткою **нехай (хай)** у різних її фонетичних варіантах: **най, нех, ней**. Продуктивною в досліджуваних творах є частка **най**: *Та нім найшла тот кримінал, заки я там ся добила, то най вас бог боронит* (Стеф., с. 244); *А ти, Грицю, най тебе бог боронит* (Март., с. 35); *Най їм бог помагає їсти тот хліб, а міні однако гинути* (Стеф., с.66); *Най біг даст на пожиток, бадійку Луки'!* (Черемш., с. 45).

Фразеологічний фонд будь-якої мови – це невичерпне джерело мовної експресії. Здатність ДФО виконувати ту чи ту зображальну функцію ґрунтується в основному на їх конотативному значенні. Для ДФО характерна образність, емоційність, оцінність, стилістична забарвленість, потенційна здатність до трансформації. Усе це сприяє динамічності фразеологізмів, визначає їм певне місце в текстах художньої літератури, де вони, як зауважує І. І. Чернишова, запрограмовані [6, с. 257]. Вдале використання ДФО сприяє збагаченню художньо-зображальних засобів твору: потрапляючи в художній текст, діалектизм перестає бути звичайним говірковим елементом. Він одразу набуває додаткових смислових та естетичних відтінків, різко контрастує з

літературно-нормативною організацією цього тексту й через це стилістично увиразнюється.

Відчутне емоційно-експресивне, оцінне значення мають ДФО-прокльони та ДФО-заклинання з діалектною часткою *най, бодай* і сполучником мети *аби*.

Най: *Нічо ти не кажу, най тьм бог скарає за мене та й за діти* (Стеф., с. 24); *То най го холєра зітне, шо мні так збавив, на смерть збавив* (Черемш., с. 108).

Бодай: *А бодай того попа хроба втяла! Не міг отам до своєї грубої попаді причепитися, але він хору жінку перепудив* (Март., с. 151). *Та то гуцулска віра, бодай го шлях трафив!* (Стеф., с. 32).

Аби: *То люди! – закричала. – То собаки – не люди. Що я кажу – собаки? Гірше собак! Радше, аби мене холєра вхопила, ніж я мала жити межи такими собаками* (Март., с. 120); *Аби єму остатна година була, аби біг дав, шоби він сам тим молоком наїдавси. Христінин у губу не має шо взєти, а він єго до аптики за молоком послає* (Черемш., с. 78). Усі ДФО уживаються як прокляття і виражають побажання комусь лиха, всього недоброго [ФСУМ, с. 45].

Наведені ДФО – активний образотворчий чинник авторської оповіді. Через них письменники передають ставлення до зображуваних подій, акцентують увагу на життєвих труднощах, безвихідності становища, в яку потрапляє суб'єкт. М. Т. Демський слушно зазначив: “Фраземи, принаймні наявні в слов'янських мовах, мають одну дуже цікаву властивість: вони позначають далеко не все пізнане людиною, а лише ті моменти, які з точки зору мовного колективу необхідно представити образно, емоційно, експресивно” [3, с. 8]. Ця особливість зумовлює використання ДФО в художній мові, оскільки образність, емоційність, експресивність є однією з найважливіших їх ознак.

Діалектні фразеологічні одиниці не лише відображають уявлення народу про світ та його специфічні ментальні особливості, а й ілюструють усю складність і багатогранність мови. Художні твори є важливою джерельною базою для дослідження діалектної фразеології, що уможливорює не лише

практичні дослідження, а й теоретичне опрацювання проблем фразеологічного рівня.

Список літератури

1. Білоноженко В. М., Гнатюк І. С. Функціонування та лексикографічна розробка українських фразеологізмів / В. М. Білоноженко. І. С. Гнатюк. – К.: Наукова думка, 1989.– 155 с.
2. Городенська К. Граматичний словник української мови: Сполучники / К. Городенська. – Херсон: Видавництво ХДУ, 2007. – 340 с.
3. Демський М. Т. Українські фрази й особливості творення / М.Т. Демський. – Львів: Просвіта, 1994. – 63 с.
4. Кобилянський Б. В. Діалект і літературна мова / Б. В. Кобилянський.– К. : Радянська школа, 1960. – 277 с.
5. Філон М. І. Деякі особливості семантики фразеологізмів у творах Ю. Федьковича / М. І. Філон // Українська респ. наук. конф., присвячена 150-річчю з дня народження видатного письменника-демократа і громадського діяча Юрія Федьковича, Чернівці, 18-20 жовтня 1984 р. : тези доповідей. – Чернівці, 1984. – С. 164–165.
6. Чернишова И. И. Текстобразующие потенции фразеологических единиц / И. И. Чернышова // Лингвистика текста : сб. науч. труд. – М. : Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза. – 1976. – Вып. 103. – С. 256–264.
7. Ющук І. П. Українська мова. Підручник / І. П. Ющук. – К. : Либідь, 2004. – 640 с.

Список джерел

8. ГГ – Гуцульські говірки: Короткий словник / НАН України. Інститут українознавства імені І. Крип'якевича ; [уклад. Г. Гузар, Я. Закревська та ін.]. – Львів, 1997. – 230 с.
9. Март. – Лесь Мартович Твори / Лесь Мартович. – К.: Дніпро, 1976. – 428 с.
10. СБГ – Словник буковинських говірок / за заг. ред. Н. В. Гуйванюк. – Чернівці : Рута, 2005. – 688 с.
11. Стеф. – Стефаник В. Повне зібр. творів : у 3-х т. / Василь Стефаник. – К., 1949. – Т. 1. – 377 с.
12. СУМ – Словник української мови: в 11 т. /редкол.: І. К. Білодід (голова) та інші; Акад. Наук Укр. РСР, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. – К.: Наук. думка, 1970–1980.–Т. 2. – 1971. – 550 с.
13. ФСУМ – Фразеологічний словник української мови : [у 2-х кн.] / [упоряд. В. М. Білоноженко та ін.]. – К. : Наук. думка, 1993. – 984 с.
14. Черемш. – Черемшина М. Твори в двох томах / Марко Черемшина. – К. : Наук. думка, 1974. – Т. 1. – 336 с.

УДК 81'373.4=161.2

Масликова О.С. Терміни на позначення структурних одиниць і компонентів художнього твору в українській мові (на матеріалі творів М.С. Грушевського)**Масликова Оксана Степанівна**канд. філол. наук, доцент
кафедри української філології
Кримський інженерно-педагогічний університет
м. Сімферополь, Крим, n.f.grozyan@mail.ru**Terms for designation of structural units and components of artistic works in Ukrainian language (on material of creatives of M.S. Grusevsky)****Maslikova Oksana Stepanivna**candidate of philology, docent
of department of Ukrainian philology
Crimean Engineering and Pedagogical University, Crimea, Simferopol

Анотація. У науковій статті висвітлюється питання про функціонування в українській мові термінологічних одиниць на позначення компонентів, структурних одиниць художнього твору на основі праць М.С. Грушевського, який утверджував літературний варіант української мови на межі XIX – XX століть, вирішував проблемні мовні питання у своїх наукових розвідках. Зазначається, що вчений часто коментує відтінки значення та аспекти вживання окремих одиниць, вказує на походження філологічних термінів та терміносполук із тематичної групи «терміни на позначення компонентів, структурних одиниць художнього твору». Термінологічні одиниці цієї тематичної групи, які часто вживає у своїх працях М. Грушевський, аналізуються через порівняння та вживання їх іншими вченими, а також простежуються особливості їх функціонування в українській мові.

Ключові слова: художній твір, структурні одиниці твору, вступне слово, передмова, стопа, строфа, композиція, експозиція, частина твору, фінал, інтегральна частина, заключна частина твору.

Abstract. The scientific article addresses the issue of the functioning in Ukrainian language of terminological units for the designation of components, structural units of literary works. It is indicated that M.S. Grushevsky argued the literary version of the Ukrainian language at the turn of the XIX - XX centuries and in his writings he solved the problematic issues of the language. It is noted that the scientist often comments on the shades of meaning and aspects of the use of individual units and indicates the origin of philological terms and nomenclatures from the thematic group «terms for designation of components, structural units of a literary works» It is important that the terminological units of this thematic group, which M. Grushevsky often uses in his writings, are analyzed through comparison with the works of other scientists, and also their functioning in the Ukrainian language are traced.

Key words: literary works, structural units works, introductory word, preface, foot,

stanza, composition, exposure, part works, final, integral part, final part works.

Актуальність дослідження зумовлена тим, що в ньому подається аналіз термінів та терміносполук на позначення компонентів та структурних одиниць художнього твору, які вживаються в терміносистемі М.С. Грушевського та в українській мові. Загальні проблеми дослідження термінології розглядаються у працях О.О. Реформатського, Д.С. Лотте, В.П. Даниленка, В.М. Русанівського, Т.Р. Кияка. Філологічну термінологію досліджували Є. Регушевський, М. Тростогон, І. Галенко та інші вчені.

Метою статті є дослідження та відповідний аналіз термінів та номенклатур праць М.С. Грушевського, що вказують на структурні одиниці, компоненти художнього твору, а також з'ясування частотності та специфіки їх використання в терміносистемі М.С. Грушевського та в українській мові.

Варто зауважити, що окремі термінологічні одиниці з тематичної групи «структурні одиниці, компоненти художнього твору» зафіксовані ще у творах Т.Г. Шевченка: *акт, арія, сцена, гекзаметр, глава, епілог, композиція, образ, рима* тощо [14, с. 112–113]. Деякі терміни з цієї тематичної групи послідовно функціонують у творах українських культурних діячів кінця ХІХ століття: М.Старицького, Лесі Українки, П.А. Грабовського, Ольги Кобилянської, Івана Франка, М. Драгоманова та інших визначних діячів, що мали вагомий вплив на формування лексичної системи української мови.

Одним із творців лексичного системи української мови є Михайло Грушевський. Він, ґрунтовно досліджуючи історію української літератури, аналізуючи художні надбання, не обходиться у своїх працях без цілої низки термінів, які уже фіксувалися в українській періодиці: *слово вступне, слово передне* та в науковій літературі: *епілог, інтродукція, передмова, гекзаметр, дактиль, стопа, строфа, ямб* та ін. У працях вченого тематична група «компоненти та структурні одиниці художнього твору» представлена досить повно і відображає основні особливості творів різних родів, жанрів і видів.

Гіпонімічний характер у працях Михайла Грушевського має термін *композиція*, яке він вживає для називання будови літературного твору,

доцільного поєднання всіх його компонентів у художньо-естетичну цілісність. Наприклад: «Але в кожному разі ясно, що ся билина молодша від попередньої, за котрою йде і в темі, і в **композиції**» [4, с. 105]. Михайло Грушевський, як і сучасні вчені, вживає цей термін також у значенні «твір» [2, с. 79].

Частину сюжету художнього твору, що передає початки основної дії, М.Грушевський називає терміном *експозиція*. Наприклад: «Викликом «Хто бо велій яко Богъ нашъ» автор робить перехід до **експозиції**, де намічується теза “писання сего” і докладно означається тема...» [2, с. 64]. Тематичну підгрупу «сюжетні компоненти творів різних родів» складають кілька тематичних розрядів термінів. Тематичне гніздо «компоненти епічних творів» репрезентоване усталеними і нині термінами *розділ* [10, с. 601], *глава* [10, с. 163], *частина* [10, с. 267], *епізод* [10, с. 240] та ін. Іноді у вченого відповідником до терміна *частина* виступає, відсутній у творчості інших вчених (наприклад у І. Франка), термін *часть* [8, с. 53]. Частина віршованого твору, що містить відомості про автора, якому присвячено літературний твір, називається у вченого зрідка вживаним і нині терміном *дедикація* [9, с. 227].

Тематичне гніздо «сюжетні компоненти драматичних творів» в українській мові кінця XIX – початку XX століття представлене термінами *сцена* [12, с. 56], *фінал* [12, с.57], *сценарій* [12, с. 57], *діалог* [12, с.58], *монолог* [12, с. 58]. Із цих термінів М. Грушевський часто вживав терміни *діалог*, *монолог*, *фінал*. Наприклад: «Отже, **фіналом** цього **діалогу** був знов-таки, правдоподібно, хоревий спів шкільної братії» [8, с. 79]; «В ґрунті речі це збірка **монологів**, віршованих орацій...» [8, с. 79]. Вчений використовував також поняття *драматична партія* [2, с. 188] і *драматична форма* [3, с. 91].

Значна кількість вживаних М. Грушевським термінів об'єднується в тематичну підгрупу «структурні компоненти віршового твору». Серед них є традиційні інтернаціональні терміни [13, с. 8-31], вживані І.Франком і іншими українськими науковими діячами кінця XIX ст.: *двостих* [12, с. 57], *двовірш*, *вступний вірш* [12, с. 49] та ін. Є у працях вченого терміни *фраза*, *парафраза*, *парафраз* [5, с. 258]. Співзвучність закінчень віршованих рядків позначалася

термінами *рим, рима* [15, с. 58]. У М. Грушевського: «Се пісня про воєводу Штефана, записана в чеській граматиці Яна Благослава 1571 р.: дванадцятискладовий вірш з цезурою (6+6), з свobodним **римом...**» [1, с. 122]; «Емоції, темпераменту взагалі бракує авторові, та й іншим віршарям: проробляючи таку, мабуть, не легку «кунштовану» операцію з метром і **римою**, вони, видно, вважали, що ся штука вистає за все і робить зайвою які-небудь художні прикраси мови» [8, с. 82]. У цьому ж значенні Михайло Грушевський використовує також терміносполуку *римована форма* [8, с. 76]. Найважливіший елемент вірша, що означає сукупність наголошеного і ненаголошеного складів, які, повторюючись, утворюють метр, відображений у терміні *стопа* [12, с. 238]. М. Грушевський, використовуючи цей термін, ще розрізняв *стопи дактилічні, стопи хореїчні, стопи ямбічні* [11, с. 225].

До тематичної підгрупи «структурні компоненти віршового твору» належить термін *цезура* [12, с. 138]. *Цезурою* М. Грушевський називає паузи всередині рядка: «...характеристичними розмірами веснянок, наприклад, він уважав сей розмір «Проса», 4+3, з повторенням другої **цезури**: «А ми просо сіяли»» [1, с. 128]. Щодо ритмоутворюючих одиниць у віршах вчений використовує термін *метр* [8, с. 82]. Цей термін фіксуємо також у словосполученні *схоластичний метр*. Для називання метричної структури віршованого твору в працях вченого функціонує поняття *розмір вірша* [8, с. 139], а при детальнішому аналізі віршових розмірів, М. Грушевський вживає терміни *гекзаметр, ямб, хорей* [7, с. 318].

Частою вживаністю відзначається у творах вченого термін *строфа* на позначення «сукупності віршових рядків, об'єднаних ритмічно і за змістом». Наприклад: «Взірці її давали церковні співи сиропусної неділі, присвяченої пам'яті праотця, де, наприклад, стрічаються такі **строфи...**» [5, с. 109]. Вчений розрізняє *синтаксичні і симетричні строфи*: [1, с. 120]. Основним ритмоутворюючим компонентом вірша є *рядок* [8, с. 81]. Фіксуємо у працях вченого також синонімічний термін *строка*, як-от: «...порядок **строк** і стихів, очевидно теж сильно поплутаний і не скрізь може бути реставрований» [3, с.

222]. Поряд з цими термінами зустрічаємо у вченого термін *рефрен*, що вказує на рядок чи кількість рядків у пісні, які повторюються після кожного куплета. Вчений вказує: «З мотивів основних поробилися **заспіви, інтродукції, рефрени...**» [1, с. 172].

Вагома частина термінів об'єднується в тематичну підгрупу «текст, структурні компоненти тексту». Серед них засвідчені: *заголовок, приписка, контекст, текст, текст автентичний, текст билинний, текст біблійний, текст богатирський, текст євангельський, текст канонічний*, тощо [11, с. 231].

Синонімічний ряд утворюють терміни *вступ* [12, с. 56], *передмова*, *переднє слово* [12, с. 56], *вступне слово* [12, с. 56]. М.Грушевський доповнює цей ряд термінами *заспів, інтродукція* [1, с. 84]. Останніми термінами вчений послуговується досить рідко, наприклад: «З мотивів основних поробилися прості **заспіви, інтродукції, рефрени...**» [1, с. 172]. Словосполучення *переднє слово* у М. Грушевського іноді вживається на позначення окремого розділу [1, с. 38]. Найчастіше вживаним із аналізованого ряду в М. Грушевського є термін *передмова* (понад 100 разів). Понад 50 разів вжив учений термін *вступ* [6, с. 21]. Але іноді засвідчуємо з цими ж значеннями терміносполуку *вступне слово*, яка, правда, в сучасній мові ще вживається і як риторичний термін. Як паралелізми вживає М. Грушевський терміни *доповнення* та *інтегральна частина* [11, с. 61,84]. Вживається вченим і сучасний термін *пролог* [7, с. 312].

Вказуючи на заключну частину літературного твору, М.Грушевський найчастіше послуговується вживаними і іншими авторами термінами *закінчення, післяслово, епілог, фінал*. М. Грушевський найбільше звертається до термінів *закінчення, епілог* [1, с. 320]. Досить рідко вживає вчений терміни *післяслово* і *фінал* [11, с. 165].

У системі термінів Михайла Грушевського значне місце посідає тематична група «компоненти та структурні одиниці художнього твору». Ці терміни мають давню історію функціонування. Ще у словнику та граматиці Лаврентія Зизанія (1596 р.) фіксуються такі літературознавчі терміни, що

вказують на компоненти художнього твору та віршові розміри: *строка, глава, дактиль, спондей, трохей, метр, вгрьшь* та інші. Терміни цієї тематичної групи є в працях М. Старицького, Лесі Українки, П.А. Грабовського, Ольги Кобилянської, І.Франка [12, с. 112-115].

У творах Михайла Грушевського тематична група «компоненти та структурні одиниці художнього твору» представлена досить повно і відбиває основні структурні особливості творів різних жанрів. Серед найуживаніших вченим термінів цієї тематичної групи нами зафіксовано такі: *композиція*

[4, с. 105], *експозиція* [2, с. 64], *глава* [9, с. 118], *перерібка* [1, с. 163], *переробка* (твору) [4, с. 130], *прозові партії* [2, с. 188], *акт* [5, с. 64], *том* [3, с. 249], *розділ* [5, с. 43], *рядок* (твору) [8, с. 86] тощо.

Серед термінів цієї тематичної групи можна виділити ще тематичні підгрупи. Тематичне гніздо «сюжетні компоненти драматичних творів» реалізувалося у термінах *сцена, сценарій, діалог, монолог* [15, с. 56]. Серед них найуживанішими у творах М. Грушевського є *діалог і монолог*.

Значна частина термінів, вживаних М. Грушевським, об'єднується в тематичну підгрупу «структурні компоненти тексту». Серед них засвідчені: *заголовок* [6, с. 8], *зарис* [9, с. 75], *заспів* [3, с. 85], *підзаголовок* [8, с. 165], *епіграф* [2, с. 169], *епілог* [1, с. 215], *катехізм* [9, с. 34], *контекст* [8, с. 206], *оглав* [9, с. 140]. Деякі з цих слів вживалися попередниками М. Грушевського – Іваном Франком і Михайлом Драгомановим.

Отже, тематична група «терміни для називання компонентів, структурних одиниць художнього твору» відзначається сталістю та значною частотністю вживання. Вчений вживає майже 400 як відомих, так і своїх авторських термінів, збагачуючи скарбницю української літературознавчої термінології. Переважна більшість їх, як видно з попереднього аналізу, є здобутком сучасної літературознавчої термінології.

Список літератури

1. Грушевський Михайло. Історія української літератури / Михайло Грушевський. – К. : Либідь, 1993. – Том 1. – 389 с.

2. Грушевський Михайло. Історія української літератури / Михайло Грушевський. – К. : Либідь, 1993. – Том 2. – 259 с.
3. Грушевський Михайло. Історія української літератури / Михайло Грушевський. – К. : Либідь, 1993. – Том 3. – 279 с.
4. Грушевський Михайло. Історія української літератури / Михайло Грушевський. – К. : Либідь, 1994. – Том 4, книга 1. – 328 с.
5. Грушевський Михайло. Історія української літератури / Михайло Грушевський. – К. : Либідь, 1994. – Том 4, книга 2. – 319 с.
6. Грушевський Михайло. Історія української літератури / Михайло Грушевський. – К. : Либідь, 1995. – Том 5, книга 1. – 255 с.
7. Грушевський Михайло. Історія української літератури / Михайло Грушевський. – К. : Либідь, 1995. – Том 5, книга 2. – 351 с.
8. Грушевський Михайло. Історія української літератури / Михайло Грушевський. – К. : Либідь, 1996. – Том 6, книга 1. – 240 с.
9. Грушевський Михайло. Історія української літератури / Михайло Грушевський. – К. : Либідь, 1996. – Том 6, книга 2. – 268 с.
10. Літературознавчий словник-довідник. – К. : Вид. центр «Академія», 1997. – 750 с.
11. Масликова О.С. Словник філологічної термінології та номенклатури творів М.С. Грушевського / О.С. Масликова. – Сімферополь: Кримнавчпеддержвидав, 2002. – 256 с.
12. Пінчук С.П. Словник літературознавчих термінів Івана Франка / С.П. Пінчук, Є.С. Регушевський. – К. : Наук. думка, 1966. – 271 с.
13. Регушевський Є.С. Нариси з історії української наукової термінології (XVI – XVII ст.). / Є.С. Регушевський. – Сімферополь, 2004. – С. 8-31.
14. Регушевський Є.С. Роль Т.Г. Шевченка в утвердженні в сучасній українській мові літературознавчої термінології / Шевченко і розвиток мов соціалістичної співдружності: Тези доп. і повід. респ. наук. конф. / Є.С. Регушевський. – К., 1989. – С. 112-113.

УДК 811.161.2

**Прудникова Т.І. Ідеографічна характеристика фразеологічних
одиниць на позначення поведінки людини в перекладах
Степана Масляка**

Прудникова Тетяна Іванівна
старший викладач кафедри початкової освіти
Кримський інженерно-педагогічний університет
м. Сімферополь, Крим, adamsi@inbox.ru

**The ideographical classification of the phraseological units
describing human behavior in the translations of Stepan Maslyak**

Prudnikova Tatyana Ivanovna
Senior Lecturer in the Department of Ukrainian Philology
Crimean University of Engineering and Pedagogy
Crimea, Simferopol

Анотація. У статті досліджується корпус фразеологічних одиниць на позначення поведінки людини в перекладах Степана Масляка (на матеріалі перекладу з чеської мови роману Ярослава Гашека «Пригоди бравого солдата Швейка») із урахуванням досягнень сучасної фразеологічної та психологічної наук. В ідеографічному аспекті характеризуються тематичні поля фразеологічних одиниць «Агресивна поведінка людини», «Девіантна поведінка людини», «Просоціальна поведінка людини». Ідеографічна класифікація фразеологічних одиниць на позначення поведінки людини в перекладах Степана Масляка відповідає класифікації поведінки, прийнятій у психології. У результаті дослідження виявлено більш й менш численні тематичні групи, семантичні поля, семантичні групи й синонімічні ряди фразеологічних одиниць. Найбільше синонімічних рядів виявлено у семантичній групі фразеологічних одиниць «Пряма активна фізична агресивна поведінка людини», найменше – у тематичній групі фразеологічних одиниць «Суїцидальна поведінка людини».

Ключові слова: ідеографія, фразеологічна одиниця, синонімічний ряд, семантична група, семантичне поле, тематична група, поведінка людини.

Abstract. The article deals with the phraseological units describing human behavior in the translations of Stepan Maslyak (based on the translation from Czech of the novel by Jaroslav Hasek «The Good Soldier Svejk») taking into account the advances in modern phraseology and psychology. The ideographic aspect characterizes thematic fields of phraseological units «Aggressive human behavior», «Deviating human behavior», «Altruistic human behavior». The ideographical classification of the phraseological units describing human behavior in the translations of Stepan Maslyak corresponds to the classification of behavior accepted in psychology. The study found more and less numerous thematic groups, semantic fields, semantic groups and synonymic rows of phraseological units. Most synonymic rows in the translations were found in the semantic group of phraseological units «Direct active physical aggressive human behavior», the fewest number was in the thematic group of phraseological units «Suicidal behavior».

Keywords: ідеографія, фразеологічна одиниця, синонімічний ряд, семантична група, семантичне поле, тематична група, поведінка людини.

При величезній кількості досліджень, присвячених фразеології, роботи ідеографічного плану складають одиниці. Ідеографічні дослідження фразеології різних мов розвиваються нерівномірно. Фрагментарні ідеографічні описи російських фразеологізмів охоплюють уже більшу частину фразеологічного фонду й могли б покрити майже всю ідеографічну сітку, якби така для фразеології була розроблена [8, с. 8]. Українська фразеологічна ідеографія – не виняток. Багатий фразеологічний матеріал, накопичений українською фразеографією, ще чекає свого опису в ідеографічному аспекті. Для представлення всіх фразеологічних одиниць (ФО) потрібен окремий ідеографічний словник фразеології. Лише початком такого опису можна

вважати словник Ю.Ф. Прадіда «Русско-украинский и украинско-русский фразеологический тематический словарь: Эмоции человека» [11]. Причиною недоліків саме в понятійній класифікації можна вважати нез'ясованість багатьох теоретичних проблем фразеологічної ідеографії. Тому актуальною є думка А.М. Емірової про те, що фразеологія повинна стати об'єктом окремого ідеографічного опису [17, с. 66]. Для лінгвістів, у першу чергу, становлять інтерес мовні засоби, що використовуються на позначення поведінки людини. Однак учені неодноразово звертали увагу на недостатню вивченість цієї проблеми – відсутність схеми систематизації мовних засобів вираження поведінки людини, обмежене використання досягнень психологічної науки в галузі дослідження поведінки людини [2; 3; 5; 6; 10; 11; 13; 14].

За останні 20-30 років було написано низку монографій, статей і дисертацій, у яких досліджувалися ідеографічні групи фразеологічних одиниць на матеріалі різних мов, з'ясовувалися деякі теоретичні проблеми фразеологічної ідеографії. Варто зазначити, що перші кроки на шляху розв'язання цієї складної й багатопланової проблеми зроблено (див. праці: Н.Ф. Грозан [2; 3; 4; 5; 6], А.М. Емірової [16; 17], О.М. Каракуці [6], І.Є. Колесникової [7], Ю.Ф. Прадіда [9; 10; 12], П.О. Редіна [14], Л.М. Рязановського [15], О.С. Яковлевої [18], Р.І. Яранцева [19] та ін. учених). Монографія Л.М. Рязановського «Идеографические аспекты немецкой фразеологии: Темпоральная фразеология» [15] присвячена аналізу фразеосемантичного поля часу на матеріалі його ядерних мікрополів зі значеннями «ніколи» і «давно». Учений демонструє можливості ідеографічного дослідження, тісно пов'язаного з історико-етимологічним аналізом. В українському мовознавстві теоретичні та практичні проблеми вирішення окремих фразеологічних мікро- та макросистем були предметом спеціального дослідження в монографії Ю.Ф. Прадіда «Фразеологічна ідеографія: проблематика досліджень» [12]. У монографії учений провів лінгвістичний аналіз фразеологічних одиниць на позначення психічних процесів людини з урахуванням досягнень сучасних фразеологічної та психологічної наук.

Фразеологічна мікросистема «Поведінка людини» була окремо об'єктом мовного аналізу Н.Ф. Грозян [4]. Отже, перші кроки на шляху розв'язання складної багатопланової проблеми ідеографічного опису ФО на позначення поведінки людини зроблено. Аналіз фразеологічних одиниць на позначення поведінки людини в перекладах Степана Масляка виявляє ще цілу низку явищ, дослідження яких має теоретичне й практичне значення. Актуальність теми дослідження визначається, по-перше, посиленням в україністиці інтересу до опису окремих фразеологічних мікросистем; по-друге, потребою подальшого вивчення фразеологічних мікросистем, залучаючи до аналізу деякі дані теорій, висновків інших наук і галузей лінгвістики.

Мета статті – вирізнити фразеологічні одиниці, що функціонують у перекладах Степана Масляка, загальна семантична ознака яких має екстралінгвістичну природу (всі вони позначають поведінку людини), зробити ідеографічну характеристику цих ФО із урахуванням досягнень сучасної фразеологічної та психологічної наук (на матеріалі перекладу з чеської мови роману Ярослава Гашека «Пригоди бравого солдата Швейка» [1]).

Приклади переконують, що поведінка людини в перекладах Степана Масляка передається широким діапазоном фразеологічних засобів української мови. У ідеографічній групі ФО «Поведінка людини» виділяється такі тематичні поля ФО (ієрархічна структура ідеографічної класифікації подається за Ю.Ф. Прадідом: синонімічний ряд → семантична група → семантичне поле → тематична група → тематичне поле → ідеографічна група → ідеографічне поле → архіполе [12, с. 40]): «Агресивна поведінка людини», «Девіантна поведінка людини», «Сексуальна поведінка людини», «Просоціальна поведінка людини» [4].

Як переконує досліджуваний матеріал, у тематичному полі ФО «Агресивна поведінка людини» виділяються три тематичні групи ФО: «Суїцидальна поведінка людини», «Фізична агресивна поведінка людини», «Вербальна агресивна поведінка людини». Приклади свідчать, що в перекладах зафіксовано поодинокі фразеологізми на позначення суїцидальної поведінки

людини. Наприклад: *Чи ви часом не маєте при собі ременя, щоб я міг покласти цьому край* [1, с. 52].

Науковцями пропонується описувати агресивну поведінку за трьома шкалами: фізична-вербальна, активна-пасивна, пряма-непряма [5]. Виділяються семантичні поля ФО, що характеризують активну фізичну (вербальну) агресивну поведінку людини й пасивну фізичну (вербальну) агресивну поведінку людини. У кожному семантичному полі ФО виділяються семантичні групи ФО. Існує розгалужена система фразеологічних засобів мови на позначення цих понять. Найбільше синонімічних рядів виявлено у семантичній групі ФО «Пряма активна фізична агресивна поведінка людини» зі значеннями: а) бити (побити) кого-небудь: *Давай, думаю, познайомлю їх одне з одним, а коли ця бестія схоче якусь штуку встругнути, то дам їй на той випадок такого духопелу, що аж до смерті не забуде, як з канарками поводитися, бо я, треба вам, пане обер-лейтенанте, знати, дуже люблю тварин* [1, с. 165]; *У той час, коли галицькі ліси бачили, як австрійське військо дає драла через річку Раб, а на півдні, в Сербії, всі австрійські дивізії заслужено діставали припарки, австрійське військове міністерство згадало про Швейка й покликало його, щоб він допоміг урятувати монархію з такої халепи* [1, с. 66]; *Тоді його схопили двоє за голову, двоє – за ноги, шарпнули, мов кішку, й скрутили йому в'язи* [1, с. 350]; *Вони повинні були б порохувати тобі ребра тут же, на місці, в залі, а потім викинути* [1, с. 328]; *Згодом ще назвав того Пароубка шащинською бестією. Отут уже наш Пароубек схопив дротяна, добре обчухрав йому голову його мишоловками й дротами і викинув голубчика на вулицю* [1, с. 328]; *Але тут до нього підскочив лейтенант Моц і почав частувати його раз у раз по пиці...* [1, с. 383] та ін.; б) убити: *Тоді його схопили двоє за голову, двоє – за ноги, шарпнули, мов кішку, й скрутили йому в'язи* [1, с. 350]; *Моя остання розрада, що знайшовся вірний приятель, який мене спровадить зі світу* [1, с. 617]; «Через Сараєво», «через Фердинанда», «через те вбивство пана ерцгерцога», «за Фердинанда», «за те, що в Сараєві пана ерцгерцога спровадили на той світ» [1, с. 34] та ін.; в) ударити: *Пам'ятаєте, ви, подержиши*

інструкцію про воєнну позику, хотіли мені **дати запотилличника** за те, що я розповів вам про одну книжку, де було написано, як раніше, в час війни, люди платили за вікна: за кожне вікно по двадцять гелерів і за кожну гуску стільки ж [1, с. 419]; Пам'ятаєте, ви, подериши інструкцію про воєнну позику, хотіли мені **дати запотилличника** за те, що я розповів вам про одну книжку, де було написано, як раніше, в час війни, люди платили за вікна: за кожне вікно по двадцять гелерів і за кожну гуску стільки ж [1, с. 419]; Коли професор зовсім вилікувався та його випустили, він узяв собі цього санітара за слугу, й той не мав жодної іншої праці, як тільки кожного ранку **відважувати** панові професору чотири **потилличники**, і це він виконував дуже сумлінно й точно [1, с. 602]; Мадяр почав щось шваргоніти по-своєму, а Мейстрішк йому з місця як **зацідить у пику**, той так і заповров носом у землю [1, с. 326]; І так було **зацідить по зубах**, що хрін не забудеш [1, с. 349] та ін.; г) винищити: На перший погляд здається, що наш батальйон ось-ось загине й нас **розмолотять на друзки** або **посічуть на капусту** [1, с. 510]; Налякані маси ще не прозріли і, вирячивши очі, йдуть на фронт, **дають себе сікти на капусту** [1, с. 273]; – На те ми й солдати, – недбало кинув Швейк, на це нас матері породили, щоб, коли вже одягнемо мундири, нас **посікли на цурку** [1, с. 602]; Коли нині щось вибухне, піду добровольцем і служитиму найяснішому цісарю нашому, хоч би мене **на капусту посікли!** [1, с. 32]; За цього пса вас всіх треба в карцер захвати, **січки** з вас **наробити**, постріляти, живцем поварити [1, с. 37] та ін.; г) мучити, катувати (завдавати фізичних страждань): Але якщо скажете: «Швейку, ні в чому не зізнавайтесь», – я викручуватимуся, хоч би з мене **паци дерли** [1, с. 41]; – Колись у Світаві начальником станції був пан Вагнер. О, той уже вмів **сотати жили** зі своїх підлеглих і знущався з них, як тільки міг [1, с. 212] та ін.

Як показує аналізований фразеологічний матеріал, у семантичній групі ФО «Пряма активна вербальна агресивна поведінка людини» виділяються синонімічні ряди зі значеннями: а) ляяти когось: **Я тобі ще накручу хвоста** [1, с. 581]; **Коли б я хотів, міг би вам обом добре хвоста накрутити** [1, с. 304]; та

ін.; б) сварити, гостро критикувати: *Щоб не забути, цей капрал добре вміє те, що треба, а також можеш бути певний, що він тобі **дасть** добряче **прикурити**, я його про це просила ...*[1, с. 552]; в) змучити (завдавати моральних страждань): – *Колись у Світаві начальником станції був пан Вагнер. О, той уже вмів **сотати жили** зі своїх підлеглих і знущався з них, як тільки міг* [1, с. 212] та ін.

У тематичному полі ФО «Девіантна поведінка людини» виділено такі тематичні групи ФО на позначення девіантної поведінки: 1) «Злочинна поведінка людини»; 2) «Кримінально не карана (непротиправна) аморальна поведінка людини» [2; 3; 4]. Наприклад, тематичну групу ФО «Кримінально не карана (непротиправна) аморальна поведінка людини» утворюють семантичні поля ФО, що характеризують: 1) систематичне пияцтво людини; 2) корисливість людини; 3) сексуальну розбещеність людини. Ці семантичні поля ФО складаються безпосередньо з синонімічних рядів [2]. У структурі ідеографічної класифікації подібних ФО відсутня одна ланка – семантична група. Семантичне поле ФО «Систематичне пияцтво людини» передається синонімічними рядами зі значеннями *пиячити* чи *постійно пиячити*. Наприклад: *Знаю тільки, що вже тут, у комісаріаті, два поліцаї, які мене сюди привезли, рапортували, нібито я був **п'яний мов чіп**, непристойно поведився, побив одну даму, порізав ножиком чужий капелюх, який стягнув із вішалки, розігнав жіночий оркестр, прилюдно обвинуватив обель-кельнера в крадіжці двадцяти крон, розбив мармурову дошку стола, за яким сидів, і навмисне плюнув у чорну каву якомусь незнайомому панові за сусіднім столиком* [1, с. 54]; *Дорогою денщик розповів Швейкові, нібито фельдкурат посварився з над поручиком, розбив піаніно, і тепер **п'яний як чіп**, і не хоче йти додому* [1, с. 112]; *Кожний з цих фельдкуратів нижчого чи вищого чину має вже такий талан від Бога – при кожній нагоді **напиватись до нестями*** [1, с. 288]; – *У сімдесят п'ятому полку, озвався один конвоїр, – перед війною якийсь капітан **пропустив крізь горло** цілу полкову касу й мусив навіть розпрощатися з з воєнною службою* [1, с.314]; – *Дуже охоче, – приятельським тоном сказав*

однорічник, – просто ви вранці на вокзалі під час посадки в поїзд пристали до нас, бо були трохи під градусом [1, с. 310]. Фразеологічний матеріал переконує, що семантичне поле ФО «Корисливість людини» передається широким діапазоном фразеологічних засобів. Наприклад: *З усього, що я мав, десяту частину віддав, аби замилити очі марш батальйонові, мовляв, це я заощадив, а решту продав у обозі* [1, с. 466]; *Але одного разу, коли він ішов на побачення з дівчиною, лісник випадково наскочив на нього і вже хотів був зробити цю саму штуку, та вчитель почав туману напускати: він, мовляв, збирає квіти ...* [1, с. 163]; *Ще ж і надто спізнаємо ми його милосердя, бо буває іноді так (смертному окові несила зглибити невідомі помисли господні), що, введені в оману, ми такого обираємо своїм заступником перед лицем його, якого він навіки засудив; тоді він, усевидящий, зважаючи більше на щирість болячого, ніж на невідання його та окаянство заступника, вислуховує молитви, так ніби той заступник і справді був преподобним* [1, с. 48] та ін.

В ідеографічній структурі тематичного поля ФО «Просоціальна поведінка людини» відсутні ланки: семантична група, семантичне поле [4]. Тематичні групи ФО складаються безпосередньо з синонімічних рядів. Найчисленнішим виявився синонімічний ряд зі значенням: допомагати, сприяти кому-небудь. Наприклад: *Сьогодні він прийшов, аби спрямувати свого колегу Каца на праведну путь і повернути його на добрий розум* [1, с. 136]; – *Читав я раз о одній книжці, що за шведських воєн, коли було дано наказ розквартируватися в такому й такому селі, а староста всіляко відбріхувався й не хотів подати їм руку допомоги, його повісили на найближчому дереві* [1, с. 566-567]; *Він хоче повернутися на путь праведну, а ви, решта, що робите?* [1, с. 94]; *Сьогодні він прийшов, аби спрямувати свого колегу Каца на праведну путь і повернути його на добрий розум* [1, с. 136] та ін.

Отже, поведінка людини в перекладах Степана Масляка передається широким діапазоном фразеологічних засобів української мови. Ідеографічна класифікація фразеологічних одиниць на позначення поведінки людини в перекладах Степана Масляка відповідає класифікації поведінки, прийнятій у

психології. У результаті дослідження виявлено більш й менш численні тематичні групи, семантичні поля, семантичні групи й синонімічні ряди ФО. Аналіз фразеологічних одиниць на позначення поведінки людини сприятиме подальшому лінгвістичному дослідженню фразеологічної ідеографії, виробленню загальної типології методів дослідження фразеологічних мікросистем у ідеографічному аспекті. Дослідження окремих фразеологічних мікросистем створює передумови для укладання фразеологічних словників ідеографічного типу.

Список літератури

1. Гашек Я. Пригоди бравого солдата Швейка / Я. Гашек [перекл. з чеської С. Масляка]. – Харків : Фоліо, 2006. – 685 с.
2. Грозян Н.Ф. До питання дослідження тематичної групи фразеологічних одиниць «Кримінально не карана (непротиправна) аморальна поведінка людини» в психосемантичному аспекті / Н.Ф. Грозян // Гуманітарний вісник ДВНЗ «Переяслав-Хмельницький державний педагогічний університет імені Григорія Сковороди». – Переяслав-Хмельницький, 2006. – Випуск 9. – С. 138-142.
3. Грозян Н.Ф. Семантичне поле фразеологічних одиниць «Корисливість людини» в українській мові: ідеографічний і психосемантичний аспекти / Н.Ф. Грозян // Вісник Запорізького національного університету. – Запоріжжя, 2006. – С. 67-73.
4. Грозян Н. Ф. Фразеологічна мікросистема «Поведінка людини» в українській мові (ідеографічний і аксіологічний аспекти) : автореф. дис... канд. філол. наук : 10.02.01 / Н. Ф. Грозян. – Дніпропетровськ, 2003. – 20 с.
5. Грозян Н.Ф. Фразеологічні засоби вираження девіантної поведінки людини в українській мові / Н.Ф. Грозян // Культура народів Причорномор'я. – Сімферополь, 2002. – №32. – С. 30-34.
6. Каракуця О.М. Фразеологізми української мови з компонентом «душа» (структурно-семантичний, ідеографічний, лінгвокультурологічний аспекти): автореф. дис... канд. філол. наук: 10.02.01 / О.М. Каракуця – Харків, 2002. – 19 с.
7. Колеснікова І.Є. Фразеологічна мікросистема «Риси характеру людини» в українській та англійській мовах (ідеографічний аспект): автореф. дис... канд. філол. наук: 10.02.17 / І. Є. Колеснікова. – Сімферополь, 2010. – 20 с.
8. Никитина Т.Г. Идеографические аспекты народной фразеологии на материале Псковских говоров: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02. 01 / Т. Г. Никитина. – СПб., 1996. – 42 с.
9. Прадид Ю.Ф. Актуальные теоретические проблемы фразеологической идеографии / Ю.Ф. Прадид, Н.Ф. Грозян // Ономастика і апелятиви [збірник наук. праць]. – Дніпропетровськ, 1998. – Вип. 4. – С. 102-105.
10. Прадид Ю.Ф. Принципы выделения лексических и фразеологических микро- и макросистем / Ю.Ф. Прадид, Н.Ф. Грозян // Материалы конф. «Принципы и методы функционально-семантического описания языка: итоги, направления, перспективы». – М.; Симферополь, 1997. – С. 229-232.

11. Прадид Ю.Ф. Русско-украинский и украинско-русский фразеологический тематический словарь: Эмоции человека / Ю.Ф. Прадид. – Симферополь: Редотдел Крымского комитета по печати, 1994-2. – 243 с.
12. Прадід Ю.Ф. Фразеологічна ідеографія (проблематика досліджень) / Ю.Ф. Прадід. – К.; Сімферополь, 1997. – 252 с.
13. Психологія: [підручник] / Ю.Л. Трофімов, В.В. Рибалка, П.А. Гончарук та ін. – К.: Либідь, 1999. – 558 с.
14. Редин П.А. Фразеологизмы с пространственным и временным значением в современном украинском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / П. А. Редин. – Харьков, 1989. – 24 с.
15. Рязановский Л.М. Идеографические аспекты немецкой фразеологии: Темпоральная фразеология / Л.М. Рязановский – СПб.: Изд-во Петерб. ун-та, 1997. – 200 с.
16. Эмирова А.М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте / А.М. Эмирова – Ташкент: ФАН, 1988. – 91 с.
17. Эмирова А.М. Фразеологическая идеография, предмет и задачи / А.М. Эмирова // Вопросы фразеологии: Сб. науч. статей. – Самарканд, 1984. – С. 64-68.
18. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е.С. Яковлева – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.
19. Яранцев Р.И. Словарь-справочник по русской фразеологии / Р.И. Яранцев. – 2-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1985. – 304 с.

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.111

Ганиева А. О. Особенности стереотипных представлений о «женственности» в английском языковом сознании

Ганиева Арзы Османовна

студентка четвертого курса специальности крымскотатарский язык и литература, английский язык и литература
Крымский инженерно-педагогический университет
РФ, г. Симферополь

Научный руководитель

Мазинов А. С.

канд. филол. н., доцент кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания
Крымский инженерно-педагогический университет
РФ, г. Симферополь

The peculiarities of the femininity stereotypes in the English language mentality

Ganieva Arzy Osmanovna

fourth-year student of the specialty
"Crimean Tatar language and literature, English language and literature"
Crimean Engineering and Pedagogical University
Russia, Simferopol

Scientific supervisor

Mazinov A. S.

Cand. Sci. (Philology.), assistant professor of
Crimean Tatar and Turkish philology department
Russia, Simferopol

Аннотация. В предлагаемой статье рассматриваются особенности стереотипных представлений в рамках концепта «женственность» в английской лингвокультуре. Анализируются стереотипы, представленные лексическим уровнем британского варианта английского языка. Концепт «женственность» универсален, так как он является составной частью языковой картины мира в каждом языке. Однако для носителей различных языков данный концепт приобретает оригинальные когнитивные признаки. Женственность в английской лингвокультуре многоаспектна и многогранна. В поле концепта «женственность» входят в большинстве своем лишь положительные качества женщины. В то время как концепт «женщина» рассматривает женщину с разных, как положительных, так и отрицательных сторон. Характер, поведение и манера себя держать, мягкость, кротость, миролюбие, целомудрие являются стереотипными составляющими понятия «женственность». Понятие «женственность» в английской культуре менялось, сохраняя при этом многие традиционные компоненты.

Ключевые слова: концепт «женственность», стереотипные представления, английский язык, лингвокультура, этнокультурные эталоны.

Abstract. The following article deals with the peculiarities of the femininity stereotypes in the English language mentality. The authors investigate the stereotypes represented by the lexical level of the British English. The femininity concept is considered to be a generic one since it is an integral part of world's language picture in each language, yet having authentic cognitive peculiarities for different languages' speakers. Femininity in the framework of the English language culture is a multidimensional and multifaceted notion. The femininity concept's linguistic field predominantly includes the positive traits of women, while the woman concept regards women in both positive and negative directions. Such aspects as personality, behavior and poise, gentleness, meekness, peacefulness, and chastity are stereotypically considered to be the central components of the femininity concept. The English culture's femininity concept had been changing through centuries yet retaining many traditional features.

Keywords: femininity concept, stereotypes, English language, linguistic culture, ethno cultural standards.

Постановка проблемы. Одной из основных категорий когнитивной лингвистики считается стереотип. Его главным отличием от концепта является обобщение. В психологии стереотипы описываются как упрощенные,

искаженные, в некоторых случаях ложные представления об определённом социальном объекте. Можно говорить о том, что стереотип – это некий «экскурс» в культуру того или иного народа. Стереотипы могут принадлежать как какому-либо конкретному человеку, так и определённой группе людей. Существуют также и «общечеловеческие» стереотипы, присущие практически всем людям мира.

Стереотипы наряду с концептами активно изучаются в рамках когнитивной лингвистики. Существует также ряд работ, посвящённых вопросам когнитивной лингвистики английского языка, среди которых можно выделить труды У. Крофта [1], В. Эванс [2; 3; 4], Дж. Лакоффа [7], Р. Лакоф [8], Р. Лангакера [9; 10], Л. Талми [12], и др., послуживших научной основой данного исследования.

Отдельные работы по когнитивной лингвистике посвящены проблемам концептологии, а также методам исследования концептов [3; 9]. Отметим, что тема женщины и женственности в английской культуре чаще рассматривается в русле социальных и гендерных исследований, нежели когнитивной лингвистики. В этой связи следует выделить научные труды Ф. Гордона [5], Х. Коттофф [6], К. Ньюмана [11], Е. Йео [14] и др.

Цель данной работы – исследование представлений о понятии «женственность» в британском языковом сознании посредством выявления стереотипов, присущих носителям британского варианта английского языка.

Обобщённые представления человечества о мужчине или женщине называются гендерными стереотипами. Концепт «женственность» входит в концепт «женщина» и является его значимым аспектом. Оба концепта отражают существенные признаки понятия «женщина». Однако согласно нашим наблюдениям в поле концепта «женственность» входят в большинстве своём лишь положительные качества женщины. «Женственная» женщина – это некий «образец женщины», «настоящая женщина», «особенная женщина». В то время как концепт «женщина» рассматривает женщину с разных, иногда не очень приглядных сторон. Можно утверждать, что концепт «женственность»

более «пронизан» стереотипами. Это и отличает данные два концепта.

При изучении представленной темы следует учитывать, что в различные эпохи положение женщины в обществе и отношение к ней менялось. На протяжении столетий основным её назначением было продолжение рода, ведение домашнего хозяйства – так называемая «домашняя женственность» (domesticated femininity) [14]. Долгое время женщина считалась собственностью мужчины. Все контакты с внешним миром были прерогативой мужа, отца, старшего сына. Эти факторы оказали влияние на формирование представлений о женщине и женственности и определяли концептосферу того или иного народа в данной социокультурной области.

Образу женщины в английской культуре уделяется много внимания. Как результат – в XIX веке сформировался некий «культ истинной женственности» (the cult of true womanhood), согласно которому идеальная (= женственная) женщина символизировала успех и достаток своего мужа, а главной ее обязанностью было продолжение рода и воспитание детей. Также одной из важнейших миссий женщины считалось быть «ангелом в доме» (the Angel in the House) и направлять свою семью в вопросах морали. Итак, «культ истинной женственности» основывался на благочестии, духовной чистоте, подчинении мужчине и ведении домашнего хозяйства [13, с. 151].

Вышеуказанные идеи отображались в христианской религии, а также активно пропагандировались женскими журналами. Наиболее известный из них – «Godey's Lady's Book» издавался в штате Филадельфия, США. Журнал ориентировался на королеву Соединённого королевства Великобритании и Ирландии Викторию, которая была в англоязычной среде того периода «идеалом женственности». Таким образом, можно говорить о том, что идеалы «истинной женственности» пришли в Америку из Британии. Так появился термин «викторианская женщина». На наш взгляд, идеи «культа истинной женственности» во многом повлияли на дальнейшее понимание «женственности» как в Англии и США, так и во всём мире. Как следствие, принятие данных ценностей способствовало формированию различных

стереотипов.

В современном обществе произошла переоценка представлений о месте и роли в обществе «слабого пола». Несмотря на то, что положение женщины в современном мире кардинально изменилось, неизменным осталась совокупность качеств, которые делают её привлекательной и желанной, т.е. женственной.

Понятие «женственность» в английской лингвокультуре многоаспектно и многогранно. Стоит отметить, что понятие «женственный» очень часто отождествляется с понятием «женский». Говоря о женственности, многие задумываются в первую очередь о внешнем виде женщины. Такое восприятие женщины не случайно, так как идея того, что «встречают по одежке» очень характерна для английской лингвокультуры, для которой понятие «женственная женщина» – это, прежде всего, «красивая женщина». Длинные волосы и ресницы считаются признаком «женственности». Умение женщины правильно одеваться, иметь безупречный вкус, быть элегантной также являются важными параметрами «женственности». Предпочтителен для женщины – лёгкий, романтичный стиль: юбки и платья, а также цветочные принты на них. Они стереотипно считаются «типично женскими» и «женственными». Также нередко в английской лингвокультуре «женственность» отождествляется с «высокими каблуками».

Характер, поведение и манера себя держать являются стереотипными составляющими понятия «женственность». Таким образом, женственность в английской лингвокультуре – это не только привлекательная внешность, но и особая манера поведения. Для английской лингвокультуры мягкость, кротость, миролюбие, целомудрие – также характерные признаки «женственности». По этой причине «женственность» очень часто сравнивается с цветами (*alpine flower* ‘альпийский цветок’, *sweet flowers* ‘милые цветы’ и др.), символизирующими нежность, уязвимость и красоту женщины [13, с. 159].

«Женственность» у носителей английского языка ассоциируется с обаянием, внутренней красотой. Имеют значение осанка, взгляд, улыбка

женщины. «Женственная», по мнению носителей английской культуры, – женщина, притягивающая к себе взгляд, окутанная невидимым ореолом света и тепла.

С самых древних времён женщина стремилась выйти замуж, найти спутника жизни. Данная тема неоднократно поднималась в английской литературе. В современном обществе жизнь женщины перестала ограничиваться лишь проблемой замужества. Однако создание семьи, гармоничных и стабильных отношений в ней и на сегодняшний день остаются одними из важнейших желаний. Для того чтобы привлечь внимание противоположного пола, женщина должна быть нежной, уметь очаровывать, быть обольстительной. «Женственность» стереотипно связывается со способностью обольщать мужчин, нравиться им, а также в какой-то степени добиваться своих целей за счёт мужчин. В данной ситуации можно говорить о том, что в английской лингвокультуре происходит совмещение понятий «женственность» и «женская хитрость». Похожее отождествление – «женственность» и «интуиция», т. е. «женственность» – это некая внутренняя женская сущность.

«Женственность» испокон веков ассоциировалась с материнским предназначением. В английской лингвокультуре женщина, которая вынашивает ребенка – женственна и прекрасна, а материнство как обязательная сфера реализации «женственности» является стереотипом – *a good-mother image is the cultural stereotype of femininity* [13].

Женское и мужское восприятие «женственности» в современной английской культуре несколько различно. Мужской взгляд на данную тему и по сей день обобщает стих неизвестного автора под названием *Female Charms*, приведенный в работе Барбары Уелтер, который описывает «женственную» женщину в типично викторианских красках [13, с. 158].

Стоит отметить, что содержание понятия «женственность» в английской лингвокультуре непрерывно меняется, расширяется поле его значений. Множество стереотипов, с ним связанных, разоблачаются и отходят на второй

план. За последние несколько веков в связи с процессами эмансипации женщин, феминистскими движениями и т.д. понятие «женственность» в английской культуре несколько поменялось, хотя и сохранило много традиционных компонентов. Мы можем отметить, что в современном мире те ценности, которые были утеряны в течение XIX и в начале XX-го вв., возрождаются, женщины все чаще проявляют интерес к изучению своей женственности, то есть подлинной женской сущности.

Список литературы

1. Croft W. *Cognitive Linguistics* / W. Croft, D. A. Cruse. – New York : Cambridge University Press, 2004. – 374 p.
2. Evans V. *How Words Mean: Lexical Concepts, Cognitive Models, and Meaning Construction*. – Oxford University Press, 2009. – 377 p.
3. Evans V. *Cognitive Linguistics: An Introduction* / V. Evans, M. Green. – Edinburgh University Press, 2006. – 830 p.
4. Evans V. *A Glossary of Cognitive Linguistics*. – Edinburgh University Press, 2007. – 240 p.
5. Gordon F. E. Self-image and stereotypes of femininity: Their relationship to women's role conflicts and coping / F. E. Gordon, D. T. Hall // *Journal of Applied Psychology*, Vol 59(2). – 1974. – P. 241–243.
6. Kotthoff H. *Gender in Interaction: Perspectives on Femininity and Masculinity in Ethnography and Discourse* / H. Kotthof, B. Baron. – John Benjamins Publishing, 2001. – 352 p.
7. Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind*. – Chicago: University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
8. Lakoff R. *Language and Woman's Place*. – New York : Harper and Row, 1975. – 328 p.
9. Langacker R. W. *Foundations of Cognitive Grammar, Volume I, Theoretical Prerequisites*. – Stanford, California: Stanford University Press, 1987. – 540 p.
10. Langacker R. W. *Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar* / R. W. Langacker. – Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 1991. – 395 p.
11. Newman K. *Fashioning Femininity and English Renaissance Drama. Women in Culture and Society* / K. Newman. – University of Chicago Press, 1991. – 182 p.
12. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics, Volume 1. Concept Structuring Systems* / L. Talmy. – Cambridge: The MIT Press, 2000 – P. 104 –118.
13. Welter B. *The Cult of True Womanhood: 1820-1860* / B. Welter // *American Quarterly*, Vol. 18. – 1966. – №2, Part 1. – P. 151 – 174.
14. Yeo E. *Radical Femininity: Women's Self-representation in the Public Sphere* / E. Yeo. – Manchester University Press, 1998. – 229 p.

УДК 37.022, 37.026

Каскова М.Е., Фролова Л.Н., Письменная речь на уроке иностранного языка. Виды упражнений на развитие навыков письменной речи

Каскова Маргарита Евгеньевна

Кандидат педагогических наук, доцент
кафедры теории и практики иностранных языков
Института иностранных языков
Российский университет дружбы народов
РФ, г. Москва
37margo@rambler.ru

Фролова Лидия Николаевна

старший преподаватель
кафедры теории и практики иностранных языков
Института иностранных языков
Российский университет дружбы народов
РФ, г. Москва
akvazoo@bk.ru

Writing in a foreign language class. Types of exercises on the development of writing skills

Kaskova Margarita Evgenyevna

PhD in Education, associate professor
at the Department of theory and practice of foreign languages
Institute of Foreign Languages RUDN University
Russia, Moscow

Frolova Lidia Nikolaevna

Senior Lecturer at the Department of theory and practice of foreign languages
Institute of Foreign Languages RUDN University
Russia, Moscow

Аннотация. Статья привлекает внимание к такому виду речевой деятельности, как письмо. Авторы анализируют причины отсутствия интереса педагогов к формированию навыка письма. Подчеркивается взаимосвязь между аудированием, говорением, чтением и письмом, а также его положительное влияние на процесс запоминания. В статье даются методические рекомендации и практические советы по обучению письму на немецком языке на начальном этапе в лингвистическом вузе.

Ключевые слова: письменная речь; развитие навыков письменной речи; виды упражнений; эвристическое письмо.

Abstract. The paper gives valuable information about the writing as an aspect of oral activity. Authors analyze reasons why teachers of foreign languages have no interest to the writing. Similarity between writing and listening, speaking, reading is emphasized

and it's positive impact on the process of memorizing. Much attention is given to some methodical recommendations and some practical advice on aspects of writing in German language in linguistic university.

Keywords: written speech; writing skills development; types of exercise; heuristic letter.

В настоящее время иностранный язык занимает особое место в структуре содержания образования. Расширение интернациональных контактов, открытость границ, возможность учебы, работы за рубежом поставили этот предмет на небывалую доселе высоту. Социальный запрос общества – выпускник, свободно владеющий иностранной речью на иностранном языке. При его изучении у обучающегося формируются компетенции во всех видах речевой деятельности, то есть в письменной речи, в чтении, в аудировании и говорении[1]. Однако письму в процессе обучения уделяется недостаточно внимания. Об этом свидетельствуют опросы и беседы с учителями и методистами.

Так, на международных курсах повышения квалификации по германистике в г. Веймар доктор Райнер Бон провел исследование среди 201 преподавателя из двадцати четырех стран по вопросу: «Какое значение вы отводите письму при обучении немецкому языку как иностранному?»[4]. Результаты опроса участников были следующими:

- письмо имеет малое значение для 58,2 %, то есть 117 участников;
- письмо имеет очень мало значение – 26,3%, то есть 53;
- письмо вообще не имеет никакого значения – 15,4 %, то есть 31.

В беседах-обсуждениях результатов преподаватели пояснили причины отсутствия интереса с их стороны к формированию навыка письма при обучении иностранному языку.

Во-первых, доминантой современного образования, является коммуникативный подход, поэтому требуется, прежде всего, развитие навыков говорения и осознанного понимания иностранной речи.

Во-вторых, в учебных материалах имеется малое количество упражнений для развития навыков письменной речи.

В-третьих, формирование навыка письма отнимает слишком много учебного времени.

В-четвертых, письменной речи обучающийся может научиться в дальнейшем самостоятельно.

В-пятых, проверка сочинений, эссе и других письменных работ занимает слишком много времени преподавателя.

Естественно и бесспорно, что аудирование и говорение играют важную роль в процессе обучения иностранному языку, и именно на развитие этих двух навыков нацелены учителя иностранного языка. Не на последнем месте стоит и развитие навыков чтения. А вот развитию навыков письменной речи уделяется гораздо меньше внимания, к тому же, во многих учебных пособиях письму отводится второстепенное место.

Тем не менее, владение письменной речью очень важно, оно может быть основной целью при написании мотивационного письма, заявления, статьи, отчета, аргументированного сочинения и т.д., а может быть средством для достижения определенной цели, скажем, при выполнении письменных грамматических упражнений [1, 3, 5, 7].

Коммуникативное значение письма относительно невелико и ограничивается областью официальной и неофициальной перепиской, заполнением бланков, краткими сообщениями и т.д.

Однако общепризнано, что аудирование, говорение, чтение и письмо – все виды речевой деятельности, которыми должны овладеть обучающиеся, тесно взаимосвязаны друг с другом. Взаимосвязь между чтением и письмом заключается в том, что при чтении быстро узнаются и понимаются те слова, фразы, которые были записаны. Письмо увеличивает эффект запоминания и сохранения материала в долговременной памяти, особенно тогда, когда у обучающегося более развита зрительная память [5, 7].

Письмо следует рассматривать как подготовку к устному высказыванию. Начиная с работы над простым предложением, продвигаясь по пути усложнения, вводя дополнения и определения обучающийся готовится к

изложению сообщения в устной форме. Более того, опора на письменную речь служит профилактикой ошибок в устной.

Кроме того, все сертификационные экзамены содержат задания на проверку навыка письменной речи.

Все вышеизложенное подводит нас к выводу о том, что сам учитель должен поставить себе вопрос: чего он хочет добиться при обучении письменной речи, какие требования он выдвигает на начальном этапе и какую роль письменной речи отводит он сам при обучении иностранному языку.

Изучение и анализ исследований по затронутому вопросу, а также многолетний педагогический опыт, позволили нам предложить некоторые методические рекомендации и рассмотреть практические советы по обучению письму на немецком языке на начальном этапе в лингвистическом вузе.

При развитии навыков письменной речи в полной мере реализуется принцип индивидуального подхода, так как обучение письму может и должно проводиться дифференцировано, в зависимости от способностей, интересов обучающихся и их индивидуальных особенностей. Сущность образования в настоящее время определяется не как управление учеником в период обучения, а как создание образовательной среды для развития его личности и раскрытия его творческого потенциала. Поэтому преподаватель сам может выбирать виды дидактических заданий с целью выбора наиболее эффективной формы работы для каждого обучающегося.

Такой образовательной средой, по нашему мнению, является постановка учащегося в условия выбора содержания, способов осуществления учебной деятельности письма, условий для самореализации и самовыражения, с последующей оценкой сделанного выбора. Именно при обучении письменной речи выбор реализуется как метод через предоставление параметров, предлагаемых учащемуся [6]. В качестве примера приводим следующие параметры:

–выбор временного режима. Студенты, быстрее справляющиеся с заданием, могут получать более длинные тексты или после выполнения одного письменного задания получать другое.

–выбор трудности заданий. Более сильные студенты получают более сложные задания (А – стандартный уровень сложности, В – уровень средней сложности, С – уровень повышенной сложности).

–выбор тематики согласно интересам. Каждый пишет на тему, наиболее для него интересную. Например, хобби, свободное время, любимое блюдо и т.д.

–выбор объема, формы текстового сообщения.

–выбор уровня творческого задания (уровень репродуктивно-подражательной активности/ уровень исполнительской активности/ уровень творческой активности);

– выбор формы исполнения (индивидуальная/парная/групповая);

– выбор модели действия согласно индивидуальным способностям и интересам.

Таким образом, данные условия предполагают вовлечение учащегося в построение личностных моделей учения посредством осознания своей роли в учебном процессе чрез принятие ответственности за свои действия.

Общеизвестна связь письменной речи с процессом запоминания[4,7]. Память напрямую связана с доминирующим каналом восприятия и обработки информации, поэтому важно учитывать данный фактор. Выполнение упражнений, конспектирование, делание пометок, написание аннотаций способствует эффективности усвоения материала, так как при письме задействуются все каналы восприятия информации:

– оптические (видят то, что пишут);

– акустические (звуки, фонемы ассоциируются с изображением соответствующих букв);

– разговорно-моторные (кто пишет, артикулирует, проговаривая про себя письменный текст);

– моторные (движение руки при письме).

Как указывалось выше, коммуникативное значение письма ограничивается следующими областями:

Официальные письма (для получения информации): в издательствах, книжных магазинах, отелях, кемпингах, деловая переписка и т.д.

Неофициальные письма: в открытках, в переписке между партнерами; формуляры при заполнении регистрации в отеле, в кемпингах; краткое сообщение для третьих лиц.

Письмо как практическая потребность на занятиях: домашнее задание; упражнения; тесты; записи (для дальнейшего применения устной речи); выделение ключевых слов; внутренняя дифференциация.

Все навыки письменной речи формируются в процессе целенаправленной учебной деятельности, поэтому в статье предлагается типология упражнений для формирования навыков письменной речи. Рассмотрим ее более подробно.

Типология упражнений для навыков письменной речи:

1. подготавливающие упражнения;
2. конструктивные упражнения;
3. упражнения со структурой письма;
4. эвристическое письмо;
5. письмо, ориентированное на коммуникативные ситуации.

Подготовительные упражнения. При выполнении таких упражнений используется определенный словарный запас, активизируются уже имеющиеся знания, записываются предложения, отрабатывается правописание и т.д. Важно отметить, что акцент в этой работе делается на коннекторы: союзы, частицы, наречия. Не все предложения являются специфическими для развития письма, некоторые готовят к развитию других навыков, таких как аудирование, говорение, чтение, но все они могут и должны выполняться письменно. Таким образом, учащиеся должны уже на этой стадии узнать, что письмо может происходить вместе с другими формами обучения.

Исследование процессов обучения письму на иностранном языке показали, что половина всех проблем, которые встречаются в процессе, связана

с малым словарным запасом учащихся. В работе над усвоением новой лексики и расширением словарного запаса могут помочь следующие упражнения, которые предполагают как индивидуальную, так и парную работу. Но если коллектив учащихся состоит из 5-7 человек, можно вовлечь и всю группу.

Предлагается слово, последняя буква которого является первой для поиска нового слова.

Например: Haus – Sonne – Ei – Insel – Liebe.

Это упражнение можно использовать при изучении частей речи или задать определенную тему. Образовать цепочку слов на тему «Хобби». Упражнение начинается со слова «Schön». Все последующие слова должны начинаться на последнюю букву предыдущего слова.

Например:

Schön – naß – Surfbrett – täglich – Hitze – Erholung и т.д.

Змейка из слов (сложное слово).

Например: Sommerferien. Основное слово (ferien) учащиеся должны образовать другие сложные слова.

Ferienhof — Sommerferien – Ferienort – Dorfbrunnen — Brunnenwasser и т.д.

Предложение из слов.

Например, слово: Mond. Из букв этого слова следует образовать предложение, слова которого начинаются с буквы этого слова.

Mond: Mein Onkel nimmt Drogen.

Ассоциогаммы: Что приходит в голову? Собираются ассоциации, вызванные словом, предложением. Стимулом может быть фото, картина, музыка. Полезным считаем выполнение этого упражнения всей группой, когда один ученик записывает слова на доске, а потом в совместной работе слова соединяются в предложения. Если в данный момент учащийся не находит слова на немецком языке, то он может записать его на родном языке, с тем, чтобы попросить помощи у «зала» или у друга. Например:

heute-Mutter-wie-kommt-spät-deine-nach Hause ?

Wie spät kommt deine Mutter heute nach Hause?

Конструктивные упражнения. При выполнении таких упражнений готовятся заранее карточки-картинки, изображающие различные действия. Цель – научить строить сложные предложения. Упражнение соединяет два вида деятельности: письмо и говорение. Изучая придаточные предложения с союзом «weil», можно предложить произнести, а потом записать мини-диалог. Например:

А — спрашивает: Почему я сегодня пришел поздно в школу?

Б — ищет ответ на карточке, предложенной ему заранее: weil dein.....

Суть комбинирования предложений состоит в выполнении задания: из нескольких предложений сделать одно. При их выполнении учащиеся тренируют структуры сложных предложений, причем они складываются «методом сборки»– от простого к сложному. Например:

DerUnfall

Eine Dame sieht die Lichter auf sich kommen

1. Die Dame ist alt.

2. Die Dame steht auf dem Zebrastreifen

3. Die Dame ist entsetzt4. Es sind die Lichter vom Auto

Eine alte Dame sieht die auf dem Zebrastreifen steht. sieht die Lichter des Autos auf sich kommen und ist entsetzt.

Для начального этапа обучения эффективно упражнение, в котором предлагается описать человека, комнату, дом, город, путешествие и т.д. используя неполную информацию или опорные слова. Например:

Name Karl Müller

Spitzname Carlie the killers

Augen blau

Haare braun

Alter 39

Größe 199 cm

AdresseBonn

Упражнения со структурой письма. В основном речь идет об упражнениях по принципу: слово — предложение — текст.

Например: придумать ситуацию, записать ключевые слова к диалогу, потом сформулировать диалог. В аудиториях проводить такие диалоги лучше всего в парах и по ролям, а зрители должны угадать, о каком персонаже, о какой ситуации идет речь.

Совместная работа над текстом приносит большую пользу потому что, решения могут обсуждаться совместно. Учащиеся говорят о своем тексте, о формулировке идеи, о содержании, о грамматических и лексических средствах и т.д.

Упражнение, заданием которого является заполнение пропусков. При выполнении данного задания следует дополнить текст предложениями, которые подходили бы стилистически. Например:

Bayrguth Ein "Geheimtip" war monatelang bei Schülerinnen eine 40 Jahre alte Bayreuth Ärztin

a) Sie schrieb gesunde Schülerinnen krank. Die Schülerinnen konnten "offiziell" die Schule Schwänzen

b) Der Direktor einer Schule Schöpfte Verdacht. Er informierte die Polizei

c) Die Mädchen erzählten der Polizei alles ит.д.

В конце работы сравнить текст с оригиналом. Есть ли отличие? Не всегда составленные предложения совпадают с оригиналом, но отсутствующие предложения должны быть сформулированы таким образом, чтобы логически соответствовать контексту.

Предлагается учащимся записать короткий текст, ответив на ряд вопросов. Например:

Rennfahren

WER? Hans Stuck < will nach Italien

HAT mit Mechaniker Autorennen

WAS? Medikanente transportiert
um einem Kind zu helfen ит.д.

Учащимся предлагается написать подробную биографию, используя при этом выражения:

- ich werde geboren
- ich besuchte Volks – Mutter – Realschule, das Gymnasium, die Uni,
- ich machte das Examen, das Abitur ит.д.

Эвристическое письмо. Письмо имеет эвристическую функцию.

Эвристика — это учение о познании, о том, как можно получить новые знания. Приведем слова известной австрийской писательницы Ренате Велш: «Письмо имеет много общего с потребностью прояснить себе лично что-то. Во время письма объясняют адресату и разъясняют себе самому положение вещей и тесную связь между ними. Интересно, что некоторые вещи сначала принимают письменную форму, а только потом познаются через написанное. Во время письма можно приобрести опыт познания и систематизации. Письмо приводит к новым знаниям, знание может получить рабочую функцию и стать частью нашего мышления» (перевод наш) [8]. В качестве примера приводим задание на развитие эвристической функции.

Например: написать фантастическую историю к картине.

Шаг первый: изложить письменно, что видишь. Незнакомые слова найти в словаре.

Шаг второй: найти к отдельным словам как можно больше вопросов с вопросительными словами.

Шаг третий: систематизировать свою историю.

Шаг четвертый: записать свою историю, соединяя вместе отдельные части предложения, главные предложения, более маленькие, с помощью коннекторов.

Шаг пятый: если работа велась в парах, то можно обменяться написанными историями.

Шаг шестой: проверить структуру предложения, правописание и пунктуацию.

Письмо, ориентированное на реальные коммуникативные ситуации. Речь идет о формах, которые нацелены на проведение письменной коммуникации в реальной ситуации. К ним следует отнести письма, личную корреспонденцию, комментарии, протоколы и т.д. При выполнении этих упражнений следует учитывать следующие факторы, которые выражаются через вопросы.

1. Текст направлен адресату.

Вопрос: Что от меня ожидают? Что от меня хотят узнать?

2. В основе текста лежит намерение.

Вопрос: Почему пишу?

3. В тексте используются определенные формы выражения.

Вопрос: На какие формальные аспекты следует обратить внимание?

4. Текст содержит определенную тему и имеет дело с определенным содержанием.

Вопрос: Что хочу сообщить?

Предлагается написать письмо

a) Lieber Herr.../ Liebe Frau

b) Lieber .../ Liebe.../ Hallo

c) Sehr geehrte Damen und Herren

или ответ на полученное:

a) Mitfreundlichen Grüßen

b) Tschüß

c) Dein.../ Deine...

В заключение хотелось бы указать на некоторые преимущества письменной речи для обучающихся. Письменно они могут излагать свои мысли медленнее (при говорении требуется быстрота реакции), подыскивать правильные выражения, неверное могут зачеркивать (при говорении невозможно изменить уже произнесенное). Во время письма можно перечитывать весь текст, чтобы уточнить дальнейшее развитие мыслей, можно увидеть весь результат в целом. Это особенно важно для студентов, которые не отличаются быстротой реакции, медлительных или стеснительных.

Таким образом, письменные задания не просто желательны, а необходимы, так как, наряду с развитием навыков письменной речи, они способствуют развитию чтения, говорения и, в некоторой степени, аудирования. К тому же письменная речь тесно связана с развитием нашего мышления, памяти, она помогает нам привести в логический порядок наши «хаотические» мысли и структурировать их. Такое психосоматическое закрепление навыков особенно важно обучающимся, для которых латинский шрифт является иностранным.

Список литературы

1. Бим И. Л., Рыжова Л. И., Садомова Л. В. и др. Немецкий язык. Сборник примерных рабочих программ. Предметная линия учебников И. Л. Бим. 2–11 классы. М.: Просвещение, 2018. С.336
2. Левинзон А. И. Креативное письмо: модель англоязычных стран в российской школе // Вопросы образования, 2014. № 1. С. 25-45.
3. Смирнова Н. В. К вопросу об академической грамотности // Иностранные языки: материалы конференции. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. С. 55-58.
4. Bohn R., Schreiter I. Sprachspielereien für Deutschlernende // Langenscheidt Verlag Enzyklopädie; Auflage: 8, 2001. S.168
5. Gunde K. Zur Vermittlung des sprachlichen Ausdrucks logischer Beziehungen // Deutsch als Fremdsprache. Zeitschrift für Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer, Heft 2, 2000. Leipzig: Herder-Institut. S. 097 - 103
6. Kaskova M.E., Dugina T.V., Zabolotskikh A. V. Choice as a Method of Students' Academic Autonomy Development // EDULEARN18 Proceedings: materials of the 10th International Conference on Education and New Learning Technologies Palma, Mallorca, SPAIN 2nd-4th July, 2018. P. 2556-2561
7. Schreiter I. Schreibversuche. Kreatives Schreiben bei Lernern des Deutschen als Fremdsprache - Themenvorschläge, Arbeitsempfehlungen und viele authentische

Beispiele für phantasievolle iudicium // Auflage: 1. München: ludicium Verlag, 2002. S. 235

8. Welsh R. Mit einem Fuß auf zwei Beinen stehen. // Texte aus der Schreibwerkstatt im VinziRast-CortiHaus. Wien: Wiener Dom-Verlag, 2013.

УДК 811.11-112

**Ярославцева Е.Ф., Гараева М.В., Федорова Л.Ю.
Фразеологические единицы в английском языке и их русские
контекстуальные эквиваленты**

Ярославцева Елена Федоровна

канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков
Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова
РФ, г.Новочеркасск, corrida7727@yandex.ru

Гараева Марина Викторовна

канд. соц. наук, доцент кафедры иностранных языков
Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова
РФ, г.Новочеркасск, garaeva65@mail.ru

Федорова Лариса Юрьевна

канд. соц. наук, доцент кафедры иностранных языков
Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова
РФ, г.Новочеркасск, fluid2@yandex.ru

**Phraseological units in English and their Russian contextual
equivalents**

Yaroslavtseva Elena Fedorovna

Cand. Sci (Pedagogy), associate professor
of Foreign Languages department
Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI)
Russia, NovoCherkassk

Garaeva Marina Viktorovna

Cand. Sci (Sociology), associate professor
of Foreign Languages department
Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI)
Russia, NovoCherkassk

Fedorova Larisa Yuryevna Cand. Sci (Sociology), associate professor
of Foreign Languages departmentPlatov South-Russian State Polytechnic University (NPI)
Russia, Novocherkassk

Аннотация. В статье рассматривается проблема адекватной передачи текста с одного языка на другой с учетом роли ФЕ в формировании художественного целого произведения. Рассматриваются явления узуального и окказионального употребления фразеологизмов в лингвистической литературе. Приводятся наиболее типичные контекстно-обусловленные случаи нерационального перевода фразеологических единиц. Представлены типы видоизменений фразеологических единиц. Приведены трудности, возникающие при переводе фразеологических единиц на этапе распознавания их в тексте. Представлена классификация типов видоизменений фразеологических единиц. Описаны сложности, возникающие при переводе семантических преобразований и расширенной метафоры. Даны рекомендации по переводу фразеологических единиц в тексте.

Ключевые слова: фразеологические единицы (ФЕ), узуальные и окказиональные трансформации, нерациональный перевод.

Abstract: This article deals with the problem of adequate transfer of text from one language to another, taking into account the role of phraseological units in the formation of an artistic whole work. The phenomena of the usual and occasional use of phraseological units in linguistic literature are considered. The most typical context-specific cases of irrational translation of phraseological units are given. Types of modifications of phraseological units are presented. The difficulties that arise when translating phraseological units at the stage of recognizing them in the text are given. The classification of types of modifications of phraseological units is presented. The difficulties that arise when translating semantic transformations are described in this article.

Keywords: phraseological units(FU), usual and occasional use of phraseological units, transformations, irrational translation.

Изучение фразеологических единиц (далее ФЕ) в художественных произведениях всегда остается предметом обширных лингвистических исследований. Между тем, определенные сложности в данной сфере требуют своего подхода и решения, а именно, проблема адекватного осмысления текста с английского языка на русский с учетом роли ФЕ в образовании художественного целого, а также причин, мотивировавших уклонение от узуальной формы и значения ФЕ в художественном произведении.

В литературных произведениях узуальная форма фразеологизмов трактуется как «реализация фразеологических единиц без какого-либо отклонения от их привычного использования в той форме, в которой они

указываются в словарях» [1, с. 69]. Согласно термину латышского ученого А. Начисчионе, стойкая словарная форма фразеологизма - «core use» [2].

При распознавании ФЕ в художественном произведении трудности обычно начинаются непосредственно перед началом перевода. Согласно С. Влахову и С. Флорину, определение стойких сочетаний в тексте оригинала требуют отдельного исследования, так как большая доля провалов при переводе ФЕ вызвана собственно «неузнаванием их в лицо». Переводчик: а) может отнести фразеологизм к переменному словосочетанию; б) увидев его целостность, отнести его к характерному почерку автора; в) наградить свободное сочетание свойствами устойчивого сочетания [3].

Нередко перевод ФЕ, если даже они употребляются в контексте в словарной форме, влечет трудности у переводчиков практиков. Согласно С. Влахову и С. Флорину, в «шкале непереводаемости» ли «труднопереводимости» фразеологизмы стоят почти на первом месте [3]. Это объясняется тем, что большинство из них представляются яркими, эмоционально содержательными словосочетаниями, относящимися к конкретному речевому стилю и имеющие ярко выраженную национальную природу.

Еще одним препятствием, с позиции С. Влахова и С. Флорина, является проблема осмысления распознанного элемента. Авторы внедряют термин «гипноз слова», который закрывает от переводчика понимание целостного. Стремление извлечь значение целого из значений компонентов, а именно, дословный перевод, который часто приводит к нарушению всего контекста [3].

Также о необоснованном дословном переводе говорит А.В. Кунин в статье «О переводе английских фразеологических единиц в англо-русском фразеологическом словаре»: «Буквализм - дословный перевод, искажающий смысл переводимого выражения или рабски копирующий конструкции чужого языка и являющийся по существу насилием над тем языком, на который делается перевод» [4]. Рассмотрим случай семантического буквализма, который приводит А.В. Кунин: *It is a long lane that has no turning* - дорога без поворотов длинна. В действительности, пословица означает: *проглянет и красное*

солнышко, перемелется - мука будет [4].

Способ передачи смысла ФЕ гораздо усложняется, если переводчик сталкивается с окказиональным употреблением фразеологизмов. Окказиональное употребление это употребление фразеологизма, при котором он подвергается лексическому, грамматическому, семантическому и стилистическому видоизменению, которое отклоняется от языковой нормы [2]. Согласно термину А. Начисчионе, контекстуально - трансформированный тип фразеологизма - «instantial stylistic use» [2].

В соответствии с классификацией Н.Л. Шадрина, разновидности трансформаций объединяются в три основные группы:

1) семантические, к ним относятся фразеологический каламбур (двойная актуализация, используя другие термины, буквализация значений компонентов ФЕ);

2) структурно семантические, т. е. замена лексического компонента (компонентов), вклинивание, эллипсис, добавление компонента (компонентов).

3) сложные, к которым относятся расширенная метафора, фразеологический повтор и фразеологическое насыщение контекста [5].

Большую сложность у переводчиков представляют семантические трансформации, когда за поверхностным отсутствием изменений в корне ФЕ таится появление вспомогательной окказиональной семы, обыгрывание дословного и метафорического толкования ФЕ и ее компонентов. Аналогичные сложности появляются при переводе расширенной метафоры, когда «базовая метафора», анализирующаяся в тексте, может вовсе отсутствовать во фразеологизме переводящего языка.

Итак, перевод фразеологизмов в литературном произведении представляется довольно сложной задачей.

При разборе перевода английских фразеологизмов на русский язык в художественных работах английского писателя У. Коллинза были обнаружены контекстно-обусловленные фрагменты нерационального перевода ФЕ. Проанализируем особо значимые случаи:

«*Wherever there was a table with a committee of ladies sitting round it in council there was Mr. Godfrey at the bottom of the board, keeping the temper of the committee, and leading the dear creatures along the thorny ways of business, **hat in hand***» [6].

«Где только дамский комитет, там и мистер Годфри с **шляпой в руке** сдерживает горячность собрания и ведет милых дам по тернистому деловому пути» [7, с. 58]. В данном случае переводчик посчитал устойчивое сочетание **hat in hand**, обозначающее «безропотно, безоговорочно» за свободное высказывание «с шляпой в руке».

В той ситуации, если переводчик не видит авторской трансформации, перевод становится недостоверным в значительной мере, так как контекстуальные видоизменения делаются авторами намерено, «с конкретной художественной целью и имеют своим конечным результатом создание семантико-стилистического эффекта» [1, 74].

Рассмотрим случай, в котором без особого акцента осталась такая трансформация, как сочетание фразеологического повтора, каламбура и расширенной метафоры. Этот тип преобразования принадлежит к трансформациям ФЕ второго класса, одному из самых сильных методов стилистического эффекта на читателей.

«*Miss Rachel has her faults - I've never denied it*» he began. «*And **riding the high horse**, now and then, is one of them. She has been trying to **ride over you** - and you have put up with it. Lord, Mr. Franklin, don't you know women by this time better than that? You have heard me talk of the late Mrs. Betteredge? <...>*»

«*Very well, Mr. Franklin. Now listen to me. Different women have different ways of **riding the high horse**. The late Mrs. Betteredge took her exercise on **that favourite female animal** whenever I happened to deny her anything that she had set her heart on*» [6].

В первом абзаце происходит повтор компонента **ride** изначально ФЕ – **ride one's high horse** (задаваться, важничать, задирать нос), более того, повтору сопутствует обыгрывание контекстуального смысла, т. е. **to ride smb. over** -

задавить (лошадью), что помогает формированию шуточного эффекта. Во втором абзаце ФЕ – **ride one's high horse** повторяется целиком, а затем за повтором применяется расширенная метафора: «*The late Mrs. Betteredge took her exercise on **that favourite female animal** whenever I happened to deny her anything that she had set her heart on*».

Переводчик решил не сохранять стиль, ясный только английскому читателю, и заменил первичный фразеологизм русским метаморфическим оборотом «взять высокую ноту» в первом абзаце и употребил описательную конструкцию «собственные прихоти» во втором абзаце.

*«Мисс Рэчель имеет свои недостатки, я никогда этого не отрицал, - начал он. - И один из них - **взять иногда высокую ноту**. Она постаралась **взять эту высокую ноту и с вами**, - и вы это вынесли. Боже мой! Мистер Фрэнклин, неужели вы до сих пор мало знаете женщин? Вы когда -нибудь слышали от меня о покойной миссис Беттередж? <...>*

*«Очень хорошо, мистер Фрэнклин. Теперь выслушайте меня. У каждой женщины свои **собственные прихоти**. Покойная миссис Беттередж **начинала горячиться** всякий раз, как мне случалось отказывать ей в том, чего ей хотелось» [7, с. 259].*

При анализе данного примера видно, что в языке первоисточника, эффект, осуществляемый с помощью комбинации фразеологического повтора, расширенной метафоры и каламбура - шуточный. Между тем, так как переводчик при переводе отказался от сохранения стиля и повтора, включенного в ФЕ, данный эффект не просматривается.

Таким образом, необходимо отметить, что не нужно сводить перевод ФЕ к механической передаче смысла.

Начиная переводить текст, прежде всего нужно детально проанализировать содержание на наличие устойчивых сочетаний. Необходимое условие - использование словаря ФЕ. Во вторых, нужно соотнести модель фразеологизма в тексте первоисточника с его словарной моделью, чтобы установить, не является ли данный фразеологизм трансформированным. В

третьих, если фразеологизм в самом деле претерпел авторскую трансформацию, нужно понять, какую функцию несет данное изменение: вносит ли оно шуточный эффект, конкретизирует значение, привносит другой стилистический оттенок. Но если внешних изменений нет, то следует подумать, применял автор произведения фразеологический каламбур или нет. Затем воспользоваться словарным переводом фразеологизма и выяснить вероятность переноса авторской трансформации данной ФЕ с помощью словарного соотношения. Приступать к переводу ФЕ следует непосредственно после всех проделанных шагов .

Таким образом, перевод фразеологизмов, особенно трансформированных это креативный процесс, который призывает, чтобы переводчик чувствовал текст и осознавал связь между конкретной ФЕ и всем текстом целиком, так как конечный итог перевода определяется в основном требованиями и особенностью функционирования ФЕ в определенном контексте, ее ролью, контекстуальной важностью, но не семантическими качествами ФЕ.

Список литературы

1. Арсентьева Е.Ф. Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте (на материале русского и английского языков) / науч. ред. Э.А. Балалыкина. - Казань: Казан. гос. ун-т, 2006. - 172 с.
2. Naciscione A. Phraseological Units in Discourse: towards Applied Stylistics. -Riga: Latvian Academy of Culture, 2001. - 283 p.
3. Влахов С.И. Непереводимое в переводе / С.И. Влахов, С. Флорин. - М.: Междунар. отношения, 1980. - 340 с.
4. Кунин А.В. О переводе английских фразеологических единиц в англо-русском фразеологическом словаре // URL: http://zhurnal.lib.ru/w/wagarow_a_s/transl-book-kunin.shtml
5. Коллинз У. Женщина в белом / пер. с англ. Т. Лещенко - Сухомлиной. - Казань: Татар. кн. изд-во, 1992. - 543 с.
6. Коллинз У. Лунный камень / пер. с англ. М.С. Шагинян. - М.: Моск. рабочий, 1980. - 416 с.
7. Шадрин Н.Л. Перевод фразеологических единиц и сопоставительная лингвистика / под ред. Ю.М. Скребнева. - Саратов: Саратов. гос. ун-т, 1991. - 220 с.
8. Collins W. The Moonstone // URL: <http://www.wilkiecollins.com>
9. Collins W. The Woman in White. - London: Penguin Popular Classics, 1994. - 569 p.

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ, ВИЗАНТИЙСКАЯ И НОВОГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 801.82

Соловьева А.С. Социально-политические категории в элегиях Солона и Феогнида

Соловьева Александра Сергеевна

студентка 4 курса кафедры истории древней Греции и Рима
Санкт-Петербургский государственный университет
РФ. г. Санкт-Петербург, alek-soloviova@mail.ru

Научный руководитель

Кулишова Оксана Викторовна

д.и.н., профессор кафедры истории древней Греции и Рима
Санкт-Петербургский государственный университет

Social and political categories in elegies of Solon and Theognis

Solovyova Alexandra Sergeevna

Student of fourth course of the Department of the history of ancient Greece and Rome
St. Petersburg State University, Russia, Saint Petersburg

Scientific adviser

Kulishova Oksana Viktorovna

Dr. of Historical sciences
Prof. of the Department of the History of Ancient Greece and Rome
St. Petersburg State University

Аннотация. В статье рассматривается творчество двух древнегреческих лириков – Солон и Феогнида. Анализ элегий двух поэтов позволяет изучить их восприятие происходящих изменений в Афинах и Мегарах в архаическую эпоху. В статье поднимается вопрос, как поэты воспринимали социальное неравенство. Рассматривается мировоззрение Солон и Феогнида, их отношение к богатству, роли богов в человеческой жизни. Автор статьи делает вывод о том, что Феогнид с присущим ему пессимизмом не может принять изменения, которые происходят в Мегарах, в то время как Солон становится представителем «новой эпохи», постепенно изменяя взгляды «старой аристократии».

Ключевые слова: Солон, Феогнид, элегии, архаическая эпоха, лирика

Abstract. The author of this article discusses elegies of two ancient Greek poets - Solon and Theognis. Analysis of the elegies of these poets helps us to study their perception of their surrounding reality. The article raises the question of how the social division of society was reflected in the verses of two poets. The worldview of Solon and Theognis, their relation to the wealth, the role of gods in human life are considered. The

author concludes that Theognis, with his inherent pessimism, cannot accept the changes that occur in Megara, while Solon becomes a representative of the "new era", changing views of the "old aristocracy".

Keywords: Solon, Theognis, elegies, archaic period, lyrics

Периоды жизни и творчества Солона и Феогнида находятся в хронологической близости [1, с. 95]. Активная политическая и поэтическая деятельность Солона приходится на первую треть VI в. до н. э. [11, с. 77]. Творчество Феогнида охватывает собой период середины – второй половины VI в. до н. э. [10, с. 151]. Таким образом, для Солона и Феогнида существовал общий исторический фон, который повлиял на творческую деятельность обоих.

Для периода поздней архаики внутренние конфликты в полисах – частое явление [14, с. 94]. В VI в. до н. э. в Афинах продолжается политическая борьба, которая затрагивает аристократическую среду и простое население. Конфликты происходили как в среде знати, так и между благородными и незнатными. Первое афинское законодательство, ставившее перед собой цель урегулировать конфликты в обществе, с ней не справилось [9, с. 213]. Таким образом, после законов Драконта междоусобицы продолжались, социальное напряжение росло, афинянам необходимы были новые порядки. В этот момент на политической арене Афин появляется Солон. Сообщения о нем сохранились во многих античных источниках. Список древних и византийских авторов, в чьих трудах приведены те или иные фрагменты из поэм Солона, насчитывает 37 имен [19, с. 311]. По словам Плутарха, Солон происходил из знатного рода Кодридов (Plut. Sol., 1). Несмотря на знатное происхождение Солона, и Аристотель, и Плутарх говорят о том, что семья его была среднего достатка (Aristot. Ath. pol., 4, 5; Plut. Sol., 1). Отец Солона Эксекестид истратил часть состояния семьи (Plut. Sol., 2). Упоминается, что сам Солон занимался торговым промыслом, который долгое время считался аристократией неблагородным делом. Тем не менее ко времени Солона Афины становятся одним из ведущих экономических центров [21, с. 289]. Социально-политические изменения приводят к тому, что категория людей среднего класса

стала одной из главных сил, которая сглаживала противоречия между богатыми слоями общества и бедными [22, с. 10; 24, с. 93]. В элегиях Солона прослеживается его принадлежность к категории *homines novi* – «новых людей».

Изучение истории Мегар вызывает у исследователей большие трудности из-за скудности письменных и археологических источников. Известно лишь то, что Мегары не являлись исключением из общего правила, а именно – для данной территории также была характерна социально-политическая борьба и первые попытки установления тирании. Кроме нескольких упоминаний тирана Феагена у Фукидида, Аристотеля, Плутарха и Павсания сведений о тирании в Мегарах больше нет [8, с. 240]. Тем не менее постоянное употребление Феогнидом слова *τύραννος* (тиран) и высказывание собственных взглядов по отношению к тирании указывает на то, что с самим явлением единоличного правления Феогнид был знаком [10, с. 151].

Учитывая схожесть исторического контекста развития двух полисов и хронологическую близость жизни двух поэтов, мы можем предположить, что сравнение их творчества будет весьма ценно для заполнения лакун при изучении мегарской и афинской истории. Рассматривая элегии поэтов, мы сравниваем идеи и взгляды представителей двух основных социальных групп, которые могли влиять на политическую жизнь полисов периода архаики.

Первое, на чем необходимо остановиться – на сравнении «хороших» и «дурных» людей. В стихах Феогнида противопоставление *ἀγαθοί* (благородные) и *κακοί* (незнатные) является постоянным. Для поэта *ἀγαθοί* – социальный термин, который выражает в первую очередь благородство происхождения. Данное понятие впоследствии легло в основу термина «калокагатия», который был определяющим для аристократов классической эпохи [15, с. 369]. У мегарского поэта встречаются постоянные противопоставления «хороших» и «дурных» – «с плохими же не общайся мужами, но всегда держись хороших» – *κακοῖσι δὲ μὴ προσμίλει ἀνδράσιν, ἀλλ' αἰεὶ τῶν ἀγαθῶν ἔχεο* (31–32 Diehl). Такое же противопоставление – «ведь многие дурные богатеют, благородные же

беднеют» – πολλοὶ γὰρ πλουτ<έου>σι κακοί, ἀγαθοὶ δὲ πένονται· (315 Diehl). Для него социальный термин κακοί эквивалентен по значению морально-нравственным категориям, именно поэтому он дает наставления Кирну – «ибо от славных получишь хорошее, доброе знание, благоразумье свое тотчас погубишь с дурным» – ἐσθλῶν μὲν γὰρ ἄπ' ἐσθλὰ μαθήσεαι· ἦν δὲ κακοῖσιν, συμμίσηγης, ἀπολεῖς καὶ τὸν ἐόντα νόον (35–36 Diehl). Таким образом, ἐσθλός (хороший) приравнивается к ἀγαθός (благородный). Подобные сравнения у Феогнида встречаются постоянно (30–40; 50–60; 100–110; 184–192 Diehl). Таким образом, социальное происхождение у Феогнида тесно связано с соответствующими ему морально-нравственными качествами человека. В элегиях Солона нет частого противопоставления «хороших» и «дурных». Заметим лишь спорный вопрос по поводу (fr. 15 West), который встречается также в «Феогнидовском сборнике» как (315–318 Diehl). Долгая дискуссия о составе «Феогнидовского сборника» до сих пор актуальна, а важный вопрос о «печати Феогнида» также остается спорным [17, с. 100; 23, с. 171]. Наличие повторения дистихов Солона в «Феогнидовском сборнике» может говорить о том, что автором этих стихов мог быть не Солон. У мегарского поэта насчитывается более восьмидесяти таких формульных сравнений ἀγαθοί и κακοί. Солон же не использует противопоставление ἀγαθοί и κακοί, чтобы выделить личностные качества человека. Хорошим примером здесь являются строчки поэта: «Другой же трусливый благородным сам себя считает, и красивым внешне, не имея красоты» – ἄλλος δειλὸς ἐὼν ἀγαθὸς δοκεῖ ἔμμεναι ἀνὴρ, καὶ καλὸς μορφὴν οὐ χαρίεσσαν ἔχων· (fr. 13, 39–40 West). В данном пассаже δειλός (трусливый, жалкий) употребляется вместе с ἀγαθός, наделяя человека благородного происхождения отрицательными чертами характера. Однако у Солона также существует деление людей по социальному положению. Законодатель говорит, что не хочет брать тираническую власть, но и давать равное благородным и дурным тоже не хочет – οὐδὲ πει[ρ]ῆς χθονὸς πατρίδος κακοῖσιν ἐσθλοῦς ἰσομοιρίην ἔχειν (fr. 34, 8-9 West). Мы согласны с В. Р. Гуциным, что, по-видимому, данные строчки относятся к земельной

реформе Солона (сисахфии), когда он не смог произвести передел земли, но снял долговое бремя с бедного населения [4, с. 118]. Однако даже в данных строчках поэт не наделяет людей низкого происхождения отрицательными качествами, а благородного – положительными. Солон разделяет людей по социальному положению (fr. 31; 36), но в отличие от Феогида чаще использует термины ἀστοί (горожане), πόλις (население), δῆμος (народ), чем ἀγαθοί и κακοί.

Таким образом, использование терминов ἀγαθοί и κακοί имеет разные цели. Для Феогида оба термина связаны с социальным положением человека, которое определяет его нравственные качества, модель поведения и поступки. У Солона данные понятия могут использоваться и как социальные, и как морально-нравственные. При этом у афинского поэта происхождение и социальное положение не является определяющим для личной характеристики человека.

Следующий аспект возможного сравнения элегий Феогида и Солона – это отношение поэтов к тем событиям, которые происходят внутри греческих полисов: постоянные конфликты между богатыми и бедными, а также попытки установления тирании [18, с. 171]. Стихи Солона и Феогида отражают схожие социально-политические события, происходившие в Афинах и Мегарах. В элегиях Феогида мы встречаем следующие строчки:

*Город, носящий младенца, о, Кирн, я серьезно встревожен,
Дерзкого мужа пошлет делать дурные дела.
Все-таки здравые мысли владеют умами сограждан,
Скоро же станут возжи замысел страшный иметь...
(39–42 Diehl; пер. наш)*

Схожая социально-политическая ситуация отражается в элегии Солона:

*Город родной не погибнет, Зевесовой силой хранимый,
Аттика будет цвести волей блаженных богов.
Дочь властителя неба защитницей жителей станет,
Смелым блюстителем прав будет Афина для нас.
Губят же город великий, лишившись ума, горожане*

Страстью ведомый народ гибнет от алчных богатств.

Часто деяния первых приносят афинянам горе,

Дерзость людей приведет к гневу великих богов...

(fr. 4, 1–8 West; пер. наш)

Из данных строк видны общие сюжеты: в обоих полисах продолжаются конфликты между знатными родами и демосом. Если Феогнид пишет о том, что «пока еще есть здравые мысли у граждан» – ἀστοὶ μὲν γὰρ ἔθ' οἶδε σαόφρονες (41 Diehl), то Солон здесь более категоричен, говоря, что «граждане желают получить материальные блага» – ἀστοὶ βούλονται χρήμασι πειθόμενοι (fr. 4, 6 West). Причем оба поэта далее обвиняют вождей народа, употребляя для их обозначения общее слово – ἡγεμόν. Далее афинский поэт обвиняет их в разнузданности, различных злоупотреблениях, не уточняя, кто являлся вождем народа. Феогнид же пишет, что «благородные люди никогда не губили государств» – οὐδεμίαν πω, Κύρν', ἀγαθοὶ πόλιν ὄλεσαν ἄνδρες (143 Diehl). Сразу же возникает вопрос: кто, по мнению Феогнида, мог претендовать на установление тирании, если «благородные» ἀγαθοὶ никогда не пытались установить тиранию? На основе данных строк можно предположить, что в Мегарах социально-политические процессы развивались немного иначе, и попытка захвата власти могла принадлежать человеку, который не относился к благородному сословию. К слову, и про происхождение единственного известного нам по имени мегарского тирана мы также не имеем точных сведений [8, с. 240]. Хотя аргумент С. И. Ост о том, что Феаген был благородного происхождения, так как Килон взял в жены его дочь, кажется очень логичным [20, с. 188]. В связи с этим возникает другой вопрос, знал ли Феогнид вообще о тирании Феагена, ведь никаких упоминаний его имени в стихах поэта нет [10, с. 152]. А если учесть, что Аристотель не перечисляет Феагена как одного из тех тиранов, который долго находился у власти, можно предположить, что имя Феагена могло быть не знакомо Феогниду вообще. Негативное отношение мегарского поэта к тирании могло сформироваться из-за других многочисленных посягательств на власть в полисе, которые, как мы уже

отмечали, могли совершать люди неблагородного происхождения. Возможно, что в Мегарах развитие торгово-ремесленного дела шло быстрее, чем в Афинах, а формирование «нового класса» или, как звучит у Феогида, обогащение «дурных» вскоре привело к эскалации конфликта между ἀγαθοί и κακοί. Другой вариант объяснения данных сведений в хронологической разнице между периодом жизни Солона и Феогида. Вполне возможно, что во времена Феогида роль торгово-ремесленного класса была более значительна, чем в Афинах времени Солона, и попытки узурпации власти могли совершать люди «неблагородные».

Важным в элегиях Солона и Феогида представляется использование термина ἡγεμών (предводитель, глава, вождь), который часто употребляется у обоих поэтов вместе со словом δῆμος (народ), обозначая народного вождя, который стремится захватить власть. Солон и Феогид также употребляют термины μόναρχος (монарх), τύραννος (тиран), которые в их элегиях эквиваленты по значению, обозначая единоличного правителя. Скорее всего, данные категории обозначают представителя благородного сословия. Оба поэта одинаково смотрят как на вождя народа, так и на тирана, негативно воспринимая любые попытки захвата власти. В данном случае уместно вспомнить понятие «меры», которое было связано с Дельфийским святилищем [7, с. 63]. Данный тип аристократического мышления отчетливо виден как у Солона, так и у Феогида.

При изучении отношения поэтов к социально-политическим изменениям необходимо остановиться на еще одном сюжете. Феогид описывает кровное смешение ἀγαθοί и κακοί из-за стремления к богатству. Разоряющиеся аристократы женятся на простолюдинах с деньгами (183–190 Diehl). Мегарский поэт крайне негативно относится к сложившейся в Мегарах ситуации. Данные строчки элегий Феогида помогают понять законы Солона, направленные на урегулирование брачных отношений, о которых сообщают античные авторы (Plut. Sol., 20; Diog. Laert. I. 70).

При рассмотрении элегий поэтов можно заметить разное отношение

поэтов к материальным благам. Феогнид, обнищавший аристократ, который наблюдает постоянное стремление народа к обогащению, отождествляет самую тягу к деньгам с новым богатеющим классом людей, для которых использует термин *κακοί*. Хотя Феогнид сильно тяготится своим положением, говоря, «что необходимо искать выхода из бедности» – *δίζησθαι χαλεπῆς, Κύρνε, λύσιν πενίης* (180 Diehl), он дает наставление Кирну о том, что лучше «жить в нищете, чем жить в страданиях», имея в виду постоянную борьбу за деньги – *τεθνάμεναι, φίλε Κύρνε, πενιχρῶι βέλτερον ἀνδρί* (181–182 Diehl). Также мегарский поэт подчеркивает, что к обогащению приводят несправедливые поступки, указывая Кирну на то, что необходимо знать во всем меру (190–200 Diehl). В элегиях Солона также видна его позиция к материальным благам. Уже сам Плутарх упоминает, что Солон не восхищался материальными благами, но говорил, «что люди могут быть богаты по-разному» – *πλοῦτον δ' οὐκ ἐθαύμαζεν, ἀλλὰ καί φησιν ὁμοίως πλουτεῖν ᾧ τε* (Plut. Sol., 2).

...у кого серебра в изобилие,

Золота много, земли и плодородных полей,

Есть и кони и мулы. Но счастлив и тот, кто имеет

Крепкие бедра и грудь, силу и резвость в ногах;

Если судьба ему даст юнца иль жену молодую,

Счастлив он будет, пока сам он и молод и свеж...

(Plut. Sol., 2; пер. С. И. Соболевского)

Быть я богатым хочу, но нечестно владеть не желаю

Этим богатством: поздней час для расплаты придет

(Там же).

Солон оценивает богатство в двух категориях: материальной и духовной [25, с. 151]. Во втором фрагменте отчетливо прослеживаются взгляды Солона по отношению к незаконным способам обогащения. Общая позиция Солона и Феогнида находит свое выражение в чувстве «меры», на которое обращают внимание оба поэта. Однако снова можно заметить, что Феогнид приравнивает материальные блага к дурным вещам, так как мегарский поэт – свидетель

обогащения дурных людей, в то время как афинский политик сам не прочь быть богатым, имея чувство меры и справедливости.

Феогниду свойственен пессимизм в восприятии действительности [5, с. 30; 6, с. 132]. Поэт отчетливо осознает перемены в полисе, понимая, что время «старой аристократии» подходит к концу. Солон же – человек новой эпохи, хотя у него еще сохраняются представления о благородном аристократе, в его мировоззрении доминируют новые взгляды на действительность. Солон, как и Феогнид, не относился к богатой части аристократии, но нашел другие способы обогащения – торговое дело. Данные тенденции в мировоззрении двух поэтов совпадают с их представлением о роли богов в жизни человека. Конечно, ни Феогнид, ни Солон не отрицают всеобъемлющую роль божеств в жизни людей, что связывает их с предшествующей эпической традицией [13, с. 108]. У Гесиода, предшественника Солона и Феогнида, роль богов в жизни людей является решающей. «Все происходит по воле Зевса» – ῥητοί τ' ἄρρητοί τε Διὸς μεγάλοιο ἔκρητι (Hes. Op., 4).

Однако при рассмотрении элегий Феогнида и Солона можно заметить большую разницу в их отношении к богам. Мегарский поэт, обращаясь к Кирну, говорит о том, что человек полностью подвластен воле божеств (150–160; 166–169; 190–204 Diehl), но Феогнид постоянно указывает на то, что действия богов могут иметь плохие последствия для человека (200–210 Diehl). Мегарский поэт признает волю божеств, называя Зевса «владыкой всего» - Ζεῦ φίλε, θαυμάζω σε· σὺ γὰρ πάντεσσιν ἀνάσσεις (373 Diehl), а затем задает ему вопрос: «Как же ты, Кронид, допускаешь, чтобы нечестивые люди (ἄνδρας ἀλιτρούς) имели ту же участь, что и праведные (δίκαιον)?» (377–378 Diehl). Подобные вопрошения к богам довольно часто встречаются в стихах Феогнида (743–750 Diehl), а сам поэт приходит к мысли:

То, чего хочется людям, сбывается в жизни нечасто,

Ибо во много мы раз ниже бессмертных богов.

(617–618 Diehl, пер. В. В. Вересаева)

У Солона мы наблюдаем более оптимистический взгляд на роль божеств

в человеческой жизни. Афинский поэт не задает им вопросов, не называет их действия несправедливыми, наоборот, призывая даже в трудной ситуации не винить во всем богов:

Если страдаете вы из-за трусости вашей жестоко,

Не обращайтесь свой гнев против великих богов.

Сами возвысили этих людей вы, им дали поддержку

И через это теперь терпите рабства позор...

(Plut. Sol., 30; пер. С. И. Соболевского)

Одна из особенностей элегий Солона – использование таких категорий как εὐνομία (fr. 4, 32 West), δίκη (fr. 4, 14; fr. 13, 8; fr. 36, 3 West), которые в философии поэта тесно связываются с божественным началом. Так, Солон обозначает Δίκη с заглавной буквы, как имя божества. Отношение Феогида к категории «меры» и «справедливости» чем-то схожи с позицией Солона. Мегарский поэт также воспеваает их, как необходимые и главные ценности человека, благородного в частности. Как было замечено М. Гагариным, и Солон, и Феогид часто используют термин δίκη в политическом или экономическом контексте [16, с. 187]. Однако в отличие от Солона Феогид не связывает их с богами, считая, что сами божества могут поступать несправедливо по отношению к разным людям (141–142 Diehl). Мы согласны с мнением, высказанным Д. В. Бугай о том, что для Солона понятия δίκη, божественной справедливости и политического закона тесно связаны, в то время как Феогид разделяет данные категории [2, с. 88].

Проживая в общем историческом контексте, Солон и Феогид по-разному смотрели на происходящую действительность. В элегиях двух поэтов можно найти как схожие черты, так и то, что разительно отличает их взгляды. Феогид – представитель «старой аристократии», был крайне пессимистично настроен по отношению к той политической борьбе, которая происходила в Мегарах. У Солона, как и у Феогида, присутствуют ценности «старой аристократии», что роднит двух поэтов. Однако Солон, будучи человеком нового времени, постепенно формирует более гибкие взгляды, которые

отвечают новой эпохе. Хотелось бы также отметить, что вряд ли можно согласиться с точкой зрения И. Е. Сурикова о том, что Солон можно назвать «певцом коллективизма» или заметить у него «отсутствие агональности» [12, с. 7]. В элегиях Солон отчетливо прослеживается понимание его собственного места как в социальной, так и в политической сфере Аттики. Солон пишет о том, «что именно он сделал подарок афинским жителям» – δῆμῳ μὲν γὰρ ἔδωκα τόσον γέρας ὅσον ἐπαρκεῖν (fr. 5, 1 West). Мы согласны с Ж.-П. Вернаном, что аристократическая борьба, стасис в полисе сыграли важную роль при формировании мировоззрения афинского поэта [3, с. 93]. Солон осознавал необходимость урегулирования ситуации в Афинах, как посредством законов, так и с помощью обращения к народу – с помощью стихов.

Сам агональный дух поэта также прослеживается в немногочисленных элегиях, которые не носят политический характер. Обращаясь к Мимнерму, Солон напрямую говорит о том, что он написал стихотворение лучше – ὅτι ς<έο> λῶιον ἐπεφρασάμην – καὶ μεταποίησον Λιγιστάδῃ, ᾧδε δ' ἄειδε· (fr. 20, 2–3 West):

*Если совет мой послушать ты хочешь, то выкини слово
И не сердись, что я стих лучше придумал, чем ты,
Но переделай его, сладкопевец, и так пой отныне:
«Лишь на десятке восьмом смерть да подходит ко мне!»*
(fr. 20, 1–4 West; пер. С. И. Радцига)

Состязательный характер данных строк – прямое свидетельство того, что в элегиях Солон присутствует не просто индивидуальное начало, но и «греческая агональность», расцвет которой приходится на классическую эпоху. Состязательность – аристократическая ценность, которая развивается Солоном. Таким образом, афинский поэт, олицетворяя собой категорию «новых граждан», постепенно преобразовывает ценности «старой аристократии», которые доминируют в элегиях Феогнида.

Список литературы

1. Анпеткова-Шарова Г. Г., Чекалова Е. И. Античная литература. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1980.
2. Бугай Д. В. Правовое мышление в архаической Греции. Dike у ранних элегиков // Вопросы философии. 2012. № 1. С. 79–88.
3. Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли / Общ. ред.: Ф. Х. Кессиди, А. П. Юшкевич М.: Прогресс, 1988.
4. Гушин В. Р. Цензовая реформа Солона и кризис в Аттике на рубеже VII–VI вв. до н.э. // Вестник древней истории. 2011. № 3. С. 107–122.
5. Доватур А. И. Феогирид и его время. Л.: Наука, 1989.
6. Колмаков В. Б. Античный пессимизм // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2012. № 2 (8). С. 131–143.
7. Кулишова О. В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н. э.). СПб.: Гуманитарная Академия, 2001.
8. Пальцева Л. А. Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999.
9. Пальцева Л. А. Фесмофеты и раннее афинское законодательство // Мнемон. 2006. № 5. С. 205–214.
10. Скржинская М. В. Тема тирании в поэзии Феогирида // Вестник древней истории. 1971. № 4. С. 150–156.
11. Суриков И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М.: Языки славянской культуры, 2004.
12. Суриков И. Е. Некоторые проблемы поэзии Солона // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 2. С. 3–23.
13. Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н. э.). СПб.: Гуманитарная Академия, 2002.
14. Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. 2-е изд. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004.
15. Donlan W. The Origin of Kalos kagaqos // The American Journal of Philology, Vol. 94, No. 4. 1973. P. 365–374.
16. Gagarin M. Dike in Archaic Greek Thought // Classical Philology, Vol. 69, No. 3. 1974. P. 186–197.
17. Harrison E. Studies in Theognis, together with a Text of the Poems. Cambridge: Cambridge University Press, 1902.
18. Highbarger E. L. A New Approach to the Theognis Question // Transactions and Proceedings of the American Philological Association, Vol. 58. 1927. P. 170–198
19. Linforth J. M. Solon the Athenian. Berkeley: University of California Press, 1919.
20. Oost S. J. The Megara of Theagenes and Theognis // Classical Philology. Vol. 68. 1973. P. 186–196.
21. Osborne R. Archaic Greece. The Cambridge Economic History of the Greco-Roman World. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
22. Patriquin L. Economic Equality and Direct Democracy in Ancient Athens. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan, 2015.
23. Pratt L. The Seal of Theognis, Writing, and Oral Poetry // The American Journal of Philology, Vol. 116, No. 2. 1995. P. 171–184.
24. Snodgrass A. Archaic Greece: The Age of Experiment. London: Orion Publishing Group, 1980.
25. Stoddard K. Turning the Tables on the Audience: Didactic Technique in Solon 13w

// The American Journal of Philology, Vol. 123, No. 2. 2002. P. 149–168.

Список источников

26. Аристотель. Афинская полития / Пер. С. И. Радцига. – 3-е изд. М.: Флинта: МПСИ, 2007.
27. Гесиод. Труды и дни / Пер. В. В. Вересаева. М.: Ладомир, 1999.
28. Плутарх. Сравнительные жизнеописания / Изд. подгот. С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш. М.: Наука, 1994.
29. Diehl — Anthologia lyrica Graeca. I—III / Ed. E. Diehl. Lipsiae, 1949.
30. West M. L. Iambi et elegi Graeci ante Alexandrum cantati. Vol. II: Callinus, Mimnermus, Semonides, Solon, Tyrtaeus. Oxford, 1992.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81.26

Багдасарян А.Г. Лингвокультурологические особенности драмы

Багдасарян Ани Гегамовна

соискатель ученой степени кандидата филологических наук Северо-Кавказского
федерального университета, г. Ставрополь, Россия
Ani120887@yandex.ru

Lingua-cultural peculiarities of drama

Bagdasaryan Ani Gegamovna

candidate for a degree in Philology in North-Caucasus Federal University
Stavropol, Russia

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению языка и культуры, различным подходам к данному вопросу, их взаимодействию и взаимовлиянию. В соответствии с наиболее популярной точкой зрения, язык впитывает элементы соответствующей культуры и меняется под ее воздействием, но при этом культура связана с особенностями конкретного языка, хранится в нем и распространяется с его помощью. Основное внимание в работе акцентируется на драме, которая рассматривается с позиций лингвокультурологии как фрагмент дискурса. Одними из основных компонентов драмы являются заглавия, ремарки и реплики, с помощью которых драматург обращается к режиссеру-постановщику, актерам, читателям/зрителям, пытаясь максимально реалистично изобразить на сцене окружающую действительность.

Ключевые слова: язык, культура, драма, лингвокультурологические особенности, дискурс, ремарка, реплика.

Abstract. In this article we examine a language and a culture, different approaches to this question, their interaction and mutual influence. According to the most popular opinion, a language absorbs the elements of a corresponding culture and changes under its influence. However, at the same time a culture is connected with the peculiarities of a certain language, is reflected in it and is spread via it. Special attention is given to a drama that is regarded from the lingua-cultural point of view as a fragment of a discourse. Some of the main components of a drama are titles, stage directions and cues with the help of which a playwright speaks to a director, actors, and readers/audience trying to depict the surrounding reality on stage as realistically as possible.

Keywords: language, culture, drama, lingua-cultural peculiarities, discourse, stage direction, cue.

Проблема взаимоотношения языка и культуры всегда была одной из главных тем языкознания. К одним из первых ученых, отметивших взаимосвязь этих лингвистических явлений, относится В. фон Гумбольдт. По его мнению, язык стимулирует «человеческую духовную силу к постоянной деятельности» [3, с. 52]. Язык не только является средством коммуникации и поддержания связей, но и «заложен в самой природе человека и необходим для развития его духовных сил и формирования мировоззрения» [3, с. 51]. Гумбольдт также утверждал, что материальная и духовная культура отражается в языке, а поскольку каждая культура национальна, то и её характер и особенности выражены в языке через призму особого видения мира. Язык также характеризуется особой для каждого народа внутренней формой, представляющей собой выражение «народного духа» и его культуры. Данные мысли нашли дальнейшее развитие и особую интерпретацию в работах таких ученых как А.А. Потебня, Ш. Балли, Р.О. Якобсон, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Э. Сепир, Б. Уорф.

Некоторые исследователи утверждают, что язык и культура являются различными по содержанию и функциям явлениями. Язык является имманентной системой, которая функционирует и управляется непосредственно своими собственными законами, не зависящими от социальных, культурных и других условий: «Язык есть система, которая подчиняется лишь своему собственному порядку» [15, с. 66], то есть на нее не влияют никакие другие системы, в том числе и культура. В соответствии с

другим мнением, язык и культуру следует противопоставлять, поскольку они оперируют различными семиотическими кодами. Так, по В.Н. Телия, язык представляет собой средство коммуникации, «объемлющее весь мир, в том числе и мир культуры», и отображающее «предметный и непредметный универсум в знаковых формах» [17, с. 409]. Ю.С. Степанов пишет, что в попытках объединить в рамках единой теории данные языка и данные культуры «нельзя переносить языковую модель на предметную область культуры и, напротив, модель культуры на предметную область языка» [16, с. 574]. Однако Л. Ельмслев утверждает, что «структура языка может быть приравнена к структуре действительности или взята как более или менее деформированное отражение ее» [4, с. 267]. Более того, как отмечает Е.С. Кубрякова, «символика разных искусств (архитектуры, живописи и т. д.) явно различна, но абсолютно все, что объединяется под ее названием, описывается с помощью языка», что вызывает сомнения в наличии у культуры особого единого семиотического кода; к тому же не существует языковых явлений, в которых бы не отразились явления соответствующей культуры [9, с. 64-65]. Американский социолог Н. Смелзер также отмечает, что хотя некоторые сферы культуры – живопись, танцы, жесты – невербальны, многие ее элементы могут быть выражены в языке: «язык служит основным средством передачи культуры» [14, с. 52]. К тому же, язык представляет собой «систему коммуникации, осуществляемую с помощью звуков и символов, значения которых условны, но имеют определенную структуру» [14, с. 52]. По утверждению Д.С. Лихачева, «язык выступает неким концентратом культуры нации, воплощенной в различных группах данного культурно-языкового сообщества» [10, с. 28]. О.Н. Скуйбедина пишет, что язык «способствует созданию и накоплению культурных ценностей, сохранению всех этнических слоев национального типа культуры. Только благодаря языку возможно познание исторического опыта предшествовавших эпох, так как только язык сохраняет и аккумулирует все ценности национальной культуры» [13, с. 8]. Тем не менее, С.Г. Тер-Минасова рассматривает язык как один из видов человеческой деятельности, который

«оказывается составной частью культуры, определяемой как совокупность результатов человеческой деятельности в разных сферах жизни человека: производственной, общественной, духовной. Однако в качестве формы существования и мышления и, главное, как средство общения язык стоит в одном ряду с культурой» [18, с. 15].

Таким образом, различные исследователи подходят к вопросу о соотношении языка и культуры по-разному. Выделяют три подхода к вопросу о взаимоотношении и взаимовлиянии данных феноменов. К основоположникам первого подхода относятся Г.А. Брутян, С.А. Атановский, Э.С. Маркарян, Е.И. Кукушкин. По их мнению, культура является частью окружающей действительности, которую и отражает язык. В современном мире в связи со стремительным развитием различных сфер человеческой жизнедеятельности язык используется, чтобы фиксировать эту динамику: новые реалии, явления, события, виды деятельности, а также новое видение мира. Так, возникновение таких социокультурных реалий как компьютер, глобальная сеть привело к возникновению в языке новых лексем «компьютер», «жесткий диск», «домен», «сайт», «скачать», «ссылка» и др. Следовательно, изменение культуры влечет за собой трансформацию языка, то есть культура определяет язык и влияет на него.

В соответствии со вторым подходом, происходит обратный процесс: язык воздействует на культуру. Данную мысль выражали уже упомянутые лингвисты В. Гумбольдт, А.А. Потебня, Э. Сепир, Б. Уорф и др. Наиболее полно идеи второго подхода отражаются в теории относительности Сепира-Уорфа, в соответствии с которой окружающая действительность видится по-разному носителями различных языков, поскольку они смотрят на нее сквозь призму языка, на котором говорят; более того, эта действительность существует благодаря своему отражению в языке. То есть, мышление и поведение носителей конкретного языка детерминировано сущностью и особенностями этого языка: «Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или другие явления главным образом благодаря тому, что языковые

нормы нашего общества предполагают данную форму выражения» [12, с. 261]. По утверждению Б. Уорфа, «мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы» потому, что мир организован нашим сознанием, а, следовательно, в основном нашей языковой системой [19, с. 174]. Кроме того, окружающая действительность расчленяется и организуется в понятия определенным способом потому, что мы являемся участниками определенного «соглашения, предписывающего подобную систематизацию», имеющего силу для конкретного языкового коллектива и закрепленного в системе моделей нашего языка [19, с. 174].

В рамках третьего подхода язык и культура рассматриваются как две самостоятельные знаковые системы, которые в равной степени влияют друг на друга. Среди сторонников данной теории, отмечавших социальную сущность языка и исследовавших роль социальных факторов в нем, следует выделить А. Мейе, А. Соммерфельта, Ж. Вандриеса, Ш. Балли, Н.Я. Марра, Э. Кошеру, Дж. Фишман. По утверждению А. Мейе, «язык, будучи, с одной стороны, принадлежностью отдельных лиц, с другой стороны навязывается им; и благодаря этому он является реальностью не только физиологической и психической, но и прежде всего социальной. Язык существует лишь постольку, поскольку есть общество, и человеческие общества не могли бы существовать без языка» [11, с. 52]. Другой представитель данной теории Ж. Вандриес также рассматривает язык как общественное явление: «В любой общественной группе вне зависимости от ее свойств и величины язык играет важнейшую роль. Он – самая крепкая связь, соединяющая членов группы, и в то же время он – символ и защита группового единства» [цит. по: 5, с. 445]. При этом исследователь отмечает, что своим появлением язык обязан именно обществу, поскольку сформировался он тогда, когда возникла потребность в коммуникации между членами общества. То есть язык и культура, язык и общество находятся в состоянии постоянного взаимовлияния: общество провоцирует трансформацию и развитие языка, который со своей стороны оказывает воздействие на прогресс

культуры (в сфере фольклора, художественной литературы).

В современном языкознании большинство ученых придерживаются третьего подхода и сходятся на том, что язык имеет социальную природу и не функционирует вне культуры, находясь с ней в отношениях взаимодействия и взаимовлияния. С одной стороны, язык впитывает все элементы культуры, в которой он функционирует, и под ее воздействием претерпевает определенные изменения; однако с другой – каждая отдельно взятая культура непосредственно связана с особенностями соответствующего ей языка, в котором она хранится и благодаря которому она передается из поколения в поколение.

Поскольку создавая драматургические произведения, авторы используют живой современный язык, то целесообразно рассматривать драму с лингвокультурологической точки зрения. В статье «Лингвокультурологический статус драмы (Новое в изучении языка пьес)» [Кубрякова, Петрова 2010: 64-73] авторы предлагают исследовать язык драматургических произведений с привлечением данных лингвокультурологии, литературоведения и театроведения, называя данный метод «лингвокультурологическим» или «когнитивно-дискурсивным анализом». Во-первых, подобный анализ помогает определить экспрессивно-эстетические ценности пьес и специфику их языка; во-вторых, он выявляет творческие замыслы авторов драматургических произведений; в-третьих, анализируемые тексты исследуются, «прежде всего, по тому, как рисуется в них опыт человека по познанию мира и какой именно фрагмент этого опыта – реальный или вымышленный – в них воссоздается и интерпретируется» [9, с. 66].

Любая пьеса представляет собой совокупность знаний, точек зрения, оценок относительно представленного на сцене события, взаимоотношений между действующими лицами, постижения граней человеческого бытия в рамках конкретного драматургического произведения. Соответственно, цель данного анализа – исследовать, каким образом и с привлечением каких языковых средств в драматургическом тексте создается «фрагмент мира»,

предназначенного для постановки на сцене по задумке и желанию автора. Как отмечают авторы вышеуказанной статьи, новое в понимании драматургического произведения заключается в том, что «все то, что дано в пьесе, не просто репрезентировано в языковой форме, но и представлено ею так, чтобы показать, продемонстрировать *language in action*, *language in function*» [9, с. 67] (язык в действии, язык в деятельности). Таким образом, драматургический текст должен быть «озвучен», воплощен актерами на театральной сцене. Так как данное «общение» происходит в присутствии зрителей и преследует определенные цели, а также удовлетворяет особым хронотопическим условиям, можно сделать вывод, что оно (общение) представляет собой дискурсивную деятельность. Следовательно, любая пьеса, созданная для передачи конкретного содержания, выражает свою главную идею через игру актеров, которые озвучивают данный текст – фрагмент дискурса как речемыслительной деятельности, «погруженной в жизнь» [1, с. 136], или как деятельности языка, происходящей в определенных прагматических условиях, а также требующей описания в достаточно сложной системе координат [9, с. 67].

Б.М. Гаспаров определяет дискурс как «языковое существование» и утверждает, что любой акт использования языка (целое произведение или реплика в диалоге) является «частицей непрерывно движущегося потока человеческого опыта» [2, с. 10], то есть культуры. По Б.М. Гаспарову, в дискурсе отражаются обстоятельства, при которых и для которых он был создан, а именно – коммуникативные намерения автора; взаимоотношения автора произведения и адресатов/читателей; все значимые и случайные обстоятельства; эпистемология эпохи; жанровые и стилевые черты сообщения и коммуникативной ситуации, в которую оно включается; множество ассоциаций с предыдущим опытом, попавших в орбиту данного языкового действия. Как отмечает Е.С. Кубрякова [9, с. 67], в когнитивно-дискурсивном анализе ключевым моментом является именно обращение к материалам пьес, в которых отражены важнейшие особенности дискурса: драматургические тексты

на сцене ситуативно обусловлены; они зависят от определенных целей и задач как самого автора, так и произведения в целом; у драматургического произведения существует неотъемлемая связь с участниками дискурсивного события и их статусом. Интересное с точки зрения культурологии определение дискурсу дает представитель Парижской семиотической школы Ю. Кристева, которая определяет дискурс как обретение словом дополнительного смысла, когда «из плоскости нейтрального языка оно перемещается в плоскость коммуникации, понимаемой как дискурс, обращенный к «другому», ... «где следует учитывать как наличие субъектов (в частности, адресанта), так и способ, каким они перераспределяют ту или иную знаковую систему» [6].

Из вышеописанного вытекает, что одной из важнейших особенностей дискурса становится заимствованное из когнитивной лингвистики понятие «порождения речи on-line» [7, с. 22] – ее развертки в реальном времени. Следовательно, язык драматургических произведений необходимо рассматривать в широком диапазоне реального существования («language in action, language in function»). Работая с термином «on-line», важно учитывать, что отсылка к реальному времени осуществления того или иного коммуникативного акта понимается либо буквально (при исследовании устной речи и способности прямого наблюдения за ее протеканием), либо переносно, как свидетельство возможности анализа каждого речевого произведения и текста «по ходу его создания». Таким образом, все определения понятия «дискурс» должны дополняться и уточняться сведениями, которые свидетельствуют о лингвокультурологическом и социальном контексте данного применения; связаны с личностными особенностями (знаниями, ценностями, интенциями в акте коммуникации) участников дискурсивной деятельности (в особенности инициатора и адресата); характеризуют исследуемый акт применения языка и его результаты в режиме on-line [8, с. 122-123].

В процессе исследования драматургического произведения, авторы уже вышеупомянутой статьи «Лингвокультурологический статус драмы (Новое в изучении языка пьес)» (2010) выделяют в *полном тексте* пьесы *основной*

корпус (реплики героев), *малые тексты* (список действующих лиц, сценические ремарки), *краткие тексты* (названия пьес, отдельные межрепликовые сценические ремарки). Данные виды текстов различаются по типам адресатов:

– заглавие драматургического произведения апеллирует как к постановщику, так и к зрителям (например, названия пьес американского драматурга Т. Уильямса: «Орфей спускается в ад», «Дневник Тригорина», «Внезапно прошлым летом», «Кошка на раскаленной крыше»);

– список героев предназначается для постановщика, который выбирает актеров для пьесы;

– сценические ремарки, касающиеся места и времени сценического действия и расположенные после списка героев, также служат для указания режиссеру драматургического произведения (например, ремарка из пьесы Т. Уильямса «Ночь игуаны»: «Действие в пьесе происходит летом 1940 года в довольно запущенной и очень богемной гостинице, Коста Верде, которая, как и подразумевает ее название, расположена на зеленом склоне горы, у основания которой протянулся дикий пляж – «caleta» или «утренний пляж» Пуэрто Баррио в Мексике.») [21, с. 2-3];

– межрепликовые ремарки предназначены в первую очередь для актеров, а также для постановщика пьесы (например, ремарки из пьесы Т. Уильямса «Стеклянный зверинец»: весело, рассеянно, разочарованно, напуганно-извиняющимся тоном, Том издает еще один стон, невнятно, почти неслышно, затем с большим усилием) [20, с. 150-157].

Особый интерес для нас представляют именно ремарки пьесы. Следует отметить, что они выделяются как графически (курсивом), так и лингвистически (выражаются в тексте короткими предложениями). Ввиду того, что место и условия разворачивающегося на сцене действия далее могут меняться, вводится термин «сэттинг» (setting) для обозначения сценических ремарок, описывающих эти изменения. Данные ремарки вклиниваются в основной корпус полного текста непосредственно перед сменой места действия

и перестановкой декораций, отмечая начало нового действия (глобальные сэттинги) либо нового акта (локальные сэттинги) в пьесе.

С одной стороны, сэттинг оформляется таким образом, чтобы воспроизвести сценическое действие в гармонии с соответствующей эпохой, стилем и декорациями/костюмами действующих лиц (например, ремарка из пьесы Т. Уильямса «Ночь игуаны»: «Как только поднимается занавес, слышны звуки группы возбужденных туристок, подъезжающих на автобусе к подножию горы внизу «Коста Верде». Миссис Мэксин Фолк, хозяйка гостиницы, выходит из-за угла веранды. Это плотная, смуглая женщина сорока пяти лет, излучающая здоровье и приветливость. На ней джинсы «Ливайз» и наполовину расстегнутая блуза.») [21, с. 4]. С когнитивной точки зрения сэттинг отражает эффекты перцептуального противопоставления фигуры и фона (foregrounding и backgrounding) и восполняет недостающие звенья дискурсивной деятельности и условий ее проведения. Немаловажную роль играют и межрепликовые ремарки, выражающие интенции автора относительно воспроизведения реплик или перемещений по сцене. Принимая во внимание подобные «переплетения разнородных текстов в «полном» тексте пьесы», предлагается рассмотрению объемная модель пьес, а именно – модель «Русской матрешки», где самые маленькие символизируют в модели автора и название пьесы, то самая большая – ее постановку. ... Собранные все вместе в самую большую матрешку, они оказываются способными символизировать и окончательную цель модели – постановку пьесы на сцене в таком театральном зрелище, как спектакль» [9, с. 68-70]. Через сценические ремарки драматурги «подсказывают» исследователям, какие компоненты драматургического произведения трансформируют последние в спектакль, а какие являются необходимыми для того, чтобы зритель поверил в разворачивающееся on-line на сцене действие. Это позволяет пьесе воспроизводить определенный фрагмент дискурса и закреплять его в своей целостности. С одной стороны, она изображает происходящее в виде театрального зрелища при помощи речевых актов во время говорения и, тем самым, воспроизводит на сцене дискурсивную

деятельность. С другой стороны, факт фиксации обмена реплик вместе с авторским сопровождением (сэттингов и межрепликовых вкраплений) позволяет говорить об отражении дискурсивной деятельности.

Итак, целью пьесы является демонстрация окружающей действительности на сцене посредством живой эмоциональной речи. Чтобы убедить зрителя в приближенности разворачивающегося действия к реальной жизни, драматург обращается к постановщику и актерам при помощи различных видов текста в рамках полного текста пьесы, и указывает, каким образом превратить произносимые на сцене реплики в выражение конкретного фрагмента дискурсивной деятельности, представляющей собой необычный лингвокультурологический феномен.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
2. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 350 с.
3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 2000. – 400 с.
4. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 464 с.
5. Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – Ч.1. – М.: Просвещение, 1964. – 466 с.
6. Кристева Ю. Разрушение поэтики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.libfl.ru/mimesis/txt/Kristeva.php> (Дата обращения: 03.11.2018)
7. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике. (Обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность: Функциональные и структурные аспекты.: сборник обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 7–25.
8. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка. Когнитивные исследования. – М.: Литрес, 2017. – 205 с.
9. Кубрякова Е.С., Петрова, Н.Ю. Лингвокультурологический статус драмы (Новое в изучении языка пьес) // Вопросы когнитивной лингвистики. Вып. 2 (023), 2010. – С. 64–73.
10. Лихачев Д.С. Очерки по философии художественного творчества. – СПб., 1996. – 191 с.
11. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков./ Р. О. Шор. – М. Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. – 510 с.
12. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.
13. Скуйбедина О.Н. Язык и национальный тип культуры: автореф. дисс. ... к. филос. н. Ростов н/Д, 2002. – 23 с.
14. Смелзер Н. Социология: пер. с англ. – М.: Феникс, 1998. – 688 с.

15. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. – В кн.: Ф. Соссюр Труды по языкознанию. – М., 1977. – 696 с.
16. Степанов Ю.С. Семантическая реконструкция (в грамматике, лексике, истории культуры) // Proc. of the Eleventh Intern. Congr. of linguistics, Bologna-Florence, Aug. 28 – Sept. 2, 1972. Bologna 1974.
17. Телия В.Н. Концептообразующая флуктуация константы культуры «родная земля» в наименовании родина // Язык и культура. Факты и ценности. Сб. статей к 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. – М.: Литрес, 2017. – С. 409–418.
18. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. – 262 с.
19. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 1. – М., 1960. – С. 135–198.
20. Williams T. The Glass Menagerie // The Theatre of Tennessee Williams. – New York: New Directions Publishing, 1971. Vol. 1. – 419 p.
21. Williams T. The Night of the Iguana. – New York: New Directions Publishing, 2009. – 189 p.

УДК 81:39; 811.161.1, 811.19

Гаспарян Н.К. Пословицы и поговорки как источник при изучении русской и армянской языковых картин мира

Гаспарян Нина Карпетовна

Балтийский федеральный университет им. И. Канта
РФ, г. Калининград, ninka24235@mail.ru

Proverbs and Sayings as a source in research of Russian and Armenian linguistic picture of the world

Gasparian Nina Karapetovna

Immanuel Kant Baltic Federal University
Russia, Kaliningrad

Аннотация. В данной статье отмечается обусловленность использования пословиц и поговорок как источника при исследовании национально-культурной специфики языка. Определяются некоторые установки, которые следует учитывать при анализе паремий, а также при дальнейшем их сопоставлении в русском и армянском языках. В конце статьи приводятся примеры, сравнительный анализ которых ярко демонстрирует особенности лингвокультурного содержания русских и армянских пословиц и поговорок.

Ключевые слова: лингвокультурология, пословицы и поговорки, национально-культурная специфика, лингвоспецифичные слова.

Abstract. This article is devoted to the reasonableness of the use of Proverbs and Sayings as a source in the study of national-cultural specific of the language. It also presents some attitudes should be considered when the proverbs are analyzed, as well as their further comparison in Russian and Armenian languages. The comparative analysis of

the examples given at the end of the article clearly demonstrates the features of the linguacultural content of Russian and Armenian Proverbs and Sayings.

Key words: linguoculturology, Proverbs and Sayings, national-cultural specifics, linguospecific words.

Довольно значимую роль в дальнейшей перспективе любой научной работы играет выбранный материал, который представляет собой источник исходных данных. Он предопределяет точность и корректность выполнения установленных задач, предполагая определенные методы и формы анализа, устанавливает определенное направление, в русле которого будет продвигаться исследование. Поэтому при изучении констант русского и армянского языков в сопоставительном аспекте, актуальным является использование как русских, так и армянских пословиц и поговорок.

Современный подход к изучению языковой картины мира невозможно представить без изучения пословиц и поговорок – воплощения исторической и культурной памяти народа. Их культурная или национальная обусловленность не только не утрачивает своей теоретической значимости, но и обретает в рамках культурологического подхода сегодняшнего времени к фразеологии и паремиологии новую силу. Например, в своей монографии Ф. И. Буслаев в разделе «Русский быт и пословицы» анализирует историю развития пословиц. Автор выделяет главные периоды их формирования, а также устанавливает источники происхождения всех славянских пословиц с пословицами из других языков индоевропейской семьи, такие как отжившие верования и языческие обряды. Кроме этого, он отдельно подчеркивает зависимость содержания пословиц и поговорок от особенностей развития народов, условий их быта народов, а также отдельно отмечает высокий информационный потенциал народных изречений, например, что пословицы «исполнены глубокого познания жизни и отношений общественных». В данном исследовании был проведен анализ взаимосвязи и соотношения пословиц с различными мифами, загадками, сказаниями, притчами, заклятьями, народными поверьями, наговорами, преданиями [1].

Кроме того, по мнению И. И. Срезневского, воспроизводимость устойчивых выражений обусловлена, в первую очередь, «строением» языка, он имеет системный характер. Также автор поднимает вопрос о лексической целостности отдельных категорий именно русских словосочетаний [3].

В свою очередь, А. А. Потебня разработал учение о «внутренней форме» слова, которое потом получило довольно плодотворное развитие во всей фразеологии, он занимается изучением поговорок и пословиц в качестве поэтических текстов [2].

Однако при изучении паремиологического фонда русского и армянского языков в аспекте культурологии были определены некоторые установки, которые следует учитывать при анализе пословиц и поговорок, а также при дальнейшем их сопоставлении.

Во-первых, известно, что половицы и поговорки в культурном отношении представляют собой емкие тексты, обладающие определенной национально-культурной специфичностью. Следовательно, необходимо выявить, каким образом культурные данные репрезентированы в представляющих интерес паремиях. Также требуется определить, каким образом взаимодействуют культура и язык в данных языковых единицах.

Во-вторых, необходимо учитывать тот факт, что пословицы создавались в разное время, в разных культурных условиях, в особенности, в разных социальных слоях населения. Поэтому целесообразным будет рассматривать половицы и поговорки как отражение мировоззрения не всего народа, а определенной его группы в определенный отрезок времени.

И, в-третьих, важно ясно понимать, какими языковыми средствами реализованы в данных текстах культурные представления той или иной языковой и культурной группы. От этого зависит корректная и достоверная интерпретация содержания пословиц и поговорок.

Что касается первой установки о культурной емкости и национально-культурной специфичности пословиц и поговорок, то здесь следует говорить об их познавательной природе. Современная лингвистика в рамках

антропоцентрического подхода рассматривает пословицы и поговорки как форму культурной деятельности, вследствие чего они получают характер «культурных знаков», которые, по словам В.Н. Топорова, «подключаются к сфере духовного и человеческого как особый язык и симболярий» [5]. И расшифровка данного кода способствует выявлению скрытых культурных представлений того или иного народа.

О культурной содержательности пословиц и поговорок также может говорить их оценочность, в которой отражается отношение носителя языка к представленному в пословице явлению, объясняя его взгляд на окружающую действительность. Для выявления этноспецифичности культурной семантики пословиц и поговорок становится необходимым изучение последних в сопоставительном аспекте. Подобный подход представляется обоснованным, так как освоение мира человеком проходит в сравнении. К тому же В.Н. Телия основной целью контрастивных (*сопоставительных*) исследований считает «выявление этнически- или национально-культурной специфики единиц того или иного языка, извлекаемой на фоне языковой (наивной) картины мира, в сотворении характерных черт которой они участвуют» [4]. Поэтому результаты сопоставительного анализа позволяют более точно и обоснованно говорить о национальной специфике культурного сознания народов.

Так, русской пословице «*Брат на брата – пуще супостата*»; соответствует по общей семантике армянская пословица «*Միսւթր միսւթրը լիւր լիւրի, լիւր ոչ*» (*Брат брату плохое может пожелать, но не смерти*). Однако мы видим, что они различаются внешними границами «установленной» вражды. В армянской пословице данная граница представлена четко: «*все плохое, кроме смерти*». Что подразумевает собой «*плохое*» в данном контексте, можно догадаться, учитывая моральные установки и нравственные ценности армян по отношению к семье. В русской же пословице «*пуще супостата*» может означать такую вражду, которая многократно превышает вражду с неприятелем, что подразумевает под собой в том числе и смерть.

Русской пословице «Что посеешь, то пожнешь» соответствует армянская «Չցանկու նր, չես կանիս քաղի» (Не посеешь, не сможешь сорвать). Эти два примера сходны друг с другом в ряде отношений: они оба демонстрируют причинно-следственные отношения касательно результатов, которые могут или не могут произойти в будущем в зависимости от приложенных усилий в настоящем, и в том и в другом содержание репрезентировано эквивалентными лексемами *сеять* и *жать* (срывать), однако в русской пословице мы видим также, что результат прямо пропорционален качеству приложенных усилий.

Приведем еще один пример: русской пословице «Семь пятниц на неделе» по внешним признакам соответствует армянская «Թախքալի հախքալ շաքարով օլոր կիրակի» (Для лентяя в неделе 7 воскресений). В обеих пословицах используется один и тот же фрейм «неделя», о чем свидетельствуют компоненты «пятница» и «կիրակի» [kiraki] *воскресенье*, а также цифра 7, обозначающая количество дней в неделе. Однако эти пословицы различаются своей внутренней семантикой. Так, у русских пословица используется для описания непостоянства человека, часто меняющего свое решение. А у армян данная пословица относится к лентяям, у которых каждый день, как в воскресенье, выходной.

Таким образом, объяснение культурной семантики пословиц и поговорок производится на основе имеющихся в языке стандартных механизмов: метафоры, метонимии, сравнения, антитезы и других. Именно поэтому язык считается тем инструментом, который позволяет реконструировать культурное содержание пословиц и поговорок.

Список литературы

1. Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства / Ф.И. Буслаев. – Т. 1. – СПб: Типография товарищества «Общественная польза», 1861. – 662 с.;
2. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – М.: Индрик, 2005. – 1038 с.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – 2-е изд., стереотип. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 208 с.
5. Потеня А.А. Мысль и язык / А. А. Потеня. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.;
6. Срезневский И.И. Замечания об образовании слов из выражений / И.И. Срезневский // Сборник отделения Русского языка словесности Императорской Академии Наук. – 1873. – Т. X. – С. 449-462;
7. Телия В.Н. Фразеология в контексте культуры/ В.Н. Телия. – М.: «Языки русской культуры», 1999;
8. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Образ. Символ / В. Н. Топоров. – М.: «Прогресс» – «Культура», 1995. – С. 29

УДК 372.8

Курмаева Г. Ф. Методика изучения односоставных предложений в средней школе**Курмаева Гульнара Фатеховна**

студент магистратуры

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (НИУ)
РФ, г. Арзамас, bronze2923@gmail.com**Научный руководитель****Пряников Александр Викторович**

кандидат филологических наук, доцент

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (НИУ)
РФ, г. Арзамас, pryanikoff14@yandex.ru**Methods for studying One-member Sentences in high school****Kurmaeva Gulnara Fatehovna**

graduate student

National Research Lobachevsky State University (Arzamas branch)
Russia, Arzamas

Scientific adviser

Pryanikov Alexander Viktorovich

Cand. Sci. (Phylology.), assistant professor
of the Russian Language and Literature Department
National Research Lobachevsky State University (Arzamas branch)
Russia, Arzamas

Аннотация. В статье рассматривается методика изучения односоставных предложений на уроках русского языка в средней школе, которая основана на модульном обучении. Модульное обучение является одним из наиболее современных форм обучения в образовательных учреждениях. Оно совмещает в себе разные виды деятельности (групповую, индивидуальную), разные виды работы с текстами (трансформация, анализ, сопоставление и др.). В статье также раскрывается направленность данной методики — обобщение и систематизация знаний, полученных на предыдущих уроках. Описанная методика универсальна и способна заинтересовать обучающихся не только 8 классов, но и 9–11. С помощью поэтапно выстроенных модулей можно выстроить занятия с целью повторения изученного материала и подготовки к контрольным работам, экзаменам.

Ключевые слова: модуль, односоставные предложения, обучающиеся, анализ, сравнение, исследование.

Abstract. The article discusses a new method of studying single-sentence sentences in Russian language lessons in secondary schools, which is based on modular instruction. Modular training is one of the most modern forms of education in educational institutions. It combines different types of activities (group, individual), different types of work with texts (transformation, analysis, comparison, etc.). The article also reveals the focus of this methodology — the generalization and systematization of the knowledge gained in previous lessons. The described technique is universal and is able to interest students not only of 8 classes, but also 9–11. With the help of staged modules it is possible to build classes with the aim of repeating the material studied and preparing for tests and exams.

Keywords: module, single-sentence sentences, students, analysis, comparison, research.

На современном этапе обучения существует множество приёмов и методов преподнесения обучающимся теоретического материала в школе, а также разных видов уроков: как традиционных (урок-лекция, урок-беседа), так и нетрадиционных (урок-исследование, урок-путешествие, урок-экскурсия). При изучении темы «Односоставные предложения» в 8 классах можно использовать разнообразные методики, так как данная тема содержит в себе до сих пор теоретически не решённые вопросы, что открывает большое поле для организации учителем исследовательской, проектной деятельности учеников.

До вступления в силу Федерального образовательного стандарта нового

поколения обучающимися заучивался теоретический материал по каждому типу односоставного предложения, выполнялся комплекс упражнений на закрепление знаний (определение типа предложения и указание его места в классификации). Сейчас же учителю открыт путь для творческого преподнесения, оформления материала. Такой подход предполагает активное использование в образовательном процессе различных информационно-коммуникационных технологий. По своей сути традиционные, утвердившиеся в школьной практике приёмы (создание и использование опорных таблиц и схем) совершенствуются и демонстрируются учителем на уроке в новом облики, например, в виде мультимедийных презентаций или с помощью использования планшетных компьютеров. Например, учитель русского языка и литературы Ирина Федуринa разработала методические рекомендации по использованию планшетных компьютеров iPad на уроках русского языка в школе: «На уроках они помогают создать атмосферу творчества и созидания и в полной мере реализовать современный коммуникативно-деятельностный подход к обучению. С помощью планшетных компьютеров создается особое пространство учебной деятельности, в котором ученик превращается на уроке в деятеля, самостоятельно ориентируется в материале и выбирает собственные способы его освоения. Задача учителя — корректировать зону ближайшего развития ученика, уровень его продвижения в теме» [3]. Ещё одна методика, относящаяся непосредственно к изучению темы «Односоставные предложения», описана в статье Т. В. Гоголиной и Е. И. Пипко «Трудные вопросы изучения односоставных предложений в школе» [1]. Они предлагают при повторении данной темы в 10–11 классах использовать многоплановые таблицы, в которых представлены все типы односоставных предложений с учётом особенностей типового значения, морфологического признака главного члена и с подобранными к каждому типу примерами. Такая таблица позволяет концентрированно подать теоретический материал, исключая его дробление при первичном восприятии. Также авторы статьи предлагают учителю использовать данную таблицу при анализе художественных произведений на

уроках литературы. Таким образом, использование новых технологий на уроках русского языка помогает преподнести достаточно сложный для усвоения материал в новом ключе. Данный аспект и приведенные выше методики подтолкнули к анализу особенностей преподавания односоставных предложений в средней школе и позволили сделать следующий вывод: изучение односоставных предложений имеет недостаток, который заключается в том, что слабо учитывается взаимосвязь между основными семантико-грамматическими типами простого предложения. Каждый вид односоставного предложения чаще всего изучается вне его связи с другими моделями предложений при таком изучении синтаксический строй речи обучающихся недостаточно обогащается данными конструкциями. Для преодоления этого недостатка необходимо учитывать возможные связи и соотношения, существующие между отдельными типами предложений. Таким образом, было принято решение разработать методику, которая бы смогла помочь решить перечисленные проблемы.

Анализ разнообразных методик, комплексов упражнений, направленных на изучение односоставных предложений, подтолкнул к созданию собственной методики изучения односоставных предложений в школе. Разработанная методика совмещает в себе разные виды деятельности (групповую, индивидуальную), разные виды работы с текстами (трансформация, анализ, сопоставление и др.). Именно такими характеристиками обладает модульное обучение.

Модульное обучение является одной из наиболее распространённых форм обучения в образовательных учреждениях. Чаще всего технология блочно-модульного обучения применяется на уроках естественнонаучного (биология, география, естествознание) и математического циклов дисциплин. Это объясняется тем, что сам термин «модуль» был перенесён из информатики. В ходе развития данной методики и опыта внедрения её в школы произошли значительные изменения: модульный подход стал применяться и на уроках гуманитарного цикла (русский язык, история), технология стала впитывать в

себя специфику данных предметов и расширила понимание понятия «модуль». Термин «модуль», изначально обозначая меру, способ построения, передачи информации, функционируя как единица модульной технологии, приобрёл иное значение: «Модуль — это основное средство модульного обучения, которое является законченным блоком информации, а также включает в себя целостную программу действий и методическое руководство, обеспечивающее достижение поставленных дидактических целей» [5]. Специфика методики заключается в том, что учителем разрабатывается индивидуальная программа действий/заданий для каждого ученика, либо универсальная программа, которая бы учитывала индивидуальные потребности каждого. Этого можно достичь, разрабатывая модули, которые включают в себя разные виды деятельности, и в итоге любой обучающийся сможет себя реализовать. Работа учителя состоит в создании программы действий, разработки методического руководства для достижения поставленных дидактических целей, также учитель должен при работе с данной технологией разработать модули, составить инструкции, задания, которые войдут в тот или иной модуль. Роль учителя — осуществление мотивационного управления обучением, координация, консультация и осуществление контроля над обучающимися. Роль обучающихся — самостоятельное выполнение заданий, а в конце урока — осуществление самооценки, которая помогает объективно оценить свои способности и результаты своего труда.

Модульное обучение учитывает индивидуальные особенности каждого ученика, позволяет переходить от одних способов и видов деятельности к другим, предполагает разные формы работы: групповую, парную, индивидуальную, а также осуществляет разные виды контроля: самоконтроль, взаимоконтроль, разные способы оценивания: самооценка, взаимооценка, самоанализ [2].

С помощью технологии модульного обучения достигаются следующие цели:

- включение каждого обучающегося в учебный процесс;

- создание благоприятных условий для выполнения заданий, упражнений (учитывать темп работы каждого обучающегося);
- формирование у обучающихся навыков самоконтроля и самообучения.

Разработанная нами методика состоит из пяти модулей, каждый из которых представляет собой отдельный вид работы над односоставными предложениями. Методика направлена на обобщение и систематизацию знаний, полученных на предыдущих уроках. С помощью данной методики также возможно подготовить внеурочное мероприятие, так как она универсальна и способна задействовать обучающихся не только 8 классов, но и 9–11, как повторение изученного и подготовка к ГИА и ЕГЭ [4, с. 120]. Эти пять модулей взаимосвязаны: каждое последующее задание, заключенное в модуле, усложняется, за счёт этого осуществляется плавное погружение в сущность исследуемого явления. Задания, направленные на разные типы восприятия, не позволят обучающимся отвлечься и потерять интерес к теме урока.

Модули представляют собой следующее:

- первый модуль направлен на первичное восприятие материала, актуализацию знаний, ориентирование обучающихся на тему занятия;
- второй модуль полностью раскрывает тему урока, ориентирует на работу в группах, в рамках второго модуля решается проблемная ситуация;
- третий модуль предполагает работу с готовым текстом, на исследование значения языковых единиц;
- четвёртый модуль направлен на развитие творческого мышления: через работу с художественным тестом обучающиеся должны проанализировать найденные ими синтаксические конструкции и, опираясь на своё восприятие, описать их.
- пятый модуль представляет собой самоанализ проделанной работы на занятии.

Далее подробнее рассмотрим содержание каждого модуля.

Модуль 1: ориентирован на зрительное восприятие, на развитие творческого мышления. Это начальный этап работы, который представляет собой этап актуализации знаний. На презентации представлены две картины, которые обучающиеся должны описать с помощью односоставных предложений. Условно можно представить, что на первой картине изображена ваза с цветами; обучающиеся описывают увиденное с помощью номинативных предложений, аргументируя это типовым значением такого вида предложений (наличие предмета в действительности). На второй картине изображен закат/рассвет, обучающиеся передают увиденное безличными предложениями, апеллируя знанием типового значения безличного предложения: протекание действия без отнесения его к какому-либо деятелю. Такое начало урока позволит заинтересовать обучающихся и настроить их на дальнейшую работу на занятии.

Модуль 2: ориентирован на слуховое восприятие. Обучающимся предлагается прослушать два небольших текста, которые различаются между собой одним предложением: в первом тексте фигурирует конструкция двусоставного предложения: *В дверь кто-то постучал*; а во втором — односоставного неопределенно-личного: *В дверь постучали*. В ходе групповой командной работы обучающиеся должны выяснить, каково смысловое различие данных предложений. Это упражнение поможет понять и уловить разницу между двумя структурно-семантическими типами предложений, а также выяснить, какому стилю речи свойственна та или иная конструкция.

Модуль 3: представляет собой практическую работу. Обучающимся даются предложения, которые им необходимо трансформировать во все возможные типы односоставных предложений. Например, предложение *На улице идёт дождь (двусоставное)* можно трансформировать в безличное: *Дождливо* и в назывное: *Дождь*. Необходимо охарактеризовать тип главного члена односоставного предложения и вывести смысловые различия между предложениями. Такое задание поможет увидеть не только формальные различия между односоставными предложениями, но и, самое главное,

прочувствовать их смысловые оттенки. Путём такого сопоставления обучающиеся увидят чёткие границы между типами предложений, что в свою очередь предупредит ошибки в ходе анализа текста. Также это задание поможет обучающимся обогатить свою речь: называть одно и то же явление разными конструкциями, различающимися смысловыми оттенками.

Модуль 4: предполагает работу с текстом. Обучающимся предлагаются тексты, написанные в разных стилях (художественном, научном, официально-деловом, техническом). Основная цель на данном этапе — выявить функцию односоставных предложений в тексте. Например, даны отрывки из рассказа В. Астафьева, из пьесы М. Горького, поэтические тексты М. Цветаевой, Ф. И. Тютчева или текст инструкции по эксплуатации телевизора или любого другого технического устройства. Например, обучающимся дан поэтический текст А. А. Фета «Шёпот, робкое дыханье...», который состоит полностью из номинативных предложений. Им необходимо выявить, какую роль выполняют номинативные предложения в тексте, почему автору важно было именно так описать картину наступления зари, а также необходимо описать значимое отсутствие глагольных конструкций. Главное, чтобы ученики смогли задать себе вопрос: «А почему именно эти предложения?» и смогли на него ответить. Этот модуль подтолкнёт обучающихся к исследовательской работе, вызовет у них интерес к выявлению функций односоставных предложений в художественных текстах.

Модуль 5: завершающий этап занятия. На этом этапе проводится рефлексия деятельности, которая предполагает оценивание и анализ обучающимися своей работы на уроке. Рефлексия может проводиться в разных формах: листы оценивания, описать или нарисовать своё состояние на уроке и др. Мы предлагаем проводить рефлексию в форме «бортового журнала». Он представляет собой следующую таблицу:

Таблица 1. Бортовой журнал

Односоставные предложения	Что знал/а	Что узнал/а
Номинативные/назывные		
Определённо-личные		
Неопределённо-личные		
Безличные		

Такая форма самоанализа поможет обучающимся, с одной стороны, выявить пробелы в знании теории, с другой стороны — наметить путь дальнейшей исследовательской работы по данной теме. Это покажет, в свою очередь, и учителю путь работы по изучению данной темы, покажет сильные и слабые стороны обучающихся.

Таким образом, с помощью описанной методики обучающиеся закрепят знания обо всех типах односоставных предложений, получат новый опыт работы над текстами (анализ, трансформация, сопоставление). Данная методика учитывает взаимосвязь между основными семантико-грамматическими типами простого предложения. Каждый вид односоставного предложения изучается в связи с другими моделями предложений. Методика применима и не только при изучении односоставных предложений, но и других спорных интересных вопросов, существующих в русском языке.

Использование модульных технологий на предметах гуманитарного цикла является таким же эффективным средством преподнесения материала, как и при изучении естественных и точных наук. Поэтапное разъяснение материала способствует его лучшему усвоению (что необходимо при изучении новой темы) и закреплению (для эффективной работы на уроках обобщения и систематизации знаний, урока повторения пройденного материала). Благодаря модульной технологии у обучающихся пробуждается интерес к изучаемому предмету, активизируется желание учиться и делать свои мини-открытия на уроках русского языка.

Список литературы

1. Гоголина Т. В. Трудные вопросы изучения односоставных предложений в школе / Т. В. Гоголина, Е. И. Пипко // Филологический класс. — 2007. — № 17 [Электронный ресурс] / URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/trudnye-voprosy-izucheniya-odnosostavnyh-predlozheniy-v-shkole> (дата обращения: 13.11.2018).
2. Карповская, Н. О. Блочно-модульная технология как средство повышения качества обучения [Электронный ресурс] // URL: <http://festival.1september.ru/articles/588216/> (дата обращения: 10.11.2018).
3. Федурин, И. Методические рекомендации по использованию планшетных компьютеров iPad на уроках русского языка в школе [Электронный ресурс] // URL: <http://it.my18.ru/?p=285> (дата обращения: 07.11.2018).
4. Харитонов, Е. И. Рабочие программы. Русский язык. 5–9 классы: учебно-методическое пособие. — М.: Дрофа, 2012. — 383 с.
5. Юцявичене П. А. Теория и практика модульного обучения. — Каунас: Швиеса, 1989. — 272 с. [Электронный ресурс] // URL: <http://hum.edu-lib.net/pedagogika-psihologiya/yutsyavichene-p-teoriya-i-praktika-modulnogo-obucheniya-onlayn> (дата обращения: 03.11.2018).

UDC 37.02

Maryshkina T.V., Kalizhanova A. N. Possibilities of mechanisms of bilingual education for the formation of trilingualism

Maryshkina Taissiya Vladimirovna

Master of Arts

Lecturer at the Department of Theory and Practice of Translation

Buketov Karaganda State University

taisiya.maryshkina@inbox.ru

Kalizhanova Anna Nikolaevna

Lecturer at the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication

Bolashak Academy, annaanna1802@gmail.com

Abstract. The authors of the article consider bilingualism and mechanisms for the development of bilingualism in terms of their applicability to the policy of trilingualism in Kazakhstan. The article provides links to existing international experience in the use of CLIL in bilingual and monolingual countries. Mainly, the article considers the probability of the establishment of trilingualism among citizens under the influence of the CLIL. The authors conclude that CLIL alone is not enough for the development of trilingualism among Kazakhstan citizens, and that other social factors and motivations should be implemented.

Key words: bilingualism, CLIL, trilingualism, English as a Second Language, Kazakhstan.

Agitation is increasing around the theme of the new Kazakhstani language policy of trilingualism, which implies the steady development of Kazakh, Russian, and English languages among Kazakhstani people. New language policy in Kazakhstan is one of the processes required for integration of Kazakhstan into the world community. Issues of language development in Kazakhstan were always under the control and care of the President of the Republic of Kazakhstan N.A. Nazarbayev, who continually drives attention towards the development of education, culture, and knowledge of languages in his annual messages to the population of the country. The policy of trilingualism does not cause forgetting the native language but, alternatively, sets the Kazakh language to the first place and increases the integration of the English language. However, such a government initiative to introduce trilingualism in schools split the society: some people welcomed this idea, whereas others took it negatively.

At present, foreign languages are becoming one of the main factors of both economic and general cultural progress of society. Modern studies in the field of language indicate that multilingualism is inevitable. Globalization and the international cooperation open the borders to the expansion of the language range in each country. Regarding the labor market, employers are increasingly asking for fluency in three languages, and potential investors are most often set up primarily for convenient communication when all parties are fluent in English: statistically, 85% of companies hold their conferences and business negotiations in English.

Kazakhstani universities supported multilingualism as a guarantee of integration taking various measures such as introducing a foreign language in their educational process. However, an attempt to preserve a linguistic diversity in Kazakhstan involves, firstly, creating conditions for teaching the native language of ethnic groups, living in this country. So educational and methodological assistance as well as attracting experienced native-speaking teachers with their international experience and modern technologies in teaching native languages are highly required.

Such a large-scale project within the framework of a whole country implies enormous expenses and tremendous opportunities: necessity to update the entire

system and content of education, to conduct sociological, psychological, and philological research, to issue new textbooks, and, most importantly, to prepare the teachers for the new multilingual system. The transition to trilingualism should not only move science and economics forward but also develop the citizens' intellect. The question of whether such a forced imposition of languages will help make the citizens of a country genuinely multilingual or at least bilingual arises. Senate Deputy of the Parliament of Kazakhstan Sergey Yershov expressed doubts about the effectiveness of spending 6.9 billion tenges on English courses for teachers during the discussion of the draft law "On guaranteed transfer from the National Fund of the Republic of Kazakhstan for 2018-2020" at a plenary session of the chamber, held on November 16, 2017 [5].

The problem of implementation of multilingualism in the state lies not only in the financial and methodological field but also in the general language situation of Kazakhstan. As Z.K. Akhmetzhanov noted, a variety of types of bi- and polylingualism have arisen in Kazakhstan, and they differ in the regions of distribution, the coverage of different areas of language functioning, the specifics of the influence of the first language on the second. B.Kh. Khasanov identifies 126 types of bilingualism, consisting of 125 national and Russian languages, about two dozen Russian-national and national-Kazakh bilingualism, at least ten types of national-bilingualism, as well as trilingualism, represented by the trinity of Kazakh, Russian, and social components. [4, p.93]. Thus, the knowledge of two languages is not new for Kazakhstan. Moreover, the presence of three languages in the life of schoolchildren will help them learn three languages and become bilingual or even trilingual still stay doubtful.

An attempt to make an entire nationality multilingual evokes the question of how and under what circumstances people naturally become bilinguals. According to Colin Baker, the various overlapping causes why children or adults acquire a second or third language relate to ideological, international, and individual headings [1, p.110].

Such a theory implies mainly well-known drivers of second-language

acquisition such as harmonious development or difficult position of the second language regarding integrating minority language groups; the desire of people to participate in the world's common market or merely travel around the Globe [1, p.110-113]. Different countries represent a different field of development of bilingualism. For example, the complicated situation in Canada leads to an intense confrontation between French and English. In India, for instance, an overpopulated low-income country, heavily influenced by the west, learning English is self-evident for the inhabitants. Singapore, one of the most developed world traders, in turn, recognizes four official languages.

The information access always motivates people for cognitive development and second or even third language learning. However, all these circumstances can address only the internal motivation of students; the inner desire encourages the latter to learn a second language and use it. Moving to the context of mastering a second language, Colin Baker opposes formal language learning contexts to informal language acquisition contexts [1, p.113]. In the book *Foundations of Bilingual Education and Bilingualism*, he said that informal context features a subconscious character of acquisition of a second language as a tool of communication but not an aim [1, p.113].

Conversely, learning in a formal context drives the language at the first place, and it is taught purposefully with reliance on conscious process and knowledge [1, p.113]. Thus, an informal context can trace the natural way of learning a second language when impetus to daily communication helps people acquire the language. In other words, interlocutors around the person such as family, friends and information flow contribute to the language acquisition by providing constant language environment for the principal amount of time and form the auspicious learning situation.

The trilingual policy of Kazakhstan aims at providing school children with an opportunity of learning a language alongside learning a subject. CLIL or integrated learning in content and language or integrated learning in the subject language, the essence of which is that children study the school subjects in a foreign language, has

entered 1st, 2nd, 5th, and 7th grades of Kazakhstani schools. CLIL program has two global goals: an adequate level of study of the subject in school through a foreign language as well as an in-depth study of a foreign language through the subjects taught. Such an approach combines explaining to students the following subjects, such as chemistry, mathematics, geography, biology, natural science, classical literature, computer science, economics, art history, philosophy, in their native and learned languages in one continuous process.

At first glance, CLIL, as well as other forms of bilingualism and immersion programs, have many standard features; however, differences prevail similarities here. According to Coyle, Hood, and Marsh [2], the planned pedagogic integration of contextualized content, cognition, communication, and culture into teaching and learning practice' separates CLIL from some established approaches such as content-based language learning, or forms of bilingual education. The theory of bilingualism, established by Baker, states that a bilingual person should master certain aspects of second language acquisition: ability, culture, context, age, use, elective bilingualism, and balance of two languages [1, p.25]. CLIL programme provides the development of all the aspects but concerns if it is possible to achieve the latter only by the mean of the school programme. If the goal is to learn language and study biology at the same time, not only levels of complicity should correspond to students' age and level but also the process ought to remind of building a plane during the flight.

The standard and a fair statement on the need to learn a language by full exposure must not overlook the fact that a class situation is always an artificial environment. Every day, after school, children come back to their families where they speak only in their mother tongue. Such five CLIL aspects as cultural, social aspects, educational process, communication and subject itself transfer into a tedious hometask and the need of learning new information as well as a new way of speaking burden school-children.

Another problem is a typical low level of the second-language acquisition among the students, which leads not only to an increased burden on students but also to some psychological problems associated with formidable learning of the subject

material. In weak groups, learning through the second language can aggravate the process of mastering the subject and worsen the quality of learning.

Elena Garayzábal in her article *How Far From the Premise; a Meta-Analysis and Critical Appraisal of Literature on Content and Language Integrated Learning* shares her research on the subject of CLIL effectiveness in Spain [3]. According to her article, in Spain, in schools, where enrollment in classes under the CLIL program is voluntary, most students are already quite prosperous and gifted. Most of the CLIL program participants have a favorable background; their parents are either well-off or belong to the elite that has a higher education. Thus, children who show considerable progress in studying a subject in a foreign language belong to the group of purposeful and robust schoolchildren [3, pp.66-67]. Contrary to the common belief about students who study in the second language as those who acquire the language and knowledge of the subject on a higher level, Elena Garayzábal doubts whether it does not influence their parents that develops all the outstanding features of students, long before the bilingual programme.

A study, conducted in Indonesia in 2017, attempted to identify the concept of bilinguals through the seven Baker's dimensions mentioned previously. The study involved two bilinguals with entirely different backgrounds, asked about the manifestations of their seven criteria for bilingualism. Although both were bilingual, their second language skills such as writing, cultural awareness, and the age of second-language acquisition were significantly different. The external environment and the fact whether they needed to use the second and first language for communication and work had a more significant impact on the subjects [3, p.29-40]

All considered information reveal the bilingualism as a person's knowledge of two languages, possession of them at least at the everyday level and the use of one of these languages, depending on the situation. Becoming bilingual is possible only with constant contact with the language and its use on a regular basis. The language policy of Kazakhstan and the state language in government service are so far limited to the use of CLIL in secondary and higher educational institutions. However, in the first stage of the introduction of this policy, the efforts made will not be enough to lead

citizens to bilingualism or trilingualism. The presence of all three languages in the life of citizens should be constant and daily, starting from an early age, so that the process of mastering the three languages goes smoothly through all social strata evenly, and the children use these languages at the proper level during the educational process. The development of trilingualism should include not only teaching methods but also the social infrastructure that would maintain contact with the languages, studied on an ongoing basis by newspapers, radio programs, sessions in cinemas, and kindergartens.

List of references

1. Baker, C. (2011). Foundations of Bilingual Education and Bilingualism. Retrieved from https://books.google.com/books/about/Foundations_of_Bilingual_Education_and_B.html?id=fEt5VKBIMSsC
2. Coyle, D., Hood, P., Marsh, D. Content and Language Integrated Learning. Cambridge University Press, 2010.
3. Tabari, F., Heinze, E.G., & Sampaio, A. (2018). How Far from the Premise; a Meta-Analysis and Critical Appraisal of Literature on Content and Language Integrated Learning. Retrieved from <https://oapub.org/edu/index.php/ejfl/article/view/1983>, pp. 60-102.
4. Abdigazi, S.Kh. Bilingualism as a specific case of multilingualism in Kazakhstan. JSRP. 2014. No. 4(8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-bilingvizme-kak-chastnom-sluhae-mnogoyazychiya-v-kazahstane> (accessed: October 20, 2018).
5. Kazantseva, O. (2018). Trilingualism: Byword or Real Project? Retrieved October 20, 2018, from http://iq.expert/last-news/?ELEMENT_ID=446

УДК 811.111

Пром Н.А. Корреляции в рамках ассоциативных связей понятия «факт»**Пром Наталья Александровна**канд. филол. наук, доцент кафедры «Иностранные языки»
Волгоградский государственный технический университет
РФ, г. Волгоград, natalyprom77@mail.ru**Correlations within associative links of the notion "fact"****Prom Natalia Aleksandrovna**Cand. Sci. (Filology), assistant professor
"Foreign Languages" department
Volgograd State Technical University
Russia, Volgograd

Аннотация. Задачей данного этапа нашего исследования является выявленные пересечения его русской и английской понятийных сфер, что подтвердят универсальность данного концепта для русской и английской культур. Компонентный анализ показал совпадение основных сем в понятиях «факт» и «fact»: истина/truth, действительность/actuality, событие/event, знание/knowledge, а также совпадение четырех корреляций и ряда межсемных ассоциаций. Кроме того, анализ выявил различия в русской и английской понятийных сферах, что было предсказуемо, поскольку нельзя исключать национальное своеобразие концептов, отражающееся в несовпадении понятийных сфер. Данное наблюдение позволяет вывести общую дефиницию понятия «факт». Так, факт – это истина, то есть событие или знание, соответствующие объективной реальности, языковой презентацией которого является предложение. Указанные связи представляют собой основу для выявления признаков факта и являются одним из факторов влияния на процесс фактообразования.

Ключевые слова: факт, концепт, корреляции, истина, событие, знание

Abstract. The objective of this stage of our research is the identified intersections of its Russian and English conceptual spheres, which will confirm the universality of this concept for Russian and English cultures. The component analysis showed the coincidence of the main semes in terms of "fact" and "fact", i.e., truth, actuality, event and knowledge, as well as the coincidence of four correlations and a number of interseme associations. In addition, the analysis revealed differences in the Russian and English conceptual spheres, which was predictable, since the national identity of the concepts cannot be excluded that is reflected in the discrepancy between the conceptual spheres. Thus, the observation allowed us to derive a general definition of the concept of "fact." So, a fact is truth, that is, an event or knowledge, corresponding to objective reality, the presentation of which is a language presentation. These relationships are the basis for identifying signs of fact and are one of the factors influencing the fact-formation process.

Key words: fact, concept, correlation, truth, event, knowledge.

Факт лежит в основе исследований в разных областях гуманитарного знания и представляет собой основу для построения рассуждений, теории или плана действий. На первом этапе нашего исследования был рассмотрен ассоциативный фон понятия «факт» [3]. Задачей предлагаемого этапа нашего исследования является выявленные пересечения его русской и английской понятийных сфер, что подтверждает универсальность данного концепта для русской и английской культур. В рамках метода компонентного анализа были изучены 46 словарных статей, из которых 28 русскоязычных и 18 англоязычных. К основным семам мы отнесли те, частотность которых превысила 3%. В случае, когда данный показатель оказался не выше трех процентов, мы расценивали сему как дополнительную. Количественный подсчет выявил наиболее часто встречающиеся в словарях семы понятия «факт»/«fact». Выделены по 17 сем в русском и английском материалах: 9 основных и 8 дополнительных сем, которые соотносятся с концептами, в индивидуальном и коллективном сознании ассоциирующимися с понятием «факт».

На основании теоретического положения о том, что «концептуальные признаки в условиях вербализации концепта предстают как семы» [5, с. 20], выделенные семы далее будут рассмотрены как факторы, оказывающие влияние на признаки факта. Поясним: поскольку трактовка понятия «факт» осуществляется через понятия «истина», «действительность», «знание» и др., отношения между ними определяются как синонимические. Другими словами, представляется правомерным рассматривать их в качестве синонимического ряда, т.е. цепочки слов, «связанных семантически, в которой каждый член синонимического ряда отличается каким-либо компонентом своего значения от остальных членов ряда и вместе с тем совпадает с ними по другому компоненту» [1, с. 14]. Однако если мы будем выявлять признаки данных концептов и приписывать их факту, то есть опасность обнаружить признаки, присущие его синониму, но не самому факту, поскольку синонимы – это не совпадающие, а пересекающиеся понятийные поля. Например, знание, в

частности, ассоциируется с представлениями, взглядами, концепциями, теориями [2], которые нуждаются в обосновании и развитии. Факты, в свою очередь, уже установлены и обладают признаком истинности. Чтобы исключить вероятность подобной ошибки, необходимо установить общее между теми семами, которые уже выделены в понятии «факт», ограничивая тем самым зону поиска признаков.

Компонентный анализ чаще применяется для выявления дифференцирующих признаков слов и подробно исследует периферию ассоциативного поля. Нашей задачей на данном этапе работы является обоснование универсальности понятия «факт» в разных лингвокультурах, поэтому важно сконцентрировать внимание на ядре ассоциативного поля и центрах пересечения понятийных сфер слов-синонимов, а затем выявить совпадения в русском и английском материалах. Для того чтобы определить семантические корреляции и понятийные признаки, необходимо выполнить анализ словарных дефиниций слов, выделенных в качестве сем в понятии «факт», и установить коррелятивные и ассоциативные связи между ними. Под семантической корреляцией мы понимаем взаимное соответствие ассоциативных связей выделенных сем [4]. Ассоциативная связь представляет собой одностороннюю связь одного понятия с другим. Важно заметить, что анализ установил корреляционную связь всех понятий с семой «факт», поэтому в таблицах она не отражается.

Анализ показал, что в сравнении с другими компонентами «истина» включает наибольшее количество сем, содержащихся в понятии «факт». Их семь, из которых «знание» (24%), «действительность» (19%) и «объективность» (19%) – наиболее часто встречающиеся; «предложение», «чувственный образ», «опыт», «правда» (по 9,5%) – семы средней частотности. Сама сема «истина» встречается только в трех дефинициях: «действительность», «знание» и «правда». Следовательно, сема «истина» участвует в трех корреляциях «истина-правда», «истина-действительность», «истина-знание». Несмотря на то, что понятие «истина» включает сему «объективность» как высокочастотную,

дефиниции самого понятия «объективность» не содержат семы «истина», то есть истина устанавливает одностороннюю ассоциацию с объективностью. Это объясняется значительным ценностным компонентом истины. При этом сема «правда» присутствует в понятии «объективность». Следовательно, если правда коррелирует с истиной в полном объеме, то объективность коррелирует с истиной опосредованно.

Понятие «действительность» включает пять сем, из которых «объективность» с высоким показателем частотности (33,3%); «истина», «событие», «явление», «чувственный образ», «правда» – семы средней частотности с показателем 16,7%. «Действительность» является высокочастотной семой в дефинициях четырех понятий: «объективность» (80%), «правда» (50%), «опыт» (30%), «истина» (19%) и один раз появилась в дефиниции понятия «явление». Следовательно, у нас есть еще две корреляции «действительность-объективность» и «действительность-явление». Сема «явление» также коррелирует с семой «событие». Несмотря на выделение в семах ряда односторонних ассоциаций, когда в понятии обнаруживалась нужная сема, при рассмотрении ассоциируемого понятия корреляция не составлялась. Семой, не имеющими ни одной ассоциации с другими семой в рамках понятия «факт», являются «информация» и «предложение/утверждение». Таким образом, выделены шесть семантических корреляций понятия «факт»: «действительность-объективность», «действительность-явление», «истина-правда», «истина-действительность», «истина-знание», «явление-событие». Получившийся рисунок отражает узкий ядерный круг сем.

Анализ английского материала показал, что компонент «evidence» включает наибольшее количество сем, содержащихся в понятии «fact». Их восемь, из которых «proof» (33%), «belief» (14,3%) и «information» (19%) – наиболее частотные; «knowledge» и «actuality» (по 9,5%) – семы средней частотности. Низкочастотными в понятии «evidence» стали семы «truth», «trial» и «statement». Сема «evidence» встречается только в трех дефинициях: «proof»,

«trial», образуя с ними корреляцию, и «experience». При этом установлено, что понятия «evidence» и «proof» содержат множества сем, которые являются пересекающимися в основном объеме. Из семи перечисленных сем (не включая саму сему «proof»), которые содержатся в понятии «evidence», шесть присутствуют в понятии «proof». В этот список не попала сема «actuality» со стороны «evidence» и «statement» со стороны «proof». При этом есть еще ряд сем, не опосредованных понятием «fact». Отметим, что семы «evidence» и «proof» объединены одним семантическим полем «law». Сема «proof», будучи дополнительной в рамках понятия «fact» по результатам общей частотности, имеет довольно прочные ассоциативные связи с другими семами данного понятия, из которых четыре корреляции: «proof-truth», «proof-trial», «proof-belief» и «proof-evidence». Еще одной семой, входящей в состав четырех корреляций, является «event»: «event-actuality», «event-experience», «event-circumstance», «event-phenomenon». Сема «truth» также имеет широкий круг ассоциаций с семами понятия «fact», состоящий из семи компонентов: «knowledge», «actuality», «information», «circumstance», «statement» и «proof». Корреляций выявлено только две: «proof-truth» и «truth-knowledge», первая из которых была уже упомянута. Семой, не имеющими корреляции с другими семами в рамках понятия «fact», являются «detail» и «statement». В английском материале установлено пятнадцать корреляций между семами, входящих в понятие «fact»: «proof-truth», «proof-trial», «proof-belief», «proof-evidence», «event-actuality», «event-experience», «event-circumstance», «event-phenomenon», «truth-knowledge», «knowledge-information», «knowledge-experience», «actuality-phenomenon», «information-circumstance», «actuality-phenomenon». Это в три раза больше, чем в русском материале, что свидетельствует о больших ассоциативных возможностях английского слова «fact» и более широком употреблении.

Анализ показал ряд коррелятивных и ассоциативных совпадений в русской и английской понятийных сферах. Мы выделили девять совпавших сем понятия «факт»/«fact». Выявлено 66,7% совпадений: 41,7 % демонстрируют

отсутствие ассоциаций в каждом из языков, 13,9% ассоциаций, совпадающих в обоих языках, и 11,1% совпадающих корреляций. Совпали следующие корреляции: «действительность-объективность» / «actuality-objectivity»; «действительность-явление» / «actuality-phenomenon»; «явление-событие» / «event-phenomenon»; «истина-знание» / «truth-knowledge». Вместе с тем, выявлены совпадения по односторонним ассоциациям: «истина-действительность» / «truth-actuality», «истина-предложение» / «truth-statement», «опыт-знание» / «experience-knowledge», «знание-информация» / «knowledge-information», «событие-действительность» / «event-actuality». Семантических несовпадений выявлено 33,3%.

Таким образом, компонентный анализ показал совпадение основных сем в понятиях «факт» и «fact»: истина/truth, действительность/actuality, событие/event, знание/knowledge, а также совпадение четырех корреляций и ряда межсемных ассоциаций, указанных выше. Данное наблюдение позволяет вывести общую дефиницию понятия «факт». Так, факт – это истина, то есть событие или знание, соответствующие объективной реальности, языковой презентацией которого является предложение. Указанные связи представляют собой основу для выявления признаков факта и являются одним из факторов влияния на процесс фактообразования. То, что анализ выявит различия в русской и английской понятийных сферах, было предсказуемо, поскольку нельзя исключать национальное своеобразие концептов, отражающееся в несовпадении понятийных сфер. Однако нашей задачей было выявить их сходства как основание универсальности понятия «факт», и незначительные лингвокультурные различия не представляются для него релевантными. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что в контексте фактуализации правомерно рассматривать «факт» и «fact» как равноправные понятия без акцента на их семантических различиях, которые не являются принципиально важными для нашего исследования.

Список литературы

1. Вилюман В.Г. Английская синонимика: Введение в теорию синонимии и методику изучения синонимов. / В. Г. Вилюман. М.: Высш. школа, 1980. 128 с.
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000 [Электронный ресурс] URL: <http://www.efremova.info> (дата обращения: 25.03.2018).
3. Пром Н.А. Ассоциативное поле концепта «факт» // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. Киров: Научно-редакционная группа «Университет-Плюс». 2018. № 3 (12). С. 70-74.
4. Прохоров А.М. Советский энциклопедический словарь М.: Советская энциклопедия, 1988. 1600 с.
5. Рудакова А.В. Быт // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 1. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 20-42.

УДК 81'33.2 ; 659:124.5;

Саморукова Я. А. Ценностные установки и языковые средства их выражения в телевизионной рекламе детских товаров и продуктов питания

Саморукова Яна Александровна

Канд. филол. наук, ст. преподаватель
кафедры русского языка как
инострannого и методики его преподавания
Санкт-Петербургский государственный университет
РФ, г. Санкт-Петербург, yana_8@mail.ru

Values and language means of their expression in television advertising of children's goods and food

Samorukova Yana Alexandrovna

Candidate of Philological Science, senior lecturer of
Department of Russian as a foreign language and methods of teaching
St. Petersburg state University, Russia, St. Petersburg

Аннотация. Статья посвящена проблеме исследования ценностных установок, заложенных в телевизионной рекламе продуктов питания/товаров для детей, и анализу языковых средств, выражающих эти установки. Ценностные установки телевизионной рекламы были описаны в соответствии с концепцией, предложенной американским ученым А. Маслоу в работе «Мотивация и личность». Особое внимание уделено анализу языковых средств выражения ценностных уровней рекламы.

Ключевые слова: ценностные установки, реклама, языковые средства, А. Маслоу

Abstract. The article is devoted to the problem of studying the value attitudes inherent in the television advertising of food/goods for children, and the analysis of language means expressing these attitudes. The value levels of television advertising were described in accordance with the concept proposed by the American scientist Maslow in the work "Motivation and personality". Special attention is paid to the analysis of linguistic means of expression of value levels of advertising

Keywords: values, advertising, language, A. Maslow

Статья посвящена проблеме исследования ценностных установок (ориентаций), заложенных в рекламе, и анализу языковых средств, выражающих эти установки. Проблема ценностных ориентаций активно изучается философией, социологией, психологией, педагогикой и другими науками, в связи с чем в настоящее время существует множество определений данного понятия. Под ценностными ориентациями понимается «комплекс духовных детерминант деятельности людей или отдельного человека, а также соответствующих им социально-психологических образований, которые интерпретируются в положительном ракурсе их значений» [6,с.74]. Некоторые исследователи подчеркивают связь ценностной реальности и определенной культурной парадигмы, в рамках которой и формируется ценностная сфера. Феномен ценностных ориентаций рассматривается в этом случае как «порождение живого и многопланового культурного процесса, реальность которого составляет человеческая деятельность» [1,с.139].

Как известно, ценностные установки трансформируются – на фоне разрушения старых, утрачивающих свой ценностный статус, появляются новые, а «бывшие на периферии выходят в ранг приоритетных, при этом обнаруживается мнимость многих из них. В настоящее время система ценностных ориентаций подвергается сильным изменениям»[8,с.5]. Реклама играет важную роль в этом процессе: она не только транслирует национально-культурную специфику (рекламный образ Coca-Cola прочно связан в сознании многих людей с традицией празднования Рождества в Америке), но и активно воздействует на процесс зарождения новых ценностных представлений[7, с.62]. Так, например, сформированная рекламой установка на потребление,

проявляется в настоящее время и в том, что потенциальный покупатель ощущает реальную потребность не столько в новом товаре и его функциональных возможностях, сколько в переживании эмоций, чувств и ощущений, которые можно испытать в результате покупки этого товара [2,с.114]. Этот феномен достаточно подробно рассмотрен в работе А. Маслоу под названием «патология удовлетворения». «Удовлетворение базовых потребностей, - отмечает ученый - может повлечь за собой скуку, чувство утраты цели, неверие в установленный порядок<...>человек лишь тогда функционирует должным образом, когда стремится заполнить недостающее<...> Удовлетворение потребностей само по себе еще не служит гарантией счастья и чувства удовольствия» [4,с.9].

В свете сказанного интересно проанализировать ценностные установки, заложенные в телевизионной рекламе, и языковые средства их выражения. В соответствии с предложенной А. Маслоу в книге «Теория и мотивация личности» иерархией или системой ценностей был проведен анализ ценностных установок, реализуемых в отечественной телевизионной рекламе. «Система сущностных человеческих ценностей» А. Маслоу включает в себя базовые потребности, которые «целиком уходят в природу человека» и связаны с удовлетворением физиологических потребностей (в воздухе, еде, воде и достаточном количестве сна), а также высшие ценности (метапотребности), связанные с такими понятиями как «личностный рост», «поиск себя и своего места в мире», «потребность в совершенстве»[4,с.6]. «Maslow posited a hierarchy of human needs based on two groupings: deficiency needs and growth needs. Within the deficiency needs, each lower need must be met before moving to the next higher level. Once each of these needs has been satisfied, if at some future time a deficiency is detected, the individual will act to remove the deficiency» [9]. Иерархия ценностей, разработанная Маслоу и дополненная его учениками, выглядит следующим образом:

- 1) Physiological: hunger, thirst, bodily comforts, etc.;
- 2) Safety/security: out of danger;

- 3) Belongingness and Love: affiliate with others, be accepted;
- 4) Esteem: to achieve, be competent, gain approval and recognition.
- 5) Cognitive: to know, to understand, and explore;
- 6) Aesthetic: symmetry, order, and beauty;
- 7) Self-actualization: to find self-fulfillment and realize one's potential; and
- 8) Self-transcendence: to connect to something beyond the ego or to help others find self-fulfillment and realize their potential»

В соответствии с концепцией А. Маслоу ценностные уровни в настоящей работе рассматриваются на материале современной телевизионной рекламы детских товаров и продуктов питания. Данный вид рекламы является наименее изученным, однако представляет определенный интерес, так как отображает стремительно меняющийся социальный статус детства, связанный с появлением «у представителей молодого поколения новых универсальных способностей (теоретического сознания и мышления) и деятельностного отношения к миру [5.с.6]. Кроме того, стремительно возрастает объем рекламируемых товаров и продуктов для детей в связи с принятием нового закона о рекламе, который позволяет показывать рекламу на детских телеканалах. Адресатом данной рекламы являются как дети младшего возраста, так и взрослая аудитория (родители). Материалом для анализа послужили телевизионные рекламные ролики, представленные на каналах для детей: Карусель, Мульт, Disney. Следует отметить, что реклама детских товаров/продуктов отличается адресной установкой. Так, реклама детского питания, лекарств, одноразовых подгузников, средств ухода за кожей ориентирована исключительно на взрослую аудиторию. Детям дошкольного и младшего школьного возраста адресована главным образом реклама игрушек. Реклама развивающих игр, йогуртов, сока, молочного шоколада ориентирована в равной степени на детей и взрослых. В статье рассматривается телереклама товаров и продуктов питания, предназначенных для детей первого года жизни, дошкольного и младшего школьного возраста.

На материале рекламы товаров и продуктов питания для новорожденных

были обнаружены следующие ценностные уровни. Первый (базовый уровень ценностей) связан с удовлетворением физиологических потребностей : необходимость в воздухе, еде, воде и т.д. В отобранных телевизионных роликах данный уровень в основном связан с рекламой детского питания. На лексическом уровне представлен лексико-тематической группой (ЛТГ) «Продукты», при этом она делится на подгруппы по типу происхождения: «Овощи», «Фрукты», «Молочные продукты», «Каши». Данная ЛТГ репрезентируется с помощью существительных, которые являются номинациями рекламируемых продуктов (*гречка, творожок, йогурты, яблочко*). ЛТГ «Продукты» представлена отношениями синонимии и антонимии: синонимический ряд лексем со значением «полезные продукты» противопоставлен ряду лексем со значением «вредные пищевые добавки», к которым относятся соль, сахар, консерванты, красители, крахмал: *без соли, сахара, крахмала и консервантов* (реклама детского питания «Агуша»).

Данная ЛТГ реализуется также с помощью прилагательных со значением «высокое качество», которые оценивают и характеризуют рекламируемые продукты: *натуральное пюре, отборные фрукты и овощи, высокое качество, сбалансированное питание* (реклама детского питания Гербер), *натуральный экстракт мяты, мягкий вкус, вкусное и полезное, натуральные йогурты, живая закваска, здоровое детское питание, комфортное пищеварение* (реклама детского питания «Агуша»), *отборная гречка, спелое яблочко* (торговая марка «Тема»).

Отметим высокую частотность диминутивов (форм с уменьшительно-ласкательным суффиксом) – *творожок, яблочко, животик*.

Следующий ценностный уровень в соответствии с иерархией потребностей А. Маслоу связан с потребностью в безопасности. Понятие безопасности трактуется в словаре Ожегова как отсутствие/предотвращение опасности. В рекламе детских товаров/услуг данная потребность рассматривается как отсутствие опасности для здоровья ребенка, а также как способ сохранения и укрепления здоровья. Представлена ЛТГ «Лекарства» и

«Средства по уходу за новорожденным» (одноразовые подгузники, пеленки, средства по уходу за кожей ребенка) - нежный уход за кожей, здоровая кожа (реклама Johnson baby), здоровый рост, спокойный сон; гриппферон – **безопасен** для будущих мам и малышек»; анаферон – **защитит** ребенка в холодный сезон простуд и гриппа; виброцил – **бережная забота** о дыхании; тенотен детский. Ребенок **спокоен** – развиваться настроен; Синекод. Кашель прочь – **спокойней** ночь.

ЛТГ «Лекарства» представлена на морфологическом уровне в равной степени существительными (номинации лекарства и состояния ребенка), глаголами и прилагательными – безопасен, защитит, бережная забота, чувствовать себя в безопасности, спокойный, здоровый спокоен. Данный уровень представлен также ЛТГ «Продукты, укрепляющие здоровье»: чтобы животик работал, как часы; творожок агуша засыпайка поможет настроиться малышу на здоровый сон; укрепляйте детский иммунитет с помощью имунеле!

На уровне синтаксиса и композиционной организации рекламного текста можно говорить о следующих особенностях: использование конструкций со значением нереализованного условия – **я могла бы** стать Тореодором и усмирять быков, но я выбрала работу полегче: растить здоровым своего малыша (реклама йогуртов Агуша). В данном случае процесс воспитания ребенка сравнивается с тяжелой и опасной работой. Кроме того, обращают на себя внимание сравнительные обороты - чтобы животик работал, как часы (реклама йогуртов «Агуша»), в безопасности, как в животике у мамы (реклама Pampers): Пеленание помогает ему чувствовать себя в безопасности, как в животике у мамы. Глагол «чувствовать» используется в форме инфинитива, в данном контексте глагол несовершенного вида имеет актуально-длительное значение. Выражение с помощью сравнительного оборота переводит режим повествования с точки зрения взрослого на точку зрения ребенка (в животике – ум.-ласк. суф). Можно говорить о явлении несобственно-авторской речи в данном случае (в речь взрослого говорящего вторгается голос ребенка), так происходит реализация интенции рекламного текста: сам ребенок выбирает

подгузники, потому что в них сейчас и всегда он чувствует себя в безопасности.

Следующий ценностный уровень в системе А. Маслоу связан с потребностью в любви, принадлежности семье, социальной группе. Примечательно, что данная ценностная категория реализуется через неравнозначные понятия: *моя любовь и иогурты агуша; гербер – мамина любовь в каждой ложке*; Категория семьи в обществе обладает высокой ценностью, что в свою очередь наделяет ценностными смыслами и рекламируемые продукты.

Интересно, что философское осмысления сущности детства обычно происходит через анализ бинарной оппозиции взрослые/дети. Однако в рекламе товаров/продуктов, предназначенных малышам до года, мы видим демонстрацию единения приоритетов / ценностей мамы и ребенка (*здоровый малыш – счастливая мама, мама насморка боится – риномарис пригодится*) и наоборот: обнаруживается противопоставление ценностных установок папы и ребенка : *-Без сахара , без соли, овощи и вода. Как ты это ешь?* – адресует папа свой вопрос довольному малышу. Интересно, что появление в сюжетном действии рекламы фигуры отца маркирует идею гендерного различия, что на языковом уровне отражается в виде трансформации прецедентного феномена (языковой игры): *Есть жизнь после брокколи; Степа – это брокколи. Брокколи – это Степа. Степа и брокколи – друзья. А друзей принимают такими, какие они есть : без сахара и без соли. Утверждается ценность иного мировосприятия - папы, в результате интересно проследить процесс изменения рекламного слогана: первоначальный - «Фрутоняня – в помощь маме» - изменился на «Фрутоняня - в помощь маме. И папе».*

В анализируемых рекламных текстах активно используются следующие средства выразительности:

- Олицетворение (*«творожок Агуша – засыпайка желает вам спокойной ночи», «Жили – были фрукты и однажды узнали они, что в соседнем лесу живут ягоды».*

-Метафоры (*«Гербер – мамина любовь в каждой ложке», «имунеле –*

вкусно моему иммунитету», Huggies – супердышащие подгузники).

Реклама товаров и продуктов для детей первого года жизни (т.е. ориентированная на взрослую аудиторию) отличается от рекламы товаров/продуктов для детей дошкольного возраста на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровне. На лексическом уровне эти изменения связаны главным образом с англоязычными заимствованиями, которые фиксируются в т.ч. и графически: - *«Новый бластер от MURF», игрушки Husboro, игровые наборы от Fisher price.* Обилие эпитетов: *невероятный, совершенный, захватывающий, нереальный, фантастический.* Интересно, что названия торговых марок, продукция которых предназначена для детей первого года жизни, представлены в основном русскоязычной лексикой: *Тема, фрутоняня, агуша, Малютка.*

Реклама товаров/продуктов для детей младшего дошкольного возраста эксплицирует ценность основного вида деятельности ребенка этого возраста – игры. При этом игровая деятельность, направленная на развитие творческих и интеллектуальных способностей ребенка, противопоставляется деятельности развлекательного характера. В рекламных текстах первого вида, адресованных в том числе и взрослой аудитории, преобладают глаголы лексико-семантической группы знания (*знать, учить*): - *А эта буква? - А я! Я же знаю!* (реклама магнитной азбуки «Маша и медведь»);

Северная ягода: почему морс северная ягода так изменился? Жили-были фрукты. И как-то они узнали, что в лесу живут ягоды и решили он и познакомиться (реклама сока «Фруктовый сад»);

-Какая грива! Моя маленькая львица. - Мам, грива бывает только у львов.- Откуда ты это знаешь? - Узнал, когда играл! (Реклама игры - Животные дикой природы);

С коллекцией «моя азбука «маша и медведь» можно выучить алфавит играя! Любимые истории и магниты помогут легко запомнить буквы и научиться их писать. («Моя азбука «Маша и медведь»)

- Вы мальчика тут не видели?- Овец считает! Ещё школа не началась, а

ты уже такой умный!- В папу?- в смартфон!- Поехали домой, смартфон, учиться. (Реклама МегаФон - Умный в смартфон)

*Древние мая радовались, когда было солнце и расстраивались, когда его не было. Но однажды они **научились** собирать солнце и построили солнцевыжималку* (Реклама Сок J7).

Следовательно, можно сделать вывод, что в анализируемых рекламных текстах представлена ценностная установка общества на раннее развитие ребенка и приобретение знаний. Однако, как отмечает А.В. Костина, в данном случае произошло «смыкание категории ценности с категорией пользы». Наличие образование рассматривается в обществе как полезный навык, способный обеспечивать в будущем ребенку удовлетворение растущих материальных потребностей [3,с.7].

В рекламных роликах, направленных на развлечение, внимание детей предлагаются игрушки, реже продукты (обычно йогурты, шоколад, сок). В рекламных текстах данного типа преобладают глаголы и глагольные формы в составе клишированных выражений, источником которых являются современные, как правило, иностранные мультфильмы: *Смотри! Это же новый йогурт Фруттис с твоими любимыми героями. Они уже **спешат на помощь**. Готовься к подвигам и ты! Любая миссия **выполнима!***. Представлен лексический ряд, отсылающий к образам современных детских мультфильмов («*твои любимые герои*», «*спешат на помощь*», «*готовься к подвигам*»).

Преобладание глагольных форм объясняется стремлением передать динамический характер развивающегося сюжетного действия в рекламе. На синтаксическом уровне преобладают восклицательные предложения. На морфологическом уровне представлено большое количество форм императива в единственном числе, а также просторечная форма со словом *Давай (те)* для имитации ситуации неформального общения с целью сократить дистанцию между ребенком и рекламируемой игрушкой. Высока частотность употребления прилагательного «новый» и глаголов восприятия – «встречай, смотри» -«*Встречай новых героев-трансформеров*», «**новые** лего-наборы»,

«**новый** бластер от Murf», что связано с установкой на воспитание возрастающей потребительской активности у детей - (*Смотри! Это же новый йогурт Фруттис; Встречай новый MacFORMER*). В отличие от рекламы товаров для новорожденных, содержащих диминутивы, в рекламных текстах, адресованных детям дошкольного возраста, слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами используются реже, присутствуют неологизмы - *прокачаться* в значении «улучшить /натренировать свои способности», *милота* – в значении «милый, симпатичный». *Прокачаемся с Растушкой, Здрайверов прокачай* – новые знания получай! *Милота* приближается. *Котики от Hasboro*.

Итак, в процессе анализа обнаруженных ценностных установок (на материале рекламы товаров и продуктов питания для детей первого года жизни) в соответствии с иерархией ценностей А. Маслоу были установлены следующие ценностные уровни: удовлетворение базовых потребностей (еда, сон). Данный вид ценностей в основном представлен с помощью ЛТГ «Продукты», были выделены лексические единицы - номинации продуктов со значением (полезные/вредные), а также прилагательные, оценивающие и характеризующие рекламируемые продукты/товары для детей. Кроме того, такие стилистические средства, как эпитеты, метафоры, прием олицетворения активно используются в рекламных роликах для придания выразительности и значимости анализируемой ценностной категории.

Следующий уровень иерархии ценностей А. Маслоу связан с ощущением безопасности. В анализируемой рекламе соотносится с идеей сохранения и укрепления здоровья, реализуется через ЛТГ «Лекарственные средства», «Средства по уходу за малышом», а также с помощью средств синтаксиса и композиции.

Важной ценностной категорией в рекламе товаров для малышей первого года жизни предстает категория семьи (в соответствии с иерархией потребностей А. Маслоу этот уровень связан с потребностью в любви и принадлежности определенной группе). В анализируемых рекламных роликах

было установлено единений ценностей мамы и ребенка первого года жизни (*здоровый малыш – счастливая мама; мамина любовь в каждой ложке; моя любовь и йогурты «Агуша», мой любимый «Тема»*). Появление образа папы в сюжете рекламного ролика маркирует иную систему ценностей, противоположную ценностной сфере ребенка, что, как правило, сопровождается трансформацией используемого в рекламе прецедентного феномена. За счет этой трансформации происходит взаимодействие ценностных установок папы и ребенка. Таким образом, реализация идеи ценности семьи происходит, в том числе и с помощью гендерной оппозиции, которая репрезентируется на уровне лексических единиц.

Была также выявлена установка на познавательную активность (соответствует 5 уровню иерархии ценностей А.Маслоу), связанная с возрастающим запросом в обществе на раннее развитие и образование ребенка, которое рассматривается как некий залог будущего материального благополучия, что на языковом уровне репрезентируется глаголами со значением мышления. Морфологический и синтаксический уровень отличаются в рекламном тексте, адресованном родителям новорожденных детей и детям дошкольного возраста. В рекламе, рассчитанной на детей дошкольного возраста, преобладают формы императива ед.ч. с целью сокращения дистанции между адресатом и рекламой. Анализ морфологического уровня рекламных текстов демонстрирует высокую частотность глагольных форм, поскольку они обладают функцией воздействия и отражают динамичный характер сюжета. На синтаксическом уровне представлены простые по структуре предложения, эмоционально окрашенные (восклицательные), что облегчает детям восприятие звучащего текста. В рекламе товаров/продуктов для новорожденных (соответственно ориентированных на взрослых) чаще встречаются сложные предложения.

В рекламе, ориентированной на детей дошкольного возраста, была обнаружена ценностная установка – развлечения (отсутствует в иерархии ценностей А.Маслоу). Кроме того, ценностная категория «Семья» заменяется

на категорию «Друзья» (*собери с друзьями, собери друзей*). Было обнаружено большое количество англоязычных включений, в т.ч. и на графическом уровне, много цитат, образов и их номинаций (Полиробокер, Бамбели, роботы-трансформеры, герои-спасатели) из современных иностранных мультфильмов, в качестве отечественного источника цитирования предстает единственный мультфильм «Маша и медведь», получивший признание на Западе. Кроме того, в данной рекламе присутствует установка на возрастающий уровень потребления, что на морфологическом уровне реализуется через преобладание глаголов со значением визуального восприятия и частым употреблением прилагательного «новый». Таким образом, можно предположить, что реклама, предназначенная детям дошкольного возраста, транслирует в основном систему ценностей, чуждую отечественной национально-культурной традиции.

Однако реклама детских/товаров и продуктов питания, адресованная взрослым, отражает в большей степени ценности отечественной культурной парадигмы – номинации торговых марок детского питания представлены в основном русскоязычной лексикой (*Агуша, Тема, Фрутоняня*). Реклама детской смеси *Малютка* содержит установку на преемственность поколений. Итак, в соответствии с предложенной А. Маслоу пирамидой ценностей было обнаружено, что в рекламе товаров/продуктов питания для детей реализуются не только базовые потребительские ценности (потребность, в питании, здоровье, любви), но и запрос на раннее развитие ребенка и получение хорошего образования в будущем. При этом был установлен ценностный уровень – развлечения, отсутствующий в иерархии ценностей А. Маслоу.

Список литературы

1. Александров В.Б. От общечеловеческих ценностей к межкультурной ценностной реальности //Управленческое консультирование. 2016.№7.
2. Зайцева А.Ф. Рекламные коммуникации в системе эстетических ценностей современного поколения// Вестник Московского государственного университета культуры и искусств.2015, №1 (63).
3. Костина А.В. Реклама как фактор формирования аксиологического пространства// Культурологический журнал, 2012, 1 (7).

4. Маслоу А. Мотивация и личность/А.Н. Maslow. Motivation and Personality(2nd ed.) N.Y., 1970.Перевод А.М. Татлыбаевой, СПб,1999.
5. Попкова Т.Н.Мир детства как философская проблема. Автореферат на соискание степени кандидата философск.наук.Пермь, 2005.
6. Тарасьян Н. А. Проблема ценностной сферы личности в психологии и социологии//Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.2016. №.1 (8).
7. Украинская Е.В., Украинский В. Н. Влияние телевизионной рекламы на общественные ценности. Информационная безопасность регионов. 2016.№1(22).
8. Хабибова Н.Е. Философский анализ понятия «ценностные ориентации»: онтологический и гносеологический аспекты/ Автореферат .... Канд.философских наук. Уфа, 2004.
9. Huitt W. (2007). Maslow's hierarchy of needs. Educational Psychology Interactive. Valdosta, GA: Valdosta State University. <http://www.edpsycinteractive.org/topics/regsys/maslow.html>

УДК 37.022

**Тырхеева Н.С. Лингводидактический потенциал
информационно-коммуникативных технологий
(на примере инфографики) в формировании иноязычной
профессиональной компетентности студентов**

Тырхеева Надежда Сергеевна

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры французского языка
Санкт-Петербургский государственный университет
РФ, г. Санкт-Петербург, tyrkheevans@gmail.com

**Organizational-methodical features of infographics in the training of
high school students**

Tyrkheeva Nadezhda Sergeevna

Cand. Sci (Pedagogy), assistant professor
of French department
Saint-Petersburg State University
Russia, Saint-Petersburg

Аннотация. В статье рассмотрена возможность использования инфографики, как медиатекста особого рода, в технологии обучения иноязычному профессионально-ориентированному общению. Автор показывает, что в условиях «информационного взрыва» и развития визуальных форм предъявления информации современной журналистикой современный человек, особенно молодежь, воспринимает информацию визуально. Автор дает определение инфографики и выделяет следующие лингводидактические особенности новой разновидности учебного текста: репрезентативность и доступность, функциональность и целенаправленность, аффективность восприятия и эстетическая привлекательность,

и предлагает систему упражнений с использованием инфографики на занятиях по французскому языку, направленных на развитие профессионально-ориентированного дискурса на примере темы «Терроризм».

Ключевые слова: инфографика, визуальное мышление, профессионально-ориентированное обучение, речевые умения, учебные стратегии.

Abstract. The given article is devoted to some peculiarities of using infographics in the training of high school students. Therefore we attempt to bring out the definition of infographic and its main organizational-methodical features: representativity and comprehensibility, integrity and motivation, affectivity and attractive design. The task is to make out the system of teaching exercises for mastering professional communication competence in a foreign language. Particular attention is paid to the development of information processing skills and visual thinking. The article presents examples of the task aimed to develop professional communication in French in the context of the topic "Terrorism"

Key words: infographics, professional communication in a foreign language, visual thinking, speaking skills, learning strategies.

Современное общество претерпевает кардинальные изменения, вызванные «информационным взрывом», которые характеризуются двумя противоречивыми тенденциями: с одной стороны, возрастание информационной активности вследствие нарастания мощи информационно-коммуникативных технологий, и поиск эффективных стратегий восприятия этого увеличенного объема информации в условиях ограниченного времени, с другой. Отвечая на этот вызов, современная журналистика, основанная на инновационных технологиях и высокоинтеллектуальном труде, предлагает новые формы предъявления информации, основанные на визуальной коммуникации. Как справедливо отмечают В.А. Храпова, Я.М. Земцова, «возрастающая роль телекоммуникационных, цифровых, медийных средств трансляции информации привела к усилению роли изображений в жизни современных людей. Определяя специфику современной социальной коммуникации, визуальные образы задают особые принципы восприятия, трансляции и интерпретации информации, оказывая существенное влияние на развитие мыслительных процессов, познавательные стратегии, мировоззрение, организацию социальной реальности» [4, с. 126]. Принимая во внимание глубину воздействия процессов коммуникации на индивида, необходимо

отметить, что развитие визуальной журналистики влечет распространение визуальной культуры, которая меняет восприятие и мышление современного человека, в первую очередь молодежи. Иначе говоря, «язык образов идет на смену словесному языку» [1, с.115].

Тот факт, что информационная графика, как развитый вид газетной публикации, широко используется ведущими французскими изданиями (Le Monde, Le Figaro, L'Express и др.) не может остаться вне поля интереса преподавателя иностранного языка, который активно использует тексты общественно-политической прессы, составляющие неотъемлемую часть культуры страны изучаемого языка. К тому же согласно последним данным психологических исследований, «из текстовых инструкций человек усваивает лишь 70% информации, а если в инструкцию добавить картинки, то результат достигает 95 %» [2, с.60].

Целью настоящей публикации является описание лингводидактического потенциала инфографики как одной из разновидностей медиатекста и разработка системы упражнений с использованием инфографики на занятиях по французскому языку в условиях профессионально-ориентированного обучения.

Анализ последних работ исследователей в области визуальной коммуникации (О.А. Кондратенко, Т.В. Соловьева, Е.М. Тихонова и др.) позволил вывести следующее рабочее определение **инфографики**: *это медиатекст особого рода, представляющий информацию в вербальной и невербальной форме, достигающий информационной емкости за счет применения принципов концентрации и генерализации знаний, формирующий аффективное восприятие информации при апелляции к образному мышлению, которое априори создает субъективные и оценочные связи .*

Изучение структурно - содержательного поля инфографической модели в общем виде позволило нам вывести следующие лингводидактические характеристики: 1) репрезентативность и доступность, 2) функциональность и целенаправленность, 3) аффективность восприятия и эстетическая

привлекательность.

1. Репрезентативность и доступность

Традиционно применяемый принцип наглядности получает очередной виток развития с внедрением инфографики в жанровое разнообразие учебных текстов. Инфографическая модель, как новый тип наглядности, характеризуется наличием конкретной ситуации, взятой в рамках актуальной масштабной проблемы. Репрезентативность инфографии достигается за счет ее функции визуализации, под которой понимается «свертывание достаточно большого объема информации в один графический образ с помощью различных способов «сжатия», то есть представления в компактном, удобном для использования виде» [3, с.77]. Таким образом в силу высокой концентрации информации, инфографика многопланово и многоаспектно представляет документальный факт, алгоритм, устанавливает пространственно-временные отношения, динамические связи между явлениями. Доступность восприятия информации обеспечивается в содержательном плане доминированием визуальных источников (графических схем, иллюстраций) над вербальными, а в структурном плане – наглядным композиционным построением.

2. Функциональность и целенаправленность

Инфографическая модель как визуальный источник информации позволяет представить большой объем материала по проблеме, который будет воспринят учащимся в короткий промежуток времени. Очевидно, что восприятие информации в виде строго структурированных визуальных образов, несущих документальные факты, статистические данные, динамические процессы способствует оптимизации процесса обучения за счет построения процесса обучения на принципах когнитивного познания и рефлексии. В практическом плане функциональность инфографики обусловлена богатым спектром лингводидактических технологий, которые включают упражнения репродуктивного и продуктивного характера по изучаемой проблематике, при этом без продолжительного прочтения публицистического текста.

С другой стороны, инфографика выступает полноценным продуктом

современной журналистики и, следовательно, имеет первостепенной целью воздействие на аудиторию, что определяет другую характеристику: работа с текстом СМИ подразумевает включение упражнений по аналитико-синтетической деятельности, создание учебных ситуаций профессионально-ориентированного общения, где студент выступает в качестве аналитика информационных ресурсов.

3. Аффективность восприятия и эстетическая привлекательность

Смысловой образ, как основа инфографики, допускает множественность интерпретации содержания, что представляет богатый лингводидактический потенциал для развития личностно-значимого высказывания со своим логическим построением и выводами.

Рассмотрим лингводидактические характеристики инфографики на примере темы «Терроризм». Первая инфографика, под названием «*Attentats à Paris : le film des événements*» [3] была опубликована 17 ноября 2015 изданием France info сразу после трагических событий в Париже. Ясная композиция и структурность компонентов позволяют восстановить хронологию тех событий с указанием точного времени и места, имен террористов. Вторая инфографика [2], опубликованная 29 мая 2018 года изданием Le Monde, позволяет обсудить данную тему с аналитической точки зрения, поскольку проблематика представлена двумя зонами конфликта (Франция и зона Сирии и Ирака), что позволяет провести анализ механизмов скрытых за динамикой наблюдаемых явлений, построить корреляционные связи, установить зависимость

В методическом плане система упражнений с опорой на инфографику может иметь место на любом уровне обучения (от А1 до С2) и основываться на упражнениях тех, что направлены на формирование лексико-грамматических навыков до развития умений профессионально-ориентированного дискурса в рамках заданной ситуации общения или проблемной ситуации. На примере выше обозначенных инфографик представим следующие виды упражнений.

1. Упражнения, направленные на формирование и развитие лексико-грамматических навыков:

a) *Apprenez le vocabulaire concernant le sujet du terrorisme. Faites- les entrer dans les phrases en vous servant de l'information des infographies 1 et 2*

Infographie 1 : un homme armé, une ceinture explosive , une explosion, un kamikaze, une victime, un mort, armé de kalachnikov, une fiche S ; un fiché S, une fusillade, un assaillant, un terroriste, se déclencher, se faire sauter, un blessé , un complice, participer à l'attentat, une fuite.

Infographie 2 : un attentat abouti / échoué / déjoué ; un djihadiste, frapper, une frappe, une revendication, des armes blanches, des armes à feu, un véhicule-bélier.

b) *Donnez la définition des mots liés au sujet du terrorisme , utilisez les infographies 1 et 2 pour les mieux comprendre : un fiché S, un assaillant, un complice, etc.*

c) *Analysez les infographies 1 et 2 , trouvez les mots concernant les champs lexicaux suivants : terroristes ; victimes ; armes ; lieux d'attentats.*

d) *Consultez l'infographie 1, puis reconstituez la chronologie des attentats survenus le 13 novembre 2015 à Paris , parlez en détails des actions de trois équipes terroristes.*

e) *Préparez 5 questions sur les attentats à Paris*

2. Упражнения на формирование и развитие навыков подготовленной монологической речи

a) *Consultez les infographies 1 et 2, définissez le sujet et la problématique de chacune d'elles.*

b) *Parlez des attentats survenus à Paris le 13 novembre 2015.*

c) *Analysez l'infographie de Le Monde et répondez à la question : Quels sont des liens logiques entre les attentats en France et les actions de la France et de ses alliés dans la zone irako-syrienne.*

Приведенные примеры, хотя и немногочисленны, но достаточно ясно

показывают возможности применения инфографики на занятиях по иностранному языку.

Таким образом, использование лингводидактического потенциала информационных графиков позволяет, по нашему мнению, успешно реализовать основные принципы профессионально-ориентированного обучения, среди которых профессионально-ориентированная направленность, развитие рефлексии и реализация личностного потенциала учащегося.

Список литературы

1. Гаряев А.В., Гаряева Т.П. Развитие визуального мышления учащихся средствами ИКТ // Информационные компьютерные технологии в образовании. – 2008. - № 4. – с. 114-122.
2. Крамская Н.В. Инфографика в современном информационном обществе. // Наука в современном информационном обществе: сб.ст. по матер. X междунар. науч.-практ. конф. в 3-х томах.- Научно-издательский центр «Академический», 2016. - С. 60-61.
3. Хакимова Л.Г., Горлицына О.А. Визуализация учебного материала . // Педагогический журнал Башкортостана, 2012. - № 4 (41) – с. 76-84.
4. Храпова В.А., Земцова Я.М. О визуальном мышлении.// Грани познания, 2015. - № 8 (42) . – с. 126-129.
5. 2013-2018, la radiographie du terrorisme « made in France » // Le Monde. – 2018. – 29 марта. [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://s1.lemde.fr/assets-redaction/pdf/radiographie_du_terrorisme_made_in_France.pdf (дата обращения 05.11.2018).
6. INFOGRAPHIE. Attentats à Paris : le film des événements // [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.francetvinfo.fr/faits-divers/terrorisme/attaques-du-13-novembre-a-paris/enquete-sur-les-attentats-de-paris/infographie-attentats-a-paris-le-film-des-evenements_1178753.html (дата обращения 05.11.2018)

УДК 81.22

Хачмафова З. Р., Володина О. В. Интертекстуальность как стилеобразующая категория женского медиатекста

Хачмафова Зайнета Руслановна

доктор филологических наук, профессор, зав.каф.немецкой филологии
Адыгейского государственного университета, zaineta@nextmail.ru

Володина Ольга Викторовна

доцент кафедры «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Ростовского
Государственного Экономического Университета (РИНХ)
sirotinetsov@rambler.ru

Intertextuality as a style-forming category of the female media text

Khachmafova Zajneta Ruslanovna

Doctor of Philology, Head of the Department of the German Philology
Adyghe State University

Volodina Olga Viktorovna

Assistant Professor of Linguistics and Intercultural Communication Department, Rostov
State University of Economics (RINH)

Аннотация. В статье анализируются языковые особенности реализации категории интертекстуальности в женских медийных текстах, раскрывается их значение для описания женской языковой личности в современном медиадискурсе на русском и немецком языках. Описываются языковые способы реализации категории интертекстуальности в женских медийных текстах – реминисценции и аллюзии, а также их функции для описания женской языковой личности. Интертекстуальные включения представляют собой когнитивно-прагматический потенциал в формировании доминантных смыслов женского медиатекста, объективируют женскую языковую картину мира в медиадискурсе. Установлено, что интертекстуальность представляет собой маркер лингвокреативности мышления женской языковой личности.

Ключевые слова: интертекстуальность, медийный дискурс, медиатекст, женская языковая личность, реминисценции, аллюзии.

Abstract. The article analyzes the linguistic features of the intertextuality represented in female media texts, reveals their meaning for the description of the female language personality in the modern Russian and German media discourse. Linguistic ways of implementing the category of intertextuality in female media texts - reminiscences and allusions, as well as their functions for describing a female language personality are described. Intertextual inclusions represent a cognitive-pragmatic potential in forming the dominant meanings of the female media text, objectify the female language picture of the world in the media discourse. It is stated that intertextuality is a marker of a female language personality's thinking linguocreativity.

Key words: intertextuality, media discourse, media text, female language personality, reminiscences, allusions.

Цель данной статьи заключается в изучении особенностей реализации категории интертекстуальности в современных медиатекстах, анализе функций реминисценций и аллюзий, их значения для описания женской языковой личности. Для достижения данной цели были использованы научные методы: метод лингвистического наблюдения и описания и метод контекстуального анализа. Материалом исследования послужили тексты авторов женщин, извлеченные из популярных Интернет-изданий журналов «Форбс» и «Stern» на русском и немецком языках, а также информационного Интернет-ресурса «Голос Америки».

В рамках данного исследования женскую языковую личность мы рассматриваем как коммуникативную модель женской личности, состоящую из трех уровней: вербально-семантического, лингвокогнитивного и мотивационно-прагматического (по Ю.Н. Караулову). Основные параметры языковой личности женщины в современном медиадискурсе определяются гендерным фактором и проявляются в языке «на вербально-семантическом уровне языка; в сфере когнитивных феноменов, представленных понятиями, концептами и стереотипами, складывающимися в гендерную картину мира; на прагматическом уровне, включающей цели, мотивы, интересы, установки и интенции» [12].

Отметим, что женская языковая личность в современном медиадискурсе репрезентирует существующие в массовом сознании гендерные стереотипы и нормы, доминантные смыслы современного массмедиаального информационного пространства. Анализ практического материала показал, что женские медийные тексты ориентированы, прежде всего, на массовую женскую аудиторию, репрезентируя образ современной женщины.

В рамках исследования медиадискурс мы понимаем вслед за М.Р. Желтухиной как «устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в

социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов» [3, с. 132].

Исследование категории интертекстуальности в теории языка предполагает изучение ассоциаций, возникающих у читателя в процессе узнавания в исходном тексте следов других текстов. Анализ научной литературы по проблеме интертекстуальности показал, что данное понятие трактуется по-разному: «1) как универсум текстов, в котором каждый последующий текст базируется на предыдущих, то есть как некая глобальная интертекстуальность; 2) зависимость одного текста от других текстов, обладающих одинаковыми или похожими признаками и функциями; 3) критерий текстуальности; 4) текстоорганизующий фактор; 5) конкретная актуализация глобально понимаемого интертекста и др.» [13, с. 262].

Следует отметить, что интертекстуальность является стилеобразующей категорией не только для художественных текстов, но и для научных, публицистических, массмедийных дискурсов, а также является свойством рекламы, телевидения и Интернета. Это свидетельствует о том, что «интертекстуальность – это своего рода универсальный семиотический закон» [9, с. 11].

Любой текст, устный или письменный, представляет собой результат накопления и трансформации других текстов. Как справедливо отметил Ю.М. Лотман, текст «вообще не существует сам по себе, он неизбежно включается в какой-либо (исторически реальный или условный) контекст. Та историко-культурная реальность, которую мы называем “художественное произведение”, не исчерпывается текстом. Восприятие текста, оторванного от внетекстового “фона”, невозможно. Даже в тех случаях, когда для нас такого фона не существует (например, восприятие отдельного памятника совершенно чуждой, неизвестной нам культуры), мы на самом деле антиисторично проектируем текст на фон наших современных представлений, в отношении которой текст становится произведением» [7, с. 213].

Понятие «интертекстуальность» тесно связано с понятием «диалогизм»

М.М. Бахтина, которое часто воспринимается как вариант диалогизма. Известная французская исследовательница Юлия Кристева, расширив понятие диалогичности М.М. Бахтина, впервые использует понятие «интертекстуальность» в своей работе «Бахтин, слово, диалог и роман» (1967г.). Интертекстуальность является сутью концепции, в которой слово рассматривается не как устойчивый смысл, а как «место пересечения текстовых плоскостей, как диалог различных видов письма – самого писателя, получателя (или персонажа) и, наконец, письма, образованного нынешним и предшествующим культурным контекстом» [6, с. 428]. По мнению ученой, текст следует рассматривать как историко-культурную парадигму, поэтому она вводит в научный оборот совершенно новое понятие текста. Согласно данному утверждению, любой текст (интертекст) является «транссемиотичным» феноменом, культурным художественным кодом, который постоянно может трансформироваться.

Под интертекстуальностью мы понимаем «включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменных цитат, аллюзий и реминисценций» [1, с. 346].

Категория интертекстуальности в медиатексте служит важнейшим задачам установления связи с адресатом, передачи авторской оценки и осуществления манипулятивного воздействия на читателя. Таким образом, любой медиатекст и его автор, а в рамках нашего исследования женская языковая личность, оказывают воздействие на массовое сознание.

Н.А. Николина под «интертекстом» понимает «элементы одного текста, посредством которых читатель отсылается к иному тексту» [8, с.226]. Под интертекстом следует понимать «новый текст, возникший в результате использования автором межтекстовых элементов и связей, вводящих в культурное пространство нового текста всю совокупность отразившихся в нем предыдущих текстов. Эти тексты, являясь отражением предыдущей культуры, попадая в новый историко-культурный контекст, подвергаются деформации,

становясь источниками смысловой новизны» [11, с.197].

В современном женском медийном дискурсе основными языковыми способами реализации категории интертекстуальности были рассмотрены аллюзии, цитаты, реминисценции, которые выполняют в медиатексте определенные функции: описание социально-исторической ситуации, намек на качество и характеристики определенной личности. Аллюзия рассматривается как прецедентный текст, прецедентные имена, прецедентная ситуация. Цитация, прежде всего, это прецедентные высказывания. Реминисценция включает в себя прецедентные тексты, прецедентные высказывания.

В данном исследовании прецедентные тексты – это «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие (3), обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности»[5, с.216-217]. Реминисценция представляет собой трансформированный прецедентный текст, который ссылается на более или менее известный претекст.

Рассмотрим пример из статьи журналистки Сильвии Маргарет Штайниц из немецкого журнала «Stern»:

Hillary Clintonist keine Freundin der Frauen - sie ist eine Freundin der Macht (Sylvia Margret Steinitz: Emanzipiert. <https://www.stern.de/panorama/sylvia-margret-steinitz>)

В данном примере используется трансформированная фраза из известного американского музыкального фильма режиссера Говарда Хоукса «Джентльмены предпочитают блондинок» в главной роли с Мэрилин Монро «*sieist eine Freundinder Macht*» вместо «*Diebeste Freundinder Frauensind Diamanten*». В данном контексте выражение «*sieist eine Freundinder Macht*» содержит явную негативную коннотацию.

Как показал проведенный анализ, в женских медиатекстах реминисценции чаще всего представляют трансформации исходного текста.

Цитация понимается как «узואально-стилистический прием, основанный на включении в данный контекст элементов... принадлежащих другому высказыванию...» [2, с.73]. Прямой цитацией Г.Г. Слышкин называет «дословное воспроизведение языковой личностью части текста или всего текста в своем дискурсе в том виде, в котором этот текст (отрывок текста) сохранился в памяти цитирующего» [10, с. 51]. Под квазицитацией понимается текст или часть текста воспроизведенный языковой личностью в умышленно изменённом виде.

Как показал анализ практического материала, цитация в качестве одной из наиболее ярких черт женских медиатекстов наблюдается в заголовках статей. Например:

Великолепный век. Семь профессий для женщин в новой бизнес-среде. (Анна Рудакова. Forbes Contributor FORBES WOMAN. ЖЕНСКАЯ КАРЬЕРА. <http://www.forbes.ru/forbes-woman>).

В данном примере идет ссылка на известный турецкий исторический телесериал сериал «Великолепный век» о расцвете Османской империи.

Также: ***Гордость и предубеждения. Почему женщины редко становятся руководителями в ИТ*** (Екатерина Ким. <http://www.forbes.ru/karera-i-svoe-biznes/366779>).

В данном случае в заголовке статьи цитируется название романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение». Статья посвящена проблеме дискриминации женщин в «мужских» профессиях, о том, что неуверенность и предубеждения мешают женщинам строить карьеру в ИТ- компаниях.

Интерес для данного исследования представляет цитирование, построенное на аллюзии. Например:

Женщины-журналисты: кому в российских СМИ жить хорошо (Виктория Купчинецкая. <https://www.golos-ameriki.ru/a/vk-women-in-the-media-2011-09-19-130137873/245191.html>).

В приведенном примере аллюзия на известную поэму Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». С помощью данной аллюзии в заголовке статьи

журналистка привлекает адресата к теме положения женщин в профессиональной деятельности, равенства между женщинами и мужчинами в СМИ.

Рассмотрим пример на немецком языке: *Lob des Selbstlobs: Warum fällt es uns so schwer, unsere Stärken hervorzuheben?* (Meike Winnemuth. <https://www.stern.de/panorama/meike-winnemuth/optimierung-des-eigenen-persoenlichkeit--lob-des-selbstlobs-7949704.html>).

В приведенном примере используется измененная цитация – аллюзия на музыкальное произведение Рихарда Штрауса «Lob des Leidens».

Аллюзивное цитирование является часто встречающимся приемом в женском медиатексте для привлечения внимания адресата. В данном случае цитата выполняет эмоционально-оценочную и информативную функции.

Таким образом, основными функциями категории интертекстуальности в женском медиатексте являются следующие: функция воздействия на адресата, функция авторской оценки, экспрессивно-эмоциональная функция.

Интертекстуальность является отражением лингвокультурного сознания женской языковой личности в медиадискурсе. Интертекстуальные включения в женских медиатекстах отражая женскую концептосферу, вербализуют доминантные топики: *образование, бизнес, карьера, успех, самореализация*, а также выражают специфику языка и стиля женщины-журналистки.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Объективность, субъективность и предвзятость в интерпретации художественного текста // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сб. статей. – СПб., 1999.
2. Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц.– М.: Наука, 1980. – 237 с.
3. Желтухина М.Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2004. – 358с.
4. Иноземцева Н.В. Прецедентность и интертекстуальность как маркеры англоязычного научно-методического дискурса (на материале англоязычных статей по методической проблематике) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 12, №3, 2010. – С.167-169.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во МГУ, 1987. – 264 с
6. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от

- структурализма к постструктурализму. – М., 2000. – С. 428-431.
7. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и Тартуско-Московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, 1994. – С. 10-257.
  8. Николина Н. А. Филологический анализ текста: учебник для студ. учреждений высш. образования. 4-е изд-е, испр.М.: Академия, 2014. –272 с
  9. Петрова Н.В. Интертекстуальность как общий механизм текстообразования (на материале англо-американских коротких рассказов): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2005. – 23 с.
  10. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2002. – 128 с.
  11. Худолей Н.В. Интертекстуальность и интертекст как феномены художественной коммуникации: теоретический аспект. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. – № 11 (61): в 3-х ч. – Ч. I. – С. 195-198.
  12. Хачмафова З.Р. Женская языковая личность в художественном тексте: когнитивно-функциональный и лингвокультурологический аспекты (на материале русского и немецкого языков). – Майкоп: Изд-во АГУ, 2010. – 290с.
  13. Хачмафова З.Р. Интертекстуальность как отражение лингвокультурного сознания женской языковой личности // Вестник АГУ. Серия «Филология и искусствоведение». – Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2012. – №2. – С.261-267.
  14. Holthuis S. Intertextualität. Aspekte einer rezeptionsorientierten Konzeption. – Tübingen: Stauffenburg Verlag Brigitte Narr GmbH, 1993. – 270 S.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'44

**Кулик М.В. Термины криптовалютной сферы в испанском,
английском и русском языках**

Кулик Максим Васильевич

студент 3 курса факультета иностранных языков
Иркутский государственный университет
РФ, г.Иркутск, max.culick2012@yandex.ru

**The terms pertaining to the sphere of cryptocurrencies in Spanish,
English and Russian languages**

Kulik Maksim Vasil'evich

3rd year student of the faculty of foreign languages
Irkutsk State University
Russia, Irkutsk

Аннотация. Статья посвящена особенностям перевода современных терминов криптовалютной сферы. По состоянию на 16 марта 2018 года существует 1564 криптовалюты. Криптовалюты появляются во многих странах, разработчики говорят на разных языках, поэтому данная индустрия активно пользуется услугами переводчиков. Авторы статьи уделяют внимание переводу англоязычных терминов на русский и испанский языки. Проводится сопоставительный анализ лексики с целью выявления того, какими методами перевода пользуются в русском и испанском языках. В результате делается вывод о том, что при переводе англоязычных терминов чаще используется в русском языке транскрибирование или транслитерация, а в испанском языке метод подбора функциональных эквивалентов.

Ключевые слова: перевод, термин, испанский язык, русский язык, английский язык, криптовалюта

Abstract. The article explores the translation process particulars of the modern terms pertaining to the sphere of cryptocurrencies. As of 16th of March 2018 there are 1564 cryptocurrencies. They appear in many countries and the developers speak many languages, which explains the sphere's active use of translation services. Authors of the article elaborate on English language terms translation to Russian and Spanish languages. A comparative analysis of the lexical units is conducted in order to determine the translation methods used in both languages. It results in conclusion that in Russian transliteration and transcription tend to prevail, while in Spanish a method of finding a functional equivalent is mostly used.

Key words: translation, term, Spanish language, Russian language, English language, cryptocurrency

Перевод текстов с одного языка на другой является одним из важнейших вопросов прикладной лингвистики. Проблема переводов терминов затрагивается, например, А.Г. Анисимовой, В.А. Татариновым, Л.И. Борисовой, Л.Л. Нелюбиным, А.Л. Пумпянским. В работах названных авторов освещается теория терминоведения (см. подробнее [6]), анализируются переводы терминов в научной и технической литературе (см. подробнее [3; 4; 5]), рассматриваются различные методы перевода терминов гуманитарных наук (см. подробнее [1; 2]).

Существуют разные методы перевода: использование функционального эквивалента, буквальный перевод каждого слова, способ беспереводного заимствования (транскрибирование и транслитерация) и т.п. В настоящей статье предпринимается попытка проследить за тем, какие методы перевода применяются в криптовалютной сфере.

Предмет исследования – варианты передачи и перевода английских терминов, обозначающих криптовалюты и другие явления криптовалютной сферы, на испанский язык и русский.

Цель – выявить особенности перевода англоязычных терминов криптовалютной сферы на испанский и русский языки.

Материалом исследования служат 15 англоязычных терминов, наиболее распространенных в криптовалютной сфере, а также их аналоги в русском и испанском языках, см. Таблица 1.

Таблица 1. Термины криптовалютной сферы

Английский язык	Русский язык	Испанский язык
<i>cryptocurrency</i>	<i>криптовалюта</i>	<i>criptomoneda, criptodivisa</i>
<i>mining</i>	<i>майнинг</i>	<i>minería</i>
<i>cryptocurrency wallet</i>	<i>криптовалютный кошелек</i>	<i>monederos / carteras de criptomonedas</i>
<i>mining pool</i>	<i>майнингпул</i>	<i>grupo de mineros</i>
<i>blockchain</i>	<i>блокчейн</i>	<i>cadena de bloques</i>
<i>fork</i>	<i>форк</i>	<i>bifurcación</i>
<i>bitcoin</i>	<i>биткойн</i>	<i>bitc�in</i>
<i>ethereum</i>	<i>эфириум, этериум</i>	<i>ethereum</i>
<i>solo mining</i>	<i>майнинг соло, одиночный майнинг</i>	<i>la miner�a en solitario</i>

Английский язык	Русский язык	Испанский язык
<i>cloud mining</i>	<i>облачный майнинг</i>	<i>minería en la nube</i>
<i>risers</i>	<i>райзеры, райзера</i>	<i>cables elevadores</i>
<i>proof of work</i>	<i>доказательство выполненной работы</i>	<i>prueba de trabajo</i>
<i>proof of stake</i>	<i>доказательство доли владения</i>	<i>prueba de participación</i>
<i>share</i>	<i>шара</i>	<i>respuesta</i>
<i>nonce</i>	<i>случайное число</i>	<i>acertijo hash</i>

Практически все термины криптовалютной сферы заимствованы из английского языка.

Результаты сопоставительного анализа англоязычных терминов и их русских аналогов показывают, что перевод на русский язык выполняется путем транскрибирования (*mining* – майнинг, *mining pool* – майнинг пул, *blockchain* – блокчейн и т.п.) или транслитерации (*fork* – форк), а иногда встречаются два равноправных варианта, ср.: *ethereum* может переводиться как *эфирium* и как *этериум*. Исключениями являются составные и сложные термины, отдельные компоненты которых уже были заимствованы ранее, ср.: термин *криптовалюта* составлен путем прибавления греческого корня *крипто*, означающего ‘скрытый’ к слову *валюта*.

Понятие *криптовалюта* довольно молодое. В марте 2018 года данное слово было добавлено в американский толковый словарь Merriam-Webster наряду с такими терминами, как *первичное размещение монет*, *блокчейн*, *биткоин*. Согласно этому словарю, *криптовалюта* – это любая форма валюты, которая существует только в цифровом виде. Она обычно не имеет центрального эмитента или регулирующего органа, вместо этого использует децентрализованную систему для записи транзакций и выпуска новых единиц, а также опирается на криптографию для предотвращения фальсификации и мошеннических транзакций.

Помимо слова *криптовалюта*, исключением можно назвать термин *облачный майнинг*. Лексемы *cloud* в *cloud mining* уже были переведены в таких словосочетаниях как *облачное хранение данных*, *облачные вычисления* и т.д.

Результаты анализа испаноязычных терминов показывают следующее.

В испанском языке транслитерация используется при переводе имен собственных (*Ethereum – Ethereum, Bitcoin – Bitcoin*). В остальных же случаях происходит переосмысление терминов либо их дословный перевод, ср.: *proof of stake – prueba de participación, solo mining – la minería en solitario, mining pool – grupo de mineros* и др. Можно встретить варианты, полученные путем транслитерации, но их использование нежелательно.

В Испании существует *Fundación del Español Urgente*. Этот фонд был создан в феврале 2005 года в Мадриде, его целью является забота о корректном использовании испанского языка в средствах массовой информации. Фонд тесно сотрудничает с Королевской академией испанского языка. Ее директор, Дарио Вильянуэва, по совместительству является президентом фонда.

Фонд настаивает на использовании *cadena de bloques* вместо транслитерированного *blockchain*, признает варианты *criptomoneda* и *cryptodivisa* равноправными, рекомендует ставить ударение в слове *bitcói*n. Опираясь на подобные случаи, можно сделать вывод, что «более испанские» варианты предпочтительнее слов, полученных с помощью транслитерации.

Таким образом, при переводе англоязычных терминов на русский язык чаще используется способ беспереводного заимствования, тогда как при переводе на испанский язык основным способом является использование функциональных эквивалентов, свойственных языковым традициям страны.

Список литературы

1. Анисимова А.Г. К вопросу о переводе терминов гуманитарных наук // Язык. Сознание. Коммуникация. 2002. – Вып. 21. – С. 139-143.
2. Анисимова А.Г. Теория и практика перевода терминов гуманитарных и общественно-политических наук. – М.: Университетская книга, 2008. – 240 с.
3. Борисова Л.И. Лексические особенности англо-русского научно-технического перевода. – М.: Изд-во МПУ, 2001. – 208 с.
4. Нелюбин Л.Л. Перевод и прикладная лингвистика. – М.: Высшая школа, 1998. – 207 с.
5. Пумпянский А.Л. Введение в практику перевода научной и технической литературы на английский язык. – М.: Наука, 2006. – 304 с.
6. Татарин В.А. Теория терминоведения. – М.: Московский лицей, 2006. – 311 с.

ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'33

Ёлкина Н.В. Проблемы обучения письменному переводу патентов студентов старших курсов и магистрантов технических вузов

Ёлкина Наталия Владиславовна

старший преподаватель кафедры иностранных языков
Ярославский Государственный Технический Университет г. Ярославль
teachereng@yandex.ru

Problems of teaching translation of patents to senior students and masters of technical universities

Yolkina Natalia Vladislavovna

Senior Teacher of Department of Foreign Languages
Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl

Аннотация. В данной работе рассматриваются особенности обучения магистрантов и студентов неязыкового вуза письменному переводу патентов. Письменный перевод патентов выступает как средство дальнейшего изучения иностранного языка, как прием развития умений и навыков чтения, как эффективный способ контроля понимания информации. Согласно ФГОС ВПО, магистранты неязыковых специальностей должны быть подготовлены к переводу патентных описаний с тем, чтобы уметь обеспечить чистоту новых проектных решений и их патентоспособность. Кроме того, овладению данными компетенциями способствуют растущая потребность в обмене научно-технической информацией; существующая потребность в межкультурной коммуникации; поиск путей и средств решения проблем научного и профессионального сотрудничества, а также быстрый рост информационных технологий и открывающиеся в связи с этим огромные возможности. Общеизвестно, что Патентные описания признаны наиболее сложным видом технического документа, который имеет очень жесткую структуру и требует очень четких знаний относительно наполняемости каждого раздела. Именно поэтому автор отмечает, что при обучении переводу патентов особое внимание следует уделять не только их содержанию, но и форме изложения, т.е. овладению структурой, лексическими и грамматическими особенностями, речевыми штампами, присущими каждому разделу. В работе излагаются рекомендации автора по обучению студентов и магистрантов переводу патентов, именно: 1. изучение теоретического материала (структура, язык, грамматические особенности, речевые штампы); 2. выполнение подготовительных упражнений, направленных на устранение трудностей, возникающих при переводе каждого раздела; 3. непосредственная работа по переводу контракта (пред-переводческий анализ, после-переводческий комментарий, проверка перевода с преподавателем)

Ключевые слова: письменный перевод патентов, студенты технических вузов, Референт-переводчик в профессиональной сфере, структура патентных описаний, лексические и грамматические трудности при переводе

Abstract. This paper discusses the difficulties of teaching Magistracy students and undergraduates from non-linguistic universities to translate patents. The process of translating patents acts as a means to learn any foreign language, as a technique to develop reading and understanding skills. According to the Federal State Educational Standard of Higher Vocational Education, Magistracy students must be prepared to translate Patent descriptions to ensure the purity of new design solutions and their patentability. In addition, mastering these competencies is facilitated by: the growing need to exchange scientific and technical information; the need for intercultural communication; the search for means to solve scientific and professional cooperation problems, IT growth and the opportunities emerging under these conditions. It is known that taking in to account the problem of translation Patents are recognized as the most sophisticated type of technical documents, having very rigid structure and requiring good knowledge of each section contents. So the author notes that when teaching patents translation, special attention should be paid to the presentation form. The paper presents the author's recommendations on teaching students to translate patents: 1. to study theoretical material (structure, language, grammatical features, cliché); 2. to perform preparatory exercises; 3. to work on patent translation (pre-translational analysis, post-translation commentary, verification of translation with a teacher)

Keywords: translation of patents, students of technical universities, Referent in the professional field with profound knowledge of the English language, structure of Patent descriptions, lexical and grammatical difficulties in translating

В условиях расширяющегося международного сотрудничества в различных областях особое значение приобретает обучение устному и письменному общению на иностранном языке студентов неязыковых специальностей. При недостаточном знании языка современному специалисту доступен лишь минимум необходимой информации из переведенных источников. Магистранты и студенты старших курсов, а также студенты, получающие дополнительную специальность «Референта-переводчика в профессиональной сфере», должны понимать, что «мастерство технического перевода включает в себя отличное знание родного языка, достаточно глубокое знание иностранного языка (грамматики, лексики, идиоматики), знакомство с теорией перевода и умение пользоваться переводческими приемами, а также владение фоновыми техническими знаниями» [3]. Следовательно, хорошая лингвистическая подготовка, охватывающая переводческие умения и навыки, в значительной степени, влияет на профессионализм современного технического

специалиста. Цель статьи заключается в том, что автор хочет поделиться опытом обучения переводу патентов, полученным в процессе многолетней работы с магистрантами и в группах студентов, получающих дополнительную специальность «Референта-переводчика в профессиональной сфере».

Практика показывает, что одним из факторов, обеспечивающих успешность и эффективность профессиональной деятельности специалиста, является способность получать, обрабатывать и передавать профессионально значимую информацию, основным источником которой выступают аутентичные тексты. В процессе своей научно-информационной деятельности специалисту нередко приходится переводить патенты.

Надо отметить, что существует и вторая сторона этого процесса, а именно: при изучении курса технического перевода студенты одновременно овладевают стилем, терминологией, определенными клише не только иностранного, но и родного языка. Все это способствует подготовке специалиста, умеющего грамотно и логично излагать свои мысли как на родном, так и на иностранном языке.

При обучении техническому переводу следует помнить о том, что целью освоения техники перевода является не превращение студента или магистранта в переводчика, а формирование навыка понимания иноязычного текста, умения интерпретировать текст без перевода на родной язык. Существуют разные способы обработки технического текста. Эти формы не зависят от сферы специализации, и поэтому инженер должен уметь выполнять все виды обработки информации на иностранном языке. При переводе патентов особое внимание следует уделять не только содержанию, но и форме изложения. [5]

Курс технического перевода читается в группах, получающих дополнительную специальность «Референта-переводчика в профессиональной сфере» в Ярославском государственном техническом университете, на четвертом году обучения, а магистранты слушают этот курс на втором году обучения. К этому времени уровень владения английским языком можно квалифицировать как Upper-Intermediate. Предполагается, что основной

грамматический материал усвоен студентами на начальном и среднем этапах обучения, и они уже приобрели необходимые грамматические навыки перевода, т.е. умение узнавать в тексте и переводить грамматические формы и конструкции. Тем не менее (как и на начальном этапе), при переводе необходимо опираться на грамматическое чтение текста, т.е. на умение видеть основные члены предложения – подлежащее и сказуемое. Такой анализ обязательно должен производиться на самых первых этапах работы с текстом – при первичном чтении и выписывании незнакомых слов. Он необходим для того, чтобы точно знать, какую часть речи необходимо отыскать в словаре. [4]

Для студентов технических специальностей особое место занимает навык проведения лексико-морфологического анализа при переводе. Под лексико-морфологическим анализом понимается умение студента проводить анализ отдельных лексических единиц, словосочетаний и фразеологизмов, встречающихся в иноязычном тексте, и умение адекватно передавать их содержание средствами родного языка. Данный аспект связан, прежде всего, с развитием умений и навыков пользования словарем как основным справочным источником при переводе, развитием языковой догадки и интуиции, умение по контексту определить, а затем передать содержание незнакомых лексических единиц средствами русского языка. Кроме того, к моменту начала работы с патентами студенты уже получили теоретические знания и практические навыки владения основными переводческими приемами.

В технической документации патентные описания занимают свое особое место среди различных источников информации. В соответствии с ФГОС ВО, магистранты неязыковых специальностей должны быть подготовлены к переводу патентных описаний с тем, чтобы уметь обеспечить чистоту новых проектных решений и их патентоспособность. Патентные описания признаны наиболее сложным видом технического документа, требующим высокого уровня владения иностранным языком.

Патентное описание — это документ, прилагаемый к тому или иному изобретению, целью которого является наиболее полно отобразить замысел

данного изобретения и содержать достаточную информацию для дальнейшей разработки объекта изобретения или его непосредственного использования. Перевод патентного описания должен также соответствовать принятой в каждой стране структуре, определяемой соответствующими регламентирующими документами, то есть действующими стандартами. Несмотря на схожесть русских и английских патентных структур, тем не менее, выделяются некоторые различия: «В основном, одинаковы наименования разделов, их содержание и последовательность и в британских и американских описаниях изобретений, однако, имеются отдельные отличия, в частности, в них содержатся ещё так называемые «расширяющие» разделы, которые способствуют расширению толкования формулы изобретения» [2]. Для того, чтобы успешно сделать перевод какого бы то ни было текста, необходимо знать контекст. Особенно это касается научных текстов. Поэтому специалисту заранее необходимо обладать «фоновыми» знаниями, которые могут помочь ему при выполнении перевода того или иного текста. Данное утверждение в полной мере касается и перевода патентов. Патентное описание является структурированным представлением контекста, который поможет переводчику ориентироваться в тексте.

Язык описания изобретения представляет собой объединение «трёх языков»: 5% - юридического, 70% - научно-технического, 25% - особого языка Патентной формулы. К основным особенностям языка патентов относятся широкое употребление штампов, наличие большого числа синонимов, многозначных слов и тавтологических выражений, наличие слов, имеющих не то значение, которое приводится в словарях, применение архаизмов и канцеляризмов, употребление грамматических конструкций от первого лица. В патентах США и Великобритании встречается ряд слов, не отражённых в словарях: *copending* – родственный, *therealong* = *along it*. Нет в словарях патентных значений и ряда общеизвестных слов. Например, слово «*limitation(s)*» в Расширяющем разделе во множественном числе имеет значение «объём»: *the limitations of the claim* – объём патентной формулы; слово

«purpose» - «сущность»: without deviation from the purpose of the invention – в пределах сущности изобретения. Глаголы «to comprise, to consist in, to provide, to relate to» во Вступлении имеют значение «касаться», а при изложении раздела Цели изобретения эти же глаголы имеют значение «предлагать». Следовательно, можно сказать, что патентное описание выполняет две задачи:

1) служит юридическим документом со всеми характерными особенностями;

2) выполняет функцию технического текста с присущими ему терминами, чертежами и схемами.

Патентное описание можно определить как подсистему научно-технического функционального стиля, которое делает патентное описание научно-техническим документом.

Обучение переводу патента начинается с объяснения теоретического материала, потому что, не зная структуры патента, а также смысловой и лексической наполняемости каждого раздела, нельзя грамотно перевести патент. При переводе патента учитываются определенные базовые моменты.

Структура описания изобретения содержит определенные разделы, причем каждый выполняет свою функцию и имеет свои грамматические и лексические особенности. Для первичной работы со студентами был выбран Патент US4584218 A “Wall ornament for shower and bathtub enclosures”. Данный патент был выбран по следующим причинам: 1) его содержание не представляет трудностей ни для одного студента в группе (у магистрантов на занятиях часто присутствуют обучающиеся разных специальностей), 2) он имеет небольшой объем и 3) стандартную структуру.

Title of the Invention (Заголовок описания и название изобретения)

Данный раздел включает следующие данные: наименование и герб страны, выдавшей патент, номер заявки и номер патента, имя и фамилия действительного изобретателя и заявителя с указанием гражданства и адреса, дату подачи и принятия заявки, даты выдачи и публикации патента, классификационные индексы, указание о наличии или отсутствии чертежей,

название изобретения, патенты и другие документы, рассмотренные при экспертизе, имена эксперта и патентного поверенного. Кроме того, по соглашению между участниками конвенции об обмене научно-технической информацией во всех странах, подписавших конвенцию, одинаковые по содержанию сведения обозначаются одними и теми же числами, заключенными в скобки (квадратные или круглые), печатаемыми слева от сообщаемых сведений и называемые кодами ИНИД (INID – International Identification). К примеру, [11] означает номер патента, [19] означает страну патентования, [45] – дата выдачи патента или дата опубликования полного описания изобретения, [54] – название изобретения, [76] – имя изобретателя, являющегося также заявителем и патентовладельцем, [21] – регистрационный номер заявки, [22] – дата подачи заявки [61] – номер заявки более ранней публикации или номер ранее выданного патента, [51] – индекс международной классификации изобретений (МКИ), [52] – индекс национальной классификации (НКИ), [58] – область поиска прототипов по национальной классификации, [56] – список документов-прототипов, использованных при экспертизе заявки и т.д. Коды ИНИД сразу информируют специалиста о том, какая информация заложена в той или иной фразе, и тем самым существенно помогают пониманию и переводу.

Исходя из опыта, следует отметить, что перевод раздела «Заголовок описания и название изобретения» дается студентам достаточно трудно, даже с учетом того, что они предварительно изучили теоретический материал о структуре патентов и особенностях языка и перевода.

После знакомства с теорией студентам предлагаются пред-текстовые упражнения, направленные на овладения навыками письменного перевода отдельных разделов патента и имеющие целью устранить возможные трудности, которые возникают при переводе. Очень удачные упражнения на эту тему разработаны авторами Айзенкоп С.М., Багдасаровой Л.В., Васиной Н.С. и Глущенко И.Н. в «Учебном пособии по техническому переводу». 1996 г. [1]

Упражнение 1. Переведите титульную часть патента Великобритании.

1.

Inventor: Brian Yoxall Moss

Appl. No.: 22027/93

Filed: 9 May 1993

Complete Specification filed: 2 Oct. 1994

Complete Specification published: 3 Nov. 1994

Int. CI: G05d 3/4

2.

Patent Specification

Drawings attached (11) 1,987,864

(19) The PO London (21) Appl. No. 5347/90

(22) Filed: 11 Nov. 1990

(31) Convention Application No. 693946

(32) Filed: 18 Jan 1989 in (33) France

(44) Complete Specification Published 1 Aug 1991

(51) Int. CI H04q 11/04 (52) Index at acceptance:

H4K/A8

(72) Inventor: Peter W. Bond of 54, Leigh Road,

Haydock, St. Helens, Lancashire

Упражнение 2. Переведите титульную часть патента США, обращая внимание на ее отличие от титульной части патента Великобритании.

(19) United States Patent (11) 4,103,160

Moss (45) July 25, 1988 (84) Optical Scanning Equipment

(72) Inventor: Colin Roy Moss, Dunstable, England

(21) Appl. No.: 94,401 (22) Filed: Nov. 17, 1986

(30) Foreign Application Priority Date

Nov. 19, 1985 (GB) United Kingdom... 46391/85

(51) Int. CI: HOIJ 31/49 (52) U.S. CI: 250/334

(58) Field of Search... 350/88, 3R, 350/83, 3H

(56) References Cited

U. S. Documents

2,412,165 12/1970 McDermott 350/83, 3H

3, 242,484 3/1976 Russel 343/5, CM

Primary Examiner S. C. Ruczinski

Attorney, Agent or Firm Dowell & Dowell

(57) Abstract

Line scanning equipment especially for aerial photography of terrestrial scenes has an infra-red scanner which causes the scanning beam to sweep repeatedly across the scene in the direction at right angles to the direction of travel of the aerial vehicles.

8 Claims, 10 Drawing Figures

Упражнение 3. Переведите предложения, содержащие штампы, относящиеся к области изобретения.

1. The invention relates to semi-conductive devices, for example transistors or crystal diodes. 2. The present invention is concerned with a novel geophone assembly adapted for use in bore holes in the earth's substrata. 3. This invention deals with electrical coupling circuits for high frequency signals especially the UHF range. 4. This invention has to do with improvements relating to the cooling of rectifiers, transistors and like semiconductor devices, but especially germanium and silicon rectifiers. 5. This invention refers to seismic prospecting.

Упражнение 4. Переведите предложения, содержащие штампы, относящиеся к целям изобретения.

1. The leading object of the present invention is to provide an improved device of the type described. 2. The object of the present invention is to provide cooling means for the brake shoes and linings thereof. 3. It is the general object of this invention to provide a method of making an electroluminescent phosphor. 4. One of the objects of the invention is to suppress transmission of vibrations or shock waves along cable of the geophone device. 5. An object of the present invention is to provide a setscrew which is simple and inexpensive to manufacture.

Упражнение 5. Переведите предложения, содержащие штампы,

относящиеся к сущности изобретения.

1. According to the invention there is provided a luminous sign consisting of a panel on which letters, numerals or other symbols or outlines are formed. 2. According to the present invention there is provided an X-ray intensifying screen consisting of a binding means, a luminescent material and a dyestuff colloidally distributed in said means. 3. According to this invention a two-speed mechanical drive mechanism of the kind referred to comprises a threaded shaft, a worm screwed upon said shaft, and limiting stops. 4. According to the invention there is provided a Hall generator device, comprising a Hall generator intended to be subjected to a magnetic field acting in one particular direction.

Упражнение 6. Переведите предложения, содержащие штампы, относящиеся к описанию изобретения со ссылкой на прилагаемые чертежи.

1. The invention will now be described more fully by way of example, with reference to one embodiment thereof which is illustrated in the accompanying diagrammatic drawing in which the figure shows a longitudinal section of a transistor. 2. To illustrate the above statements, reference will be made to the attached drawings, Fig. 1 of which shows a cross-sectional elevation of the device. 3. The invention will now be more particularly described with reference to the accompanying drawings which show a plan of a chassis of a motor vehicle constructed according to this invention. 4. Some embodiments of the invention will now be described by way of example, reference being made to the accompanying drawings, in which... 5. For the better understanding of the invention, reference may be had to the accompanying drawings in which...

Упражнение 7. Переведите следующие фрагменты описаний изобретений к патентам и определите, к какому разделу относится данный раздел.

1. Complete Specification filed Oct. 10, 1991. 2. Application 6598/87 filed May 7, 1987. 3. Index at acceptance CI-IZ5T. 4. The Present invention pertains to abrasive articles. 5. The present invention aims at improving the accuracy of the machine tool. 6. In my present invention I provide a signal for marking the position

of the electric transmission line serving to assist the aviator in locating the transmission line during the night and during foggy weather, when the visibility is poor. 7. According to the invention the cultivator comprises a handle portion, an electric motor, a cross shaft and a wheel with ground cultivating teeth.

Упражнение 9. Переведите фрагменты описаний изобретений, содержащие формулу изобретения.

1) What I claim is:

1. An X-ray intensifying screen consisting of a binding means, a luminescent material and a dyestuff colloidally distributed in said binding means.

2. An X-ray intensifying screen, as claimed in claim 1, wherein the dyestuff is black.

2) Claim's:

The method of plating the surface of a stainless steel alloy containing at least 7%, by weight, of chromium which comprises: forming in and integral with said surface an adherent, dark coloured film of oxide by merely immersing said steel in a solution containing, by weight –

Percentage

Water.....35 to 55

Chromium acid .....2 to 20

Free sulfuric acid.....15 to 55

Chromium sulfate.....0.01 to 10

Iron sulfate.....0.01 to 10

Minor quantities of other sulfates, bisulfates and impurities. Balance and thereafter electroplating said oxide filmed surface with copper in an alkaline electrolyte.

И лишь после выполнения пред-текстовых упражнений студенты переходят к переводу «настоящего» патента. Работа начинается с того, что студенты очень внимательно читают текст, проводят анализ структуры патента, находят все разделы и их признаки. Кроме того, студенты делают разметку текста и определяют трудные места с точки зрения лексики, грамматики, а

также особенностей, присущих только патентам (делается пред-переводческий анализ). Затем патент просматривается во второй раз, и его содержание проверяется в виде вопросно-ответной беседы. И только затем студенты приступают к его письменному переводу. После окончания работы обучающиеся разрабатывают после-переводческий комментарий и проверяют перевод с преподавателем. Затем студенты переводят патенты по специальности. Каждый должен перевести по три патента плюс один контрольный. Надо сказать, что далеко не всегда работа идет легко. В каждом случае встречаются свои проблемы и трудности. Конечно, того объема часов (8 часов), который выделяется на работу с этим модулем, явно недостаточно. Но надо отметить, что обучающиеся получают определенные знания и навыки работы с патентами и у них исчезает «страх» перед работой с этими источниками информации.

Список литературы

1. Айзенкоп С.М., Багдасарова Л.В., Васина Н.С., Глущенко И.Н. Учебное пособие по техническому переводу. 1996 г.
2. Закс Л.М., Стандарты и качество, М. Издательство стандартов, 1983.
3. Климзо Б.Н. Перевод патентов: (особенности структуры, яз. и пер. изобретений, прилагаемых к патентам США и Великобритании): курс лекций / Б.Н. Климзо. – М.: МГПИИЯ, 1976. – 96 с.
4. Клепикова Т.Г. Методические указания по проведению анализа лексико-грамматических и стилистических особенностей текстов патентных описаний для студентов V курса специальности «Перевод», Севастополь, 2006
5. Тарасова Е. С. Обучение письменному переводу технической документации специалистов неязыковых специальностей (на примере патентов и руководств по эксплуатации), Вестник ТГПУ. 2010. Выпуск 10)

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 82-293

Николаева О.Е. Особенности интерпретации замысла поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон» в либретто одноименной оперы А.Г. Рубинштейна

Николаева Олеся Евгеньевна
студентка 3 курса
Алтайский государственный университет
РФ, г. Барнаул, olesya-emerald@mail.ru

**Научный руководитель
Карпухина В.Н.**
д-р. филол. наук, проф.
Алтайский государственный университет
РФ, г. Барнаул

Interpretation of the Poem "Demon" by Mikhail Lermontov in the Libretto of the Eponymous Opera by Anton Rubinstein

Nikolaeva Olesya Evgenyevna
3rd year student
Altai State University

**Scientific adviser
Karpuhina V.N.**
Doctor of Philology, Professor
Altai State University
Russia, Barnaul

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема преобразования поэтического текста в оперное либретто. Затрагиваются жанровые особенности либретто как словесного компонента музыкального произведения. Целью исследования является анализ адаптации поэтического текста в музыкальном жанре на примере оперы «Демон». Основное внимание в работе автор акцентирует на интерпретации оригинального лермонтовского сюжета, структуре повествования и динамике образов главных героев в опере А.Г. Рубинштейна. Основное содержание исследования составляет сопоставительный анализ текста поэмы М.Ю. Лермонтова и либретто П.А. Висковатова. Работа имеет междисциплинарный характер, написана на стыке литературоведения и музыковедения. Дискуссионным продолжает оставаться вопрос о либреттологии как о междисциплинарной науке.

Ключевые слова: поэзия, опера, либретто, интерпретация, либреттология

Abstract. This article deals with the problem of transforming poetic text into operatic libretto. The genre features of the libretto as a verbal component of a musical work are considered. The aim of the study is to analyze the adaptation of the poetic text

in the musical genre on the example of the opera "Demon". The author focuses on the interpretation of the original Lermontov' plot, the structure of the narration, and the dynamics of the main characters' images in the opera by A.G. Rubinstein. The study is a comparative analysis of the M. Lermontov's poem and P.A. Viskovatov's libretto. The work has an interdisciplinary character, written at the intersection of literary theory and musicology. The issue of librettology as an interdisciplinary science continues to be debatable.

Keywords: poetry, opera, libretto, interpretation, librettology

Крупные произведения М.Ю. Лермонтова с большим трудом можно назвать сценичными – по сравнению, к примеру, с произведениями А.С. Пушкина, на чьи тексты был написан ряд выдающихся опер (М.И. Глинки, П.И. Чайковского, Н.А. Римского-Корсакова и т.д.), безусловно, достойных оригинала и органично достраивающих пушкинские идеи. С Лермонтовым же иначе: «камерный» характер его романтических поэм, повествовательное описание действий, взгляд на них «со стороны», углубленность в психологическое состояние героев – все это заставляет либреттистов и работающих с текстовой составляющей более серьезно изменять произведения при интерпретации, искать в них дополнительные смыслы, «уравновешивать» образы героев и нивелировать их субъективный взгляд на события.

Такая судьба, отчасти благодаря цензурным запретам, постигла и «Демона». Попытки воплотить масштабный сюжет поэмы в «живых картинах» в 1856 г. [5, с. 315], в опере Б.А. Фитингоф-Шеля, в симфонической поэме Э.Ф. Направника остались практически неизвестными. Но в 1871 г. композитор Антон Григорьевич Рубинштейн задумал написать оперу «Демон» и привлечь к созданию текстовой основы, либретто, П.А. Висковатова – историка литературы и известного исследователя творчества Лермонтова, чьей задачей было адаптировать текст поэмы.

Литературоцентричность «Демона» подтверждается многочисленными речитативами в тексте, местами напрямую цитирующими оригинал. Речитативность была свойственна авторскому почерку Рубинштейна. В ней проявляется размеренная декламация и свободное движение, усиливающее значение словесного компонента, называемого либретто.

Здесь необходимо определить значение этого термина, которое, как правило, употребляется в двух смыслах: 1) словесный текст музыкально-вокального произведения (оперы, оперетты); 2) краткое изложение содержания оперы, балета, оперетты [6, с. 277]. Второе толкование более справедливо назвать синопсисом, на данный момент адаптированным в русском языке термином. Повышенный интерес к либретто произведений в отрыве от их музыкальной основы обозначился в исследованиях Г. Ганзбурга с 1990-х гг. Исследователь изучал взаимосвязь литературы и музыки, рассматривая либретто как некую пограничную область их взаимопроникновения. Им же был предложен термин научной дисциплины либреттологии – науки о словесном компоненте музыкального произведения [1, с. 78]. Либреттистом, по мнению Г. Ганзбурга, является тот, кто переработал или адаптировал исходный текст для музыкального произведения.

Поэма М.Ю. Лермонтова «Демон» состоит из двух частей, первая из которых тяготеет к эпосу – описывает существование Демона как космического духа зла, рисует картины природы Грузии, изображает быт семьи Гудала и обрывается на трагической гибели жениха Тамары, вторая знаменует самоотречение Тамары от мирской жизни, а также содержит ее объяснение с Демоном, занимающее большую часть поэмы, и противостояние Демона и Ангела в финале. В опере, состоящей из трех действий, эта структура смещена, так как первое и второе действия сюжетно соотносимы лишь с первой частью поэмы. Именно они представляют собой основную часть сочиненных Висковатовым отрывков, призванных компенсировать порой нелинейное повествование в поэме, персонифицировать противостоящие Демону силы, раскрыть окружение Тамары.

Тематически в либретто можно выделить два плана: космический и земной, которые могут сливаться или враждовать друг с другом, но их противопоставление всегда будет очевидным. Это проявляется уже в первой картине первого действия, где полифоническое многоголосие адских духов и Демона во главе с ними звучит на фоне небесных духов и голосов природы –

хоров ветерков, цветов, струек, деревьев и вод: «Проклятый мир! Презренный мир! Несчастный, ненавистный мне мир!» И в этом ариозо Демона либреттистом обозначены бунтарские воззрения героя, его богоборчество: «Я жить хочу! Хочу волнения! Хочу борьбы!» [2]. Однако рубинштейновский Демон во многом теряет многогранность и загадочность лермонтовского героя, ведь для него не существует прошлого, герой статичен: он не испытывает ни сожаления, ни горечи, вызванной одиночеством, а лишь страсть и ненависть. Именно в первой картине Демон меньше всего вызывает сочувствие, в отличие от величественного лермонтовского Демона начала поэмы. Однако впоследствии этот образ утратит значительную часть драматизма и будет представлен зрителю как герой лирический.

Противоположный Демону образ Ангела, который в ранних постановках был переименован в Гения, ввиду запрета на изображение на сцене божественных сил и духовных лиц, претерпевает аналогичные с поэмой изменения. Так, из мягкого и назидательного, более слабого со стороны противника Демона он вырастает в мощную фигуру, яростно готовую отстаивать право на Тамару: «Нет у прощения духу надменному, ни обновления грешному нет. Вовек!» [2]

Стоит отметить, что, несмотря на обилие в опере хоров, их функция – фоновая, а большинство придуманных либреттистом сцен носят диалогический характер, что является важной отличительной чертой драматургии «Демона».

Во второй картине первого действия мы видим переработанные V-IX строфы поэмы, в которые внесены пространственно-временные коррективы. Действие картины перенесено на берег Арагвы и начинается с известного хора девушек: «Ходим мы к Арагве светлой...». И здесь Тамара впервые слышит и даже мельком видит Демона, в отличие от поэмы, где все это происходит только после смерти ее жениха. Подобное введение обогащает драматическую палитру оперы, дает характеристику образу Тамары до встречи с Демоном. Мы видим героиню в ореоле красоты природы, светлого утра, радостного предвкушения встречи с женихом. В отличие от поэмы, где героиня

предчувствовала «судьбу печальную рабыни» [4, с. 559], в опере ее замужество воспринимается как стремление к запредельному, к счастью и покою. Позже, во втором действии будет сделан акцент на привязанности Тамары к князю Синодалу с детских лет, что сделает его потерю более трагичной для княжны.

Образ князя Синодала, по сравнению с поэмой, значительно видоизменен. Герой не просто «князь» – он носит имя, а также смел и набожен: его нежелание идти в часовню, презрев обычай, продиктовано не торопливостью, а намерением войти в нее с молитвой на заре, что получает одобрение даже Старого слуги, являющегося самым праведным героем оперы. Позднее Старый слуга пожелает стать стражем Тамары в монастыре, заменяя, таким образом, «полуночного сторожа» из поэмы, старика, услышавшего кульминационную развязку поэмы и узнавшего о смерти героини. Партия Синодала предназначена для лирического тенора, что весьма согласуется с мягкостью, добросердечием и влюбленностью героя.

Большой интерес для исследователя представляют введенные Висковатовым сцены атаки татар на караван Синодала и поход князя Гудала на них в конце второго действия оперы. Конечно, слова Гудала: «За дитя свое я мщу, горы кровью обагрю!» трудно сопоставить с христианским мировоззрением героя, но они присутствуют для наличия в опере действия и предвосхищают скорую гибель князя и княжны [2].

Наиболее «лермонтовским» по праву можно считать третье действие оперы, вторая картина которого начинается с романса Тамары в келье: «Ночь тепла, ночь тиха...», принадлежащего перу Висковатова. Обрывистые, акцентированные реплики, паузы и многоточия очень выразительно передают вздохи, жар и лихорадочное состояние затворницы, ожидающей встречи с Демоном.

О сцене дуэта Демона и Тамары следует сказать отдельно. Таинственная атмосфера и мистицизм, которым опера изобилует, здесь явно уступает место стремительному пылкому объяснению. Герои перебивают друг друга, горделивый пространный монолог Демона: «О, если б ты могла понять»

сменяется прерывистыми репликами Тамары; клятва, практически полностью взятая из поэмы, раздроблена по принципу нарастания экспрессивности. Пространство в картине поделено на две части, по одну сторону которой находятся герои, а по другую, за стенами кельи, – Старый слуга, Ангел, монахини, хор ангелов и незримый Бог. Плавное развитие неожиданно обрывается к финалу оперы и уступает место динамичности; за кратким «мигом любви» следует неизбежная смерть героини, а Ангел, явившийся за душой Тамары, увлекает зрителя к просветленному хору ангелов.

Либретто оперы «Демон» в целом представляет собой оригинальное переложение лермонтовской поэмы с иной расстановкой акцентов и обоснованными сюжетными нововведениями. Однако слова Г. Лароша о том, что это «несомненный Рубинштейн, но сомнительный Демон» нетрудно понять: сгущенные краски вначале и схематичность героя в двух первых действиях непросто соотнести с лирическими монологами финала. Романтизированные, абстрактные сущности в опере однозначно преобладают над живыми людьми, достойными зрительского сопереживания, а затянутость массовых сцен едва ли может быть восполнена стремительными речитативами [3, с. 260]. Более удачными являются образы Тамары и Синодала, горячо любимые композитором, что подтверждает большое количество вставочных номеров, раскрывающих характеры героев.

Системный подход к изучению литературной составляющей оперных либретто лишь формируется, но необходимо отметить, что такая междисциплинарная наука, как либреттология, способна внести значительный вклад в развитие литературоведения и помочь адаптировать культурные коды мирового наследия к современному языку.

Список литературы

1. Ганзбург Г.И. О либреттологии // Советская музыка. 1990. № 2. С 78-79.
2. Демон. Опера в трех действиях (семи картинах) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://operaiballet.ru/demon> (Дата обращения: 29.11.2018)
3. Ларош Г.А. Опера. Избранные статьи. – М.: Юрайт, 2017. 267 с. Лермонтов М.Ю. Сочинения. Т.1. – М.: Правда, 1988. 720 с.

4. Мурьянов М.Ф. Лермонтовский "Демон" в Зимнем дворце // Лермонтовский сборник. Л.: Наука, 1985, С. 315—317.
5. Словарь иностранных слов. – 15 изд., испр. – М.: Русский язык, 1988. 608 с.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

УДК 8

Зонина Н. В. Русская критика об английской драме времен правления Карла I Стюарта

Зонина Нина Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в сфере философии и социальных наук
Санкт-Петербургский государственный университет
ninazonina@yahoo.com

Russian Literary criticism of English Drama in the reign of Charles I

Zonina Nina Vladimirovna

PhD in Philology, Associate Professor of the chair of English language in the sphere of Philosophy and Social sciences, St.Petersburg state university

Аннотация. В статье рассматривается русская критика, посвященная английской драме в годы правления Карла I Стюарта – критического периода в истории Англии. Анализируется традиционно негативное восприятие драмы того времени как в зарубежном, так и в отечественном литературоведении. Отмечается серьезная трансформация во взглядах зарубежных специалистов в конце XX века – начале XXI века на драму предреволюционной Англии, позволяющая выявить в ней новаторские черты и пересмотреть ее роль и значение в истории развития английского драматического искусства. Обзор современных работ российских исследователей также показывает некоторые сдвиги в этой области, попытки переосмыслить творчество драматургов тех лет в контексте исторической ситуации. Однако в целом драма периода правления Карла I еще не привлекла должного внимания русской критики, результатом чего являются серьезные пробелы в понимании процесса эволюции английского драматического искусства XVII века.

Ключевые слова: XVII век, английская драма, комедия, критика, театр, упадок, новаторство, преемственность, Реставрация

Abstract. The article discusses Russian literary criticism devoted to the English drama in the reign of Charles I Stuart – the most dramatic period in the history of England. Traditional negative views on the drama of those years both in foreign and Russian literary studies are analysed. A serious transformation in the approach of foreign researchers from the end of the XXth century towards the drama of the pre-revolutionary years is touched on. It allows to discover a number of innovative features in the plays and

revise the drama's role and significance for the development process in the dramatic art of England. A review of the latest Russian literary studies on the topic shows some changes in the approach to the matter and some attempts to reevaluate the works of the playwrights of the time under consideration within the historical context. However, on the whole the drama of Charles I's reign hasn't been paid much attention to in Russian literary studies which results in serious gaps in understanding the process of evolution in the English dramatic art of the XVIIth century.

Key words: XVII century, English drama, comedy, criticism, theatre, decay, innovation, succession, Restoration

Политические катаклизмы, сотрясавшие Англию XVII век, во многом определили характер ее литературы, включая драматургию. Пережив со страной все перевороты, реформы и репрессии века (указ парламента 1642 г. о закрытии театров), английская драма продемонстрировала свою жизнестойкость, чуткость к переменам и настроениям общества, трансформировавшись от искусства Возрождения начала века к новаторской драме эпохи Реставрации.

Внушительный список работ, посвященных английской драме XVII в., как зарубежных, так и отечественных специалистов, позволяет говорить о сложившихся традициях и тенденциях в критике по данной теме. Одной из тенденций является выборочный подход к анализу драмы XVII в.: как в зарубежных так и отечественных исследованиях главным образом рассматривается последний этап творчества Шекспира в начале XVII в. (до 1613 г.) и пьесы его современников, продолжавших творить в первые два десятилетия XVII в., но кровно связанных с XVI в. (Б. Джонсон, Дж. Флетчер и др.), либо драма конца XVIIв, т.е. периода Реставрации монархии 80-90е. гг. Даже, если не считать 18 лет «молчания» драмы (1642-1660) в силу указа 1642 г., за рамками исследований в значительной степени остаются два десятилетия, т.е. 20-42 гг. XVII в., годы правления Карла 1- самого кризисного и судьбоносного времени для Англии, редкие же упоминания о ней, как правило, носят резко отрицательный характер, отказывая драме в каких либо художественных качествах и ценности ее для процесса развития английской драматургии. Подобное отношение к драме предреволюционной Англии долго

господствовало в литературной критике. Однако со второй половины XX в. ситуация в зарубежном литературоведении начинает меняться: появляются работы, открывающие драму тех лет во всем ее многообразии и новаторстве. Что касается отечественного литературоведения, этот процесс его затронул мало.

Анализ негативного отношения к английской драме XVII в. в отечественной критике выявляет ряд объективных и субъективных на то причин: прежде всего, это феномен Шекспира, который на долгое время отвлек на себя все внимание русской критики, сложность языка оригиналов и ограниченность переведенных текстов (в основном, сделанных в начале XX в.), не дающих полного представления о драмы того времени, а также исторические процессы, происходившие в нашей стране в XX в. и прервавшие во многом традиции русской критики, подчинив исследование ряда литературных вопросов политической конъюнктуре. Некоторые попытки представить драму XVII в. за рамками шекспироведения, познакомить российского читателя с творчеством малоизвестных ему драматургов XVII в. делались главным образом во второй половине XX в. Несомненным прорывом в этой области явились сборники переводов пьес некоторых драматургов той эпохи, вышедших под редакцией А.А. Аникста, однако, они преподносились в контексте и тени Шекспира, о чем говорят и их названия: «Современники Шекспира» - 1959 и «Младшие современники Шекспира» - 1986. Представленные в этих сборниках пьесы и предисловия к ним, безусловно, расширяют рамки нашего представления о драматургии той эпохи и дают почву для осмысления процессов, происходивших в ней. Но такие работы были редкими и касались в основном драмы первых двух десятилетий XVII в., в упоминаниях же о драматургии 20-42 гг., подчеркивалось, что в эти годы «процесс постепенного сужения горизонтов английской драмы ... достиг своего апогея» [4, с. 43]. Большую роль в предвзятом отношении российских критиков к драме 20-42 гг. сыграли также и устоявшиеся шаблоны в оценке драмы того периода принятые в зарубежном литературоведении, утверждавшем, что драма

к правлению Карла 1 «высказала все, что могла» [16, с. 178], а пьесы, создававшиеся в предреволюционные 20 лет лишь для избранного общества и королевского двора и приравнивалась практически к «придворной» драме, которая была призвана лишь развлекать и уводить от действительности. До конца XX в. эпитеты, которыми награждала отечественная критика пьесы тех лет, вторя зарубежным коллегам, носят убийственный характер: «отмеченные печатью упадка» [7, с. 118], утратившие социальную тематику [1, с. 16], потерявшие связь с народными традициями, отошедшие от передовой идеологии и представляющие аристократическое, придворное искусство [8, с. 392-393]. Поскольку драма тех десятилетий кормила театр лишь пьесами «упаднического направления» [3, с. 74], то закрытие театров пуританским парламентом в 1642 г. рассматривается как естественное и закономерное завершение драмы Возрождения, так как парламентский указ вышел в «тот момент, когда театр уже внутренне разрушился» [11, с. 240].

Такие высказывания в адрес английской драмы периода 20-42 гг. XVII в. не могут не вызывать сомнений. Трудно поверить, что английская драма за такой короткий срок - всего 7 лет после написания Шекспиром его последней пьесы и 4 года после его смерти - смогла растерять весь свой, накопленный за «Золотой век», эстетический и нравственный капитал. Ведь в те годы были еще живы и творчески активны такие блестящие современники Шекспира, как Б. Джонсон (1573-1637), Дж. Флетчер (1579-1625), Т. Деккер (1570-1625), Т. Гейвуд (1572-1626), Т. Мидлтон (1586-1625), с которыми на равных соперничало на сценах общественных театров новое поколение драматургов, возвращенное корифеями английской драмы.

Периодизация драматургии тех лет, определение ее направления и стиля в отечественном литературоведении также вызывает ряд вопросов. Календарная хронология не всегда совпадает с историко-литературной хронологией, в частности, это относится к XVII в. В связи с тем, что в первой четверти XVII в. еще жил и творил Шекспир (1564-1616), создавая свои великие трагедии

«Гамлет» (1601), «Отелло» (1604), «Король Лир» (1605—1606), «Макбет» (1604-1606?), «Генрих VIII» (1613), продолжали сочинять многие его собратья по перу, в отечественном литературоведении XX в., общепринятым было (Мокульский С.С., Виппер Ю.Б., Аникст А.А. и др.) относить всю английскую драматургию первой половины XVII в. вплоть до закрытия театров в 1642 г. к литературе эпохи Возрождения. Таким образом вся драматургия первой половины XVII в., включая 20-42 гг., попадала в разряд ренессансной, несмотря на то, что этот период «отмечен все углубляющимся упадком драматического искусства» [1, с. 9]. Существовала в русской критике и ориентация на английских специалистов в области истории драмы, склонных классифицировать драму по правившим монархам [14], как это делает И.А. Аксенов в своей книге «Елизаветинцы».

Тем не менее в трудах отечественных специалистов конца XX в. заметны сомнения в оценке как 1-й упомянутой классификации, так и 2-й. Горбунов А.Н. в предисловии к книге «Младшие современники Шекспира» отмечает «несколько одностороннее представление о театре младших современников Шекспира», подчеркивая, что для драмы первой половины XVII в. «характерны не только его (театра) постепенный упадок, но и его качественная трансформация» [4, с. 6]. Все же он остается на позиции, что всю английскую драму с конца XVI в. до 1642 г. «можно считать единой поэтической системой» [4, с. 6], т.е. ренессансной. Более взвешенную и объективную классификацию драматургии этого периода предлагает Чамеев А.А. в «Истории зарубежной литературы XVII века». Причисляя драму первых двух десятилетий XVII в. к литературе Возрождения, он справедливо относит литературу с 20х гг. до конца XVII в. к «новой историко-литературной эпохе», предлагая ее делить на предреволюционный период (20-30е гг.), революционный (40-50е гг.) и период Реставрации (60-80е гг.) XVII в. [12, с.210]. Однако касаясь драмы «предреволюционного» периода, т.е. 20-42 гг., литературовед подчеркивает в ней углубление кризиса ренессансной идеологии и эстетики, начавшегося с начала века, и делит драматургов на тех, кто «порвал с художественными и

идейными традициями Возрождения» и на тех, кто, «не отрекаясь от гуманистических ценностей, стремится приспособить их к новым, изменившимся условиям» [12, с. 211]. К последним он относит Бена Джонсона и Ф. Мэссинджера, замечая при этом, что они «остаются писателями ренессансной эпохи». Таким образом, мы опять возвращаемся к тому, что эпоха Ренессанса в английской драматургии продлевается до середины XVII в., т.е. до закрытия театров в 1642г.

Кто же те драматурги, которые порвали «с художественными и идейными традициями Возрождения» и как они вписываются в эту классификацию? Их имена не называются и об их творчестве практически ничего не говорится. Тем не менее репертуар общедоступных театров тех лет поражает разнообразием названий пьес и имен авторов, среди которых кроме корифеев, немало имен нам малоизвестных и новых: Ф. Мэссинджер (1583-1646), Дж. Форд (1570-1639), Дж. Шерли (1596-1666), Р.Брум (1590-1652), творчество которых было насильственно прервано указом 1642 г., серьезно затормозившего развитие английской драмы. Успех их пьес у английской, избалованной шедеврами, публики того времени свидетельствуют о том, что драма времен правления Карла I была востребована, и утверждения о ее упадке сильно преувеличены.

Обзор критики, как отечественной, так и зарубежной, посвященной драме того периода, позволяет сделать вывод, что отрицательная ее оценка, доминировавшая до недавнего времени в литературоведении, обусловлена, прежде всего, политизированным отношением к искусству, исторически находившегося под покровительством монархов. Заключение об упадке драмы 20-42 гг. делается на основании факта покровительства драмы и театра Карлом I и его двором, что априори определяло ее «роялистской» по своей сути, представлявшей собой искусство реакционных агонизирующих сил, вместе с которыми она «идет к упадку, так как к упадку идет класс, вкусам которого она главным образом стремится угождать» [2, с.137]. Драма тех лет рассматривается, в основном, как средство развлечения и отвлечения от действительности монархии и ее приверженцев, дни которых были сочтены: «

пьесы были для этих людей способом убежать от проблем, выдвигаемых политической обстановкой, а также средством культивирования своей утонченности» [15, с.161]. Таким образом вся многоликая лондонская аудитория сведена до этой весьма узкой, обреченной уже на гибель, группы людей. Знакомство с документами и свидетельствами, дошедшими до наших дней, включая театральные афиши общедоступных театров Лондона того времени, опровергает такой взгляд и доказывает, что драма тогда была почитаема и любима всеми слоями английского общества: и аристократией, и богатыми буржуа, и простолюдинами. Более того, пьесы тех сложных для Англии лет были ближе своему современнику, так как они реалистически отражали свой век с зарождавшимися новыми экономическими отношениями, новыми проблемами и вызовами. Как отмечает Лосев, в XVII в. «отдельная личность в произведениях заменяется исторически обоснованным коллективом» [9, с.614], и именно такой «коллектив» - родное английское общество, и жизнь в нем «отдельной личности» соотечественника и современника, становится ведущей темой драмы кануна английской революции XVII в.

Первым, кто повернулся лицом к английскому «коллективу», был Бен Джонсон, великий современник Шекспира и неоспоримый авторитет в области английской драмы конца XVI в. - первой половины XVII в. Преданный принципу «подражания природе», Джонсон декларирует свою установку на реформирование драмы, прежде всего, комедии, основные положения которой он представляет в пьесе «*Всяк в своем нраве*» (1599). Драматург отказывается от надуманных героев-титанов: все его персонажи «говорят и поступают как в действительности, представляя верное отражение людей в жизни; я буду рисовать картину своего времени .... Герой должен быть ... одним из тех людей, каких мы видим на улице, с их недостатками и характером» [5, с. 576]. В своих лучших комедиях, которыми Джонсон открывает XVII в. («*Эписин, или Молчаливая женщина*»- 1609, «*Вольпоне*» - 1605, «*Алхимик*» - 1610, «*Варфоломеевская ярмарка*»- 1614), он реализуют основные положения своей

программы: его герои – обыкновенные горожане, жители родного Лондона с его географией, проблемами, бытом. В пьесы вторгается реальная действительность, которая обуславливает взгляды, поведение и нрав персонажей. К новшествам Джонсона относится и сюжет, который драматург в отличие от старших собратьев по перу, перерабатывавших готовые сюжеты, придумывал сам, черпая материал из жизни современного общества. Новизна джонсоновской драматургии проявляется и в новых выразительных средствах: ее характеризует внимание к разговорной речи персонажей. Словесная характеристика действующих лиц подчинена общей задаче – дать реалистическую картину разношерстного лондонского общества, поэтому язык персонажей разнообразен и индивидуален. Все это привело к созданию комедии нового типа – «социально - бытовой» комедии. Как это ни странно, но новаторские черты, которые внес в драму тех лет Б. Джонсон, не дают основания отечественной критике причислить эстетику и драматургическую новизну драмы к новой «оригинальной литературе» XVII в., открывающей «новую историко-литературную эпоху». Отрицание существования последователей и преемников новаций Б. Джонсона означает признание того, что реформация английской драмы, начатая Б. Джонсоном в начале XVII в., не получила дальнейшего развития и была на несколько десятилетий заморожена, чтобы затем неожиданно уже в завершенном виде родиться в эпоху Реставрации. Однако знакомство с пьесами, прежде всего комедиями созданными в 20-42 гг., приводит к осознанию, что дело Джонсона не пропало втуне - нашлись «художники», которые подхватили идеи мэтра и продолжили «рисовать картину своего времени», внося в драматургию новые темы, художественные приемы, способные выразить их время. Комедия идеально подходила для изображения современной реальности – ведь исторически ее предназначением было изображать горожан и «представлять уродство мира» [5, с. 577] с тем, чтобы исцелять больное общество и восстанавливать в нем гармонию. Все эти установки реализуются в комедиях времен правления Карла I, действие которых всегда происходит в Лондоне, их персонажи – это

горожане, не удовлетворенные положением дел в стране, в воздухе которой ощущается приближение серьезных перемен. Драматизм жизни предреволюционных десятилетий определяет остроту, разнообразие и проблематику пьес. Современность и актуальность комедий последователей и учеников Б. Джонсона просматривается уже в названиях пьес: «Ковент-гарден» (Covent Garden -1632) Т.Наббса, «Гайд-парк» (Hyde Park -1632) Дж.Шерли, «Прополка Ковент-Гардена» (The Weeding of the Covent-Garden - 1632) Р.Брума и т.д. География Лондона в их пьесах сужена до определенного района города, в котором ярче всего проявляется новая среда, новый «коллектив», ощутивший свою значимость именно в те годы. Злободневность пьес такова, что по ним легко восстановить детальную картину жизни английской столицы того времени, проблемы, заботы, интересы горожан: от цен на пиво в лондонских пабах до идеологических и религиозных течений, таких, например, как «пуританство» и «либертинаж» [6, с.54-55]. В интерпретации тем в пьесах тех лет, как отмечает американский критик, проявилась «вся былая страстность Джонсона, весь его дух» [17, с. 257].

Драма того времени была созвучна новой эпохе, отражая рост самосознания новых представителей современного общества. И именно пьесами, созданными в 20-42 гг. XVII в., а не Шекспиром, язык которого «представлялся несколько устаревшим» [10, с. 38] вновь открылись двери лондонских театров истосковавшейся по постановкам публике после Реставрации Стюартов. Высокая оценка и восхищение этими пьесами интеллектуалами и театрами конца XVII в., которые мы находим во многих свидетельствах той эпохи, доказывают ее высокое качество и современность, что обеспечило им долгую успешную жизнь на английской сцене вплоть до середины XVIII в. Лондон, изображенный драматургами более 20 лет назад, очень походил на Лондон конца XVII в, а лондонцы в пьесах У.Уичерли, Дж.Этериджа и У Конгрива изрядно напоминали персонажей пьес времен Карла I.

Во второй половине XX в. зарубежные историки драмы и театра начали

заново «открывать» для себя драматургию десятилетий, непосредственно предшествовавших английской революции и закрытию театров. Появились серьезные работы, посвященные анализу драмы тех лет как в контексте социально-политической обстановки в стране, так и в рамках процесса эволюционного развития английской драмы (Heinemann M.; Batler M. etc). Ряд исследований посвящены наиболее популярным драматургам эпохи Карла: Ф. Мэссинджеру, Дж. Форду, Дж. Шерли, Р. Бруму, в творчестве которых особенно ярко проявилось новаторство и трансформация драмы. В исследованиях зарубежных коллег явствует кардинальный пересмотр устоявшихся взглядов на состояние, качество и социальную ориентацию драмы того периода. По их мнению, пьесы драматургов тех лет являются «не только в высшей степени художественно совершенными», но и «чрезвычайно оригинальными, ...представляющими абсолютно новое явление на английской сцене» [13, с. 3]. Большим вкладом в привлечение внимания к изучению драматургического наследия тех лет стало переиздание многих пьес того периода в современной орфографии: так в серии «Regents Renaissance Drama Series» вышли многие пьесы Дж. Шерли, Ф. Мэссинджера, Р. Брума, в результате чего начал появляться интерес современного театра к этим драматургам. Зарубежные критики сходятся во мнении, что новаторская драма времен правления Карла I заложила основу и подготовила плодородную почву своим преемникам для создания «комедии нравов» - ведущего жанра в эпоху Реставрации, являясь связующим звеном «от комедии Джонсона к комедии Уичерли» [18, с. 251].

Современная отечественная критика не слишком активно отреагировала на новые изыскания зарубежных коллег в области английской драмы XVII в. Тем не менее некоторые попытки представить драму тех лет российскому читателю все же делались в конце XX в. К ним несомненно принадлежит сборник пьес «Младшие современники Шекспира». В предисловии к сборнику А.Н. Горбунов при общем традиционном подходе к драматургии той эпохи отмечает, что, несмотря на «процесс постепенного сужения горизонтов

английской драмы», некоторые пьесы «открывали и определенную перспективу» для ее развития [4, с. 42]. Этим сборником наметилась тенденция к переосмыслению творчества отдельных драматургов 20-42гг. XVII в. и их роли в обеспечении преемственности в эволюции драматического искусства от драмы тех лет к драме Реставрации, которую автор сборника отмечает, проводя параллели между драматургией Дж. Форда и Т. Отвея: «Лучший трагедиограф эпохи Реставрации многому научился у автора «Разбитого Сердца», Дж. Форда и «героической драмой» Дж. Драйдена [4, с. 42].

К сожалению, новые тенденции в интерпретации драмы этого периода не получили дальнейшего развития. После первых шагов в направлении объективного исследования процессов, происходивших в английской драматургии XVII в., отечественное литературоведение не слишком продвинулось вперед. Драма периода правления Карла I в целом все еще остается «Terra Incognita» в отечественном литературоведении: слабо представлено творчество драматургов тех лет, отсутствует анализ драматургии в контексте исторических реалий предреволюционных десятилетий, ее социально-политического и литературно-эстетического характера, что не позволяет осмыслить и правильно оценить ее роль в реформации английской драмы XVII в. Этот пробел, несомненно, требует к себе серьезного внимания: он затрудняет понимание процесса эволюции английской драмы, преемственности традиций, формирования новых художественных средств, заложивших в своих недрах качественно новую эстетику, которая уже в конце века найдет выражение в драме эпохи Реставрации, в частности «комедии нравов».

Список литературы

1. Аникст А.А. Современники Шекспира// Современники Шекспира. В 2-х т. М.1959. Т.1.
2. Булгаков А.С. Театр и театральная общественность Лондона эпохи расцвета торгового капитализма. Academia. 1928.
3. Виппер Ю.Б., Самарин Р.М. Курс лекций по истории зарубежных литератур XVII века. М. 1954.
4. Горбунов А.Н. Драматургия младших современников Шекспира// Младшие

- современники Шекспира. М. 1986.
5. Джонсон Б. Всяк в своем нраве//Драматические произведения. Л.1931.
  6. Зонина Н.В. Лондонская комедия в английской драматургии первой половины ХУ11 века//Сборник статей по материалам УШ научно-методической конференции «Англистика ХХ1 века», посвященная памяти профессора С.В.Воронина. Санкт-Петербург. 2016
  7. История английской литературы/ Под. ред. М.П. Алексеева, И.И. Анисимова и др. М.-Л. 1945. Т.1.
  8. История западноевропейского театра / Под. ред. С.С. Мокульского. М. 1956. Т.1.
  9. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М. 1982.
  10. Ступников И.В. Английский театр. Конец XVII – начало XVIII века. Л. 1986.
  11. Урнов Д.М. Борьба пуритан против театра в эпоху Шекспира//Культура эпохи Возрождения и Реформации. Л. 1981.
  12. Чамеев А.А. Английская литература. Глава 18// Истории зарубежной литературы XVII века/ Под.ред. З.И. Плавскина. М.1987.
  13. Batler M. Theatre and Crisis 1632-1642. Cambridge.1984
  14. Champion L. "Tragic patterns in Jacobean and Caroline Drama". Tennessee. 1977.
  15. Leach C. Shakespeare's Tragedies and Other Studies. L. 1950.
  16. Thompson A.H. F History of English Literature. L. 1910.
  17. Thompson E.W.S. The controversy between the Puritans and the stage. NY.1903.
  18. Thorndike A. English Comedy. L.1929.

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, ТЕКСТОЛОГИЯ

УДК 821(811.512.5)

Гакрама К.М. Проблема карьеризма в рассказе Толена Абдикова «Қайырсыз жұма» («Неудачная пятница»).

Гакрама Каламкас Муратовна

канд. филол. наук
ассоц. проф. факультета общеобразовательных дисциплин
Казахская головная архитектурно-строительная академия
РК, г. Алматы, gakrama@mail.ru

The problem of careerism in the story of Tolen Abdikov "Kairsys Zhuma" ("Bad Friday")

Gakrama Kalamkas Muratovna

Candidate of Philology, Associate Professor of faculty of general disciplines
Kazakh Leading Academy of Architecture and Construction
Kazakhstan, Almaty

Аннотация. В этой статье рассматривается проблема карьеризма на основе портрета главного героя рассказа Толена Абдикова «Қайырсыз жұма». Герой рассказа

становится заложником своего положения, достигнутой должности. Автор остро осуждает стереотип мышления такого «чиновничества», обреченного на пустую жизнь и печальный исход. Т.Абдиков проповедует человечность, при этом он отрицает личность, более того, он называет ту самую преграду, которая мешает человеку возвыситься и создать достойное общество.

Ключевые слова: главный герой, образ, автор, литература, фигура.

Abstract. This article deals with the theme of careerism on the basis of a portrait of the main character in the novel T.Abdikov "Kairsys zhuma" ("Bad friday"). The hero of the story becomes a hostage of his position, reached the post. The author sharply condemns a stereotype of thinking of such "officials" doomed to empty life and a sad outcome. T. Abdikov preaches humanity, at the same time he denies the personality, moreover, he calls that barrier which prevents the person to tower and create worthy society.

Keywords: the protagonist, image, the author, literature, the figure.

Глубокая философская парадигма взаимоотношения общества и личности включает в себя ряд вопросов и предопределяет актуальность литературоведческих исследований. Проблема карьеризма неразрывно связана с вопросами одиночества, отношения к семье, гибели души в окружающем обществе, что является причиной разрушения родственных и дружеских связей. Централизует же все эти вопросы проблема вечного и временного. В художественной литературе рассматриваются судьбы всего человечества, поднимаются непреходящие проблемы, актуальные для человека любой эпохи. Писатели XX века не раз поднимали проблему карьеризма, особенно этот вопрос рассматривался в исследованиях сатирических произведений, где зачастую ироническая часть комедии достигала апогея трагедии – внезапной смерти героя. Одной из проблем прошлого являлось чиновничество и карьеризм, что актуально и в современности. В определенном понимании карьеризм действительно может быть разрушительной силой, так как проблема возникает тогда, когда вопросы карьеры вступают в сложные отношения с общечеловеческими ценностями.

В небольших произведениях Толена Абдикова зачастую заложен глубокий смысл, обозначить который можно только благодаря художественным деталям, раскрывающим читателю основную идею. Рассказ «Қайырсыз жұма» представляет собой сюжет закрытого типа, где каждый

эпизод и ключевое событие представляют собой развертывание единого конфликта [2, 37]. В этом произведении автор повествует о трагедии, случившейся с одним чиновником. Главным героем является человек, занимающий пост министра. Он является заложником своего кресла, мало того, все его окружение находится в плену его должности. Трагедия состоит в том, что однажды преданный и верный своему делу человек лишается высокой должности, в которой как оказалось и заложен смысл его жизни. У героя нет настоящих друзей, нет по-настоящему близкого человека, есть лишь всепоглощающая работа. Автор затрагивает тему одиночества, поскольку главный герой одинок несмотря на наличие семьи: «Сүйген жары көрікті. Өзінен айнымайтын ұлы, әйелінен айнымайтын қызы бар» [6, с. 284] (Любимая жена очень привлекательна. Имеет сына, как две капли похожего на него и дочь, похожую на жену).

Прочитав этот рассказ нельзя не вспомнить короткий, но очень глубокий по содержанию рассказ А.П.Чехова «Смерть чиновника», в котором аналогично затрагивается тема карьеризма. В сатирическом рассказе Чехова неожиданный и комический конец заключается в излишнем преклонении перед высоким чином генерала. Смех, по мнению Э.Фесенко, — особая, эмоционально отраженная критика, острая и доходчивая. Комические положения всегда разрешимы, смех оказывается той жизнеутверждающей силой, которая беспощадно разит призраки прошлого, расправляется с пороками. В литературе наблюдаются все оттенки и разновидности комического: шутка, насмешка, юмор, ирония, сарказм, сатира, которая в реализме становится одним из способов типизации жизни [3, 771]. А.П.Чехов пытается протестовать подавлению человеческой личности и ярко показывает последствия такого обращения: образом сатиры является мелкий чиновник, который без особых причин находится в постоянном замешательстве. Чиновник же Толена Абдикова не осмеян, но осужден, ведь находится в растерянности перед будущим «без кресла». Чиновник с говорящей фамилией Иван Дмитриевич Червяков - герой насмешки. Абен Ильясович – чиновник и объект осуждения.

Тема маленького человека описана в рассказе Чехова достаточно комично: «Я вчера приходил беспокоить ваше —ство, — забормотал он, когда генерал поднял на него вопрошающие глаза, — не для того, чтобы смеяться, как вы изволили сказать. Я извинялся за то, что, чихая, брызнул-с..., а смеяться я и не думал. Смею ли я смеяться? Ежели мы будем смеяться, так никакого тогда, значит, и уважения к персонам... не будет...— Пошел вон!! — повторил генерал, затопав ногами. В животе у Червякова что-то оторвалось. Ничего не видя, ничего не слыша, он попятился к двери, вышел на улицу и поплелся... Придя машинально домой, не снимая вицмундира, он лег на диван и... помер» [4, 165]. Если у Чехова герой хочет предупредить потерю должности или чина ненужными извинениями, то министр Т.Абдикова не вынесет уже де-факто потери должности. Трагедийность рассказа сопровождается почти традиционной для произведений Т.Абдикова неожиданной смертью главного героя: «Әйелі, бала-шағасы өзінен бөлініп, қол жетпейтін, дауыс жетпейтін жерге алыстап барады. «Әттеген-ай!» – демек болды, тағы да үні шықпады. Кенет әлдекім өзегін ыстық темірмен күйдіріп өткендей болды да, Әбен есінен танды. Инфарктан қайтыс болды» [6, с. 288] (Супруга, дети вдруг отдалились настолько, что к ним невозможно было приблизиться и услышать их. «Эх!» - значит всё, снова молчание. Вдруг он почувствовал мгновенную обжигающую боль, словно его прожгли раскаленным железом, Абен упал без сознания. Умер от инфаркта).

Сатирическое осмысление чиновничества вызывает нелепая настойчивость Червякова, а жалость порождает его непрерывное унижение себя, его надоедливые извинения привели генерала в ярость. Червяков, самоунижаясь, отрекается от своего человеческого достоинства и умирает из-за крика, доведенного до агрессии генерала. В рассказе порождается конфликт чиновника и генерала, причем конфликт не оправдан, а выдуман самим главным героем - Червяковым. Осуждение героя Толена Абдикова сопровождается сравнением с карьеризмом как всеобщим заболеванием, наконец, грехом. Сам автор пишет об этом герое следующее: «Ол үшін бала-

шағаның, ата-ананың, жұбайының амандығы жұбаныш емес, туған-туыстарының жеткен жетістіктері де алданыш бола алмайды. Адамдардың көбі Мефистофельге жанын сатқан Фауст секілді ғой. Орын үшін арын да, жанын да сатып жіберген мына шенеуніктер сияқты» [5, с. 34] (Ни в чем он не может найти умиротворение: ни в здравии родителей и супруги, ни в успехе родственников. Многие люди являются своего рода Фаустами, продавшими душу Мефистофелю. А ради должности и кресла готовы пожертвовать душой и честью как чиновники).

Герой-карьерист далеко не редкий излюбленный образ в литературе. Многие писатели обращались и продолжают возвращаться к этой проблеме. Одним из писателей, поднимавших тему духовной красоты, является Иван Алексеевич Бунин. Так, в рассказе «Господин из Сан-Франциско» он повествует о человеке, который всю свою жизнь посвятил тому, чтобы оказаться в списке самых богатых и влиятельных людей, но скоропостижно скончается и окажется на самом дне корабля именно в тот момент, когда достигнет вершины американской мечты и решит наконец наслаждаться и жить полной жизнью. Бунин четко проводит границы бессмысленной жизни и незаметной смерти. Близкие люди господина, потеряв отца или супруга, практически не заметили его отсутствия, ведь он не уделял им внимания и не проводил с ними время ранее. Более того, автор не наделил героя даже именем, поскольку это был обыкновенный посредственный человек.

В свою очередь портрет главного героя рассказа «Қайырсыз жұма» лишен будущего без высокого поста. Историю жизни героя автор дает не в начале произведения, а в конце, привлекая ретроспективное повествование для более четкого очерчивания образа: «Әбен іскер де бейнетқор еді. Атқа ерте мінуіне себепкер болған да осы қасиеті. Ең алғаш комбинатқа келгенде директордың көзіне түсті. Әбен өлген-тірілгеніне қарамай жұмыс істеуді үйренді. Соның арқасында жақсы атқа ілігіп, бұған жоғарғы жақ көңіл аудара бастады. Жиырма жеті жасында комбинатқа директор, одан министрдің орынбасары, ақыры министр болып тағайындалды» [6, с. 284] (Абен был очень трудолюбив. И

благодаря этому очень преуспел в жизни с молодости. Его сразу заметил директор комбината. Абен научился много работать, не взирая ни на что. В результате руководство стало обращать на него внимание. Уже в 27 стал директором комбината, затем заместителем министра, далее вырос до министра).

Особое внимание автор уделяет профессиональному портрету героя, поскольку подчеркивается его трудолюбие, отличное выполнение должностных обязанностей и его быстрое, несмотря на молодость, повышение по служебной лестнице. Автор приводит много положительных деталей, но вместе с тем осуждает такое «вакуумное», ограничивающее жизненное описание. Человек по мнению автора не должен отдаляться от других позитивных моментов жизни, нельзя концентрироваться только на министерском кресле, притесняя свою жизнь оковами должности. С первых страниц рассказа описываются кабинет героя, рабочие моменты, интерпретируется феномен сознания одинокого человека, связанного по рукам и ногам карьерой: «Үй ішіндегі адамдардың тіршілік белгісін – дем алысын, жүрек жылуын сезіп отырған жоқ. Ғайыптан пайда болған беймәлім жалғыздық қасынан үйріліп шықпай жүр. Шын сенісіп, сырласатын досы да жоқ екен. Өзін өмір бойы құл қылған, арына да, жанына да кісен салған, бауырдан, достан айырған, елден айырған тақсыр Қызмет екен» [6, с. 285, 287] (Он не чувствовал дыхание и тепло сердец близких людей. Какое-то неопределимое одиночество всегда было с ним. Близкого и хранящего тайны друга никогда не было. Он стал жертвой и рабом, заложником «Должности», которая обескровила его организм, притупила понятия чести, души, друзей и близких).

Тема одинокого образа в литературе традиционна, если не сказать закономерна, одиночество нередко является одной из основных качеств портрета в психологической прозе. Портрет главного героя рассказа «Қайырсыз жұма» идентичен с персонажем повести «Ақиқат», параллель объясняется тем, что внешне Роберт и Эбен очень красивые и на вид счастливые люди, но в душе они глубоко одиноки: «Эбен сырт көзге шын бақытты адам болып

көрінуге тиісті. Әбеннің өзі келбетті, ажарлы жігіт. Жұрт мұның мінезін орнықты, сабырлы деп ойлайтын» [6, с.284,286] (Абен должен был выглядеть счастливым. Внешне это был очень привлекательный мужчина. Люди считали его спокойным и уравновешенным).

Верен своей традиции автор и в предистории, предшествующей кульминации. В микросюжете автор использует намек, предвидение, расшифровывающее общий сюжет. Маленькая сцена в последние часы его министерской должности предсказала и предопределила его дальнейшую судьбу. Встреча главного героя, Абена Илиясовича, с второстепенным героем – Койбагаровым Аманом Койбагаровичем была неслучайной, поскольку подчиненный пришел просить повышения и жаловался на то, что его сняли с должности начальника цеха. Т.Абдиков подробно останавливается на внешних данных посетителя и подчеркивает его заурядность, описывая типичного нижестоящего по должности чиновника: «Жұқалау шашын бір жағына мұқият тараған, бұғағы мен екі шықшыты бұлтиып тұрғаннан төбе жағы шошақтау көрінеді. Шолақ мұрын, қой көз – көшеде ең көп кездесетін, сосын да есте қалмайтын елеусіз бет пішін. Адамға тура қарамайды, жасқаншақ, бірақ көзге іліне бермейтін әлдебір қимыл-қозғалысынан, сөз саптасынан министрден басқа адамға, әсіресе, қарамағында істейтіндерге бір көрсетіп қалатын мінезінің де жоқ емес екені байқалып тұр» [6, с. 275] (Тонкий волос был тщательно зачесан на одну сторону, верхушка за счет двух выступающих боков выглядела приподнято. Лицо не запоминающееся, поскольку карие глаза и короткий нос – наиболее распространенные черты лица, встречающиеся в округе. Прямо в глаза не смотрел, скромный, неприметный. Мог проявить характер по отношению к коллегам, за исключением министра, у которого был в подчинении). Дело в том, что начальника цеха понизили до уровня мастера, в материальном отношении он ничего не потерял, но потерял в моральном плане. Подобное на себе чуть позже испытает и главный герой, через какие-то минуты после этой встречи его самого снимут с работы. Жизнь перевернулась в одно мгновение, изменилось настроение, изменились взгляды на будущее,

уверенность в себе и завтрашнем дне превратилась в страх перед новой жизнью. Человек потерял покой, ведь он еще утром зашел в здание министром, а вышел простым человеком, не имеющим ничего общего со своим кабинетом и личным шофером. Его охватили переживания и боль, о себе напомнили старые болячки – разболелись зубы и вся челюсть, разболелся и шейный позвонок, автор очень четко описывает состояние главного героя: «Күш-куатынан айрылып, құр сүлдері қалғандай, бүкшіп, басын көтермеген күйі хатшыға қолын созды. Әбен есеңгіреген күйде айбақ-сайбақ жазумен өз еркімен жұмыстан босатуды өтініп, арыз жазды» [6, с. 281] (Потеряв все силы, будто остались кожа да кости, скрючившись, не поднимая головы, он протянул руку секретарю. Абен вынужденно, в смутном сознании, собственноручно написал заявление по собственному желанию).

Он хотел бороться за свою должность, хотел что-то предпринять, затем пытался забыть и не думать о последствиях, о предстоящей сцене с женой. Но пламень устрашающих мыслей душил его все больше и сильнее, он тушил в себе этот пожар души аутотренингом. Это объясняется тем, что он оказался вне игрового поля, был неожиданно удален и потерял свое предназначение. В одном из своих произведений философского толка Толен Абдиков выделяет несколько недостатков людей, одно из которых – карьеризм. Т.Абдиков проповедует человечность, при этом он отрицает личность, более того, он называет те самые преграды, которые мешают человеку возвыситься и создать достойное общество. Как когда-то Абай определил пять отрицательных черт характера (Өсек, өтірік, мақтаншақ, еріншек, бекер мал шашпақ – бес дұшпаның, білсеңіз... [7, с. 181] - сплетни, ложь, хвастовство, лень и расточительство есть пять согрешений), в свою очередь Т.Абдиков выделяет десять плохих качеств, разрушающих личность человека:

1. Жестокость
2. Зависть
3. Ревность
4. Любовь к деньгам

5. Любовь к спиртному
6. Любовь к женщинам
7. Эгоизм
8. Карьеризм
9. Жадность
10. Высокомерие.

Карьеризм в современное время – это бич общества, который зачастую и порождает плохие поступки людей. Человек, будучи карьеристом, торопится добиться личного успеха, продвижения, порой забывая о вечных истинах человеческого бытия. Стремление человека достичь успехов в соответствии с личными целями в таких сферах жизни, как высокая должность, признание коллег, лидерство и власть, зачастую остаются неоправданными, поскольку человек начинает понимать бессмысленность своей жизни гораздо позднее, чем следовало. Стремление к должности направлено на личные цели человека и может быть косвенно направлено на достижение материальной выгоды. Нельзя не сопоставить героя Толена Абдикова и типичного представителя карьеризма в литературе - Молчалина из комедии Грибоедова «Горе от ума». Головокружительная карьера и богатство становятся целью в жизни, будучи молодым секретарем и хорошо устроившись в доме невесты, Алексей Степанович видит высшее счастье в том, чтобы припеваючи жить и получать награды. Чацкий же видит в сопернике недостойность и презирает такое мирозерцание, но будет осмеян обществом. Грибоедов ярко показал погоню за чином и личными успехами, передав последующим поколениям мысль о карьеризме как отрицательном общественном явлении.

Достаточно подробно и доступно рассказал о погоне за карьерой, стремлении к личному благополучию, продвижению по службе в личных интересах выдающийся знаток русской и мировой культуры - Д.С. Лихачев. В своих письмах о добром и прекрасном он помогает молодым учиться жизни и идти ее сложными путями, познавая все самое лучшее. В одиннадцатом письме «Про карьеризм» он говорит следующее: «Человек с первого дня своего

рождения развивается. Он устремлен в будущее. Зрелость. Надо жить настоящим, но разгон сохраняется, и вот вместо учения наступает для многих время овладения положением в жизни. Движение идет по инерции. Человек все время устремлен к будущему, а будущее уже не в реальных знаниях, не в овладении мастерством, а в устройстве себя в выгодном положении. Содержание, подлинное содержание утрачено. Настоящее время не наступает, все еще остается пустая устремленность в будущее. Это и есть карьеризм. Внутреннее беспокойство, делающее человека несчастным лично и нестерпимым для окружающих [1, с.98]. Герой рассказа «Қайырсыз жұма» становится заложником своего положения, достигнутой должности, обрекает себя на однобокую бессмысленную жизнь. Автор остро осуждает стереотип мышления такого «чиновничества», обреченного на пустую жизнь и печальный исход.

Таким образом, персонажная сфера художественных произведений русской и казахской литературы имеет тенденцию развития проблемы карьеризма, а примеры Червякова и Абена Ильясовича становятся в один ряд с вечными образами — литературными персонажами, получившими многократное воплощение в словесности разных стран и эпох. Героев роднит тяга к особому положению, должности или признанию окружающего общества. В своих произведениях нередко писатели обличают пороки общества, конгломератом главного героя повестей, романов, пьес и рассказов является образ карьериста, соединяющий в себе черты одинокого и обыкновенного человека со своим взглядом на жизнь, психологический портрет которого на примере героя Толена Абдикова мы попытались рассмотреть в данной статье.

Список литературы

1. Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном / Сост. и общая ред. Г.А.Дубровской. Изд. 3-е.-М.:Дет.лит.,1989.-238 с.
2. Михайличенко Б.С. Проблемы литературоведения: теория литературы. Монография. - Самарканд: СамГУ, 2009.-182 с.
3. Фесенко Э.Я. Теория литературы: учебное пособие для вузов / Э.Я. Фесенко. - Изд. 3-е, доп. и испр. - М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 2008.-780 с.
4. Чехов А.П. Смерть чиновника//Полное собр.соч. в 30 т. Т.2. -М.:Наука, 1975.-350 с.
5. Әбдіков Төлен. Адам сыртқы қайшылықты өз ішінен іздеуі керек. / Жұлдыздар

- отбасы. - Республикалық жастар журналы. №6 (72) Наурыз 2010.-52 б.
6. Әбдіқұлы Төлен. Оң қол. Повестер мен әңгімелер. – Алматы, Атамұра, 2002.-352 бет.
7. Кунанбаев Абай. Шығармалары. А.:Атамұра, 1995.-560с.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 81

Блинова О.А. Ткаченко К.А. Дискурс современного телесериала как разновидность медиадискурса

Блинова Ольга Александровна

канд. филол. н., старший преподаватель
кафедры англ. яз. № 3 МГИМО МИД России, Москва
o.blinova@mgimo.ru

Ткаченко Карина Анатольевна

старший преподаватель
кафедры англ. яз. № 3 МГИМО МИД России, Москва
karina.a.tkachenok@gmail.com

The Discourse of Television Series as Media Discourse

Blinova Olga Alexandrovna

PhD in Philology, Assistant Professor
English Language Department No.3
MGIMO-University, Moscow, Russia

Tkachenok Karina Anatolievna

Assistant Professor
English Language Department No.3
MGIMO-University, Moscow, Russia

Аннотация. Целью исследования является уточнение жанровой принадлежности дискурса современного англоязычного телесериала, посвященного остросоциальной тематике. Согласно гипотезе настоящего исследования, дискурс современного телесериала является разновидностью медиадискурса. В статье рассматриваются соотношения терминов «дискурс» и «медиадискурс». Жанровая принадлежность дискурса современного англоязычного телесериала обсуждается с учётом работ ряда отечественных и зарубежных учёных – теоретиков медийного дискурса. Обосновывается применение к анализу дискурса телесериала метода критического анализа дискурса по Т. Ван Дейку. В ходе исследования дискурс современного телешоу обнаруживает широкий ряд признаков, присущих медийному дискурсу: телесериал транслирует основные идеи, бытующие в обществе в конкретный момент его развития, и сам влияет на воззрения представителей социума. В статье описывается характер и степень воздействия транслируемых в телесериалах идей на общество в их связи со средствами массовой информации.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о принадлежности дискурса телесериала к дискурсу масс медиа.

Ключевые слова: дискурс телесериала, медиадискурс, критический анализ дискурса, жанровые особенности дискурса, медиалингвистика.

Abstract. The purpose of the article is to define the genre of contemporary TV series discourse. The authors postulate that contemporary TV series discourse is a type of mass media discourse and, therefore, can be analyzed within the framework of T. Van Dijk's critical discourse analysis. The article explores the existing definitions of discourse and media discourse. By analyzing plots and situations presented in TV shows of today the article provides an insight into pragmatic nature of this genre: modern TV series shape the views of representatives of modern society and at the same time are shaped and modified by the latter. TV shows and mass media are juxtaposed in the course of research which results in a range of common ideological features. The analysis leads to the conclusion that contemporary TV series form part of media discourse.

Key words: TV series discourse, media discourse, critical discourse analysis, discourse genres, media linguistics.

Статья подготовлена в рамках гранта МГИМО МИД России на выполнение научных работ молодыми исследователями под руководством докторов и кандидатов наук в 2018 г.

Жанровые и языковые особенности дискурса телесериалов всё чаще и чаще становятся объектом исследований лингвистов. В фокус попадают проблемы перевода [4; 6], анализ прагматических характеристик диалогов [10], социалингвистические и гендерные вопросы [12] и др.

Целью настоящего исследования является уточнить жанровую принадлежность дискурса современного англоязычного телесериала, посвященного остросоциальной тематике. **Гипотезу исследования** мы формулируем следующим образом: дискурс современного телесериала является разновидностью медиадискурса.

Материалом для исследования послужили телесериалы Bodyguard («Телохранитель») и The House of Cards («Карточный домик»), а также посвященные им статьи в ведущих англоязычных изданиях.

Теоретические основания исследования. Целый ряд ученых-лингвистов доказывает, что изучение языка телевидения вообще и телесериала в частности может и должно вестись через призму критического анализа дискурса [8]. Т.

Ван Дейк, описывая принципы критического анализа дискурса, помещает исследование в остросоциальный контекст. Исследователь должен ответить на вопрос, как устный и письменный текст становится либо инструментом злоупотребления властью, насаждения неравенства, установления отношений доминирования и т. д., либо же инструментом сопротивления [2]. В данной связи растет важность социокогнитивного подхода в рамках критического анализа дискурса. Такой подход предполагает анализ социальных функций, когнитивных структур, а также дискурсивных средств выражения и воспроизведения [2; 8].

Методология критического анализа дискурса применяется в лингвистических исследованиях самого разного телеконтента, затрагивающего остросоциальную тематику, в частности языка новостных и аналитических телепрограмм [9], реалити-шоу [2] и др. В связи с этим встают два исследовательских вопроса: во-первых, является ли дискурс телесериала типом медиадискурса; во-вторых, целесообразно ли применять к дискурсу телесериала метод критического анализа дискурса.

Для ответа на эти вопросы необходимо определиться с терминологией, обратившись к существующим исследованиям.

Первым термином, о котором следует условиться, является «дискурс». Абсолютное большинство как отечественных, так и зарубежных ученых сходится во мнении, что термин «дискурс» многозначен и обозначает сложное, многогранное явление. Для нашего исследования целесообразнее всего исходить из трактовки этого понятия, предложенной Т. Ван Дейком. В широком смысле под дискурсом мы будем понимать комплексное коммуникативное событие, происходящее между адресантом и адресатом, а в узком — продукт этого взаимодействия, конкретный текст [2].

Вторым термином, подлежащим определению и уточнению для целей нашего исследования, является «медиадискурс». Под медиадискурсом понимают «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия

(...)), т.е. «медиадискурс, рассматриваемый как любой вид дискурса, реализуется в сфере массовой коммуникации» [3, с. 118].

Согласно [2; 8], характерной особенностью медиадискурса как вида дискурса является опосредованная форма его реализации через ту или иную платформу вещания. Адресатом медиадискурса является относительно массовая читательская, зрительская или радиоаудитория. При этом субъект, производящий дискурс, не может в этот момент получить от адресата обратную связь. Несмотря на наличие возможности оставить комментарий под статьей, или же позвонить в теле/радиостудию, или направить смс-сообщение, эти формы обратной связи, тем не менее, отложены во времени по сравнению с другими типами дискурса. Таким образом, медиадискурс как процесс публичен и создан специально (manufactured). Медиадискурс как продукт оказывается сохранен на носителе информации. В отличие от бытовой коммуникации, медиадискурс не носит частный характер и всегда предполагается, что его продукт идет под запись.

Эту точку зрения разделяет и М.Р. Желтухина: «определим медиадискурс как связный, вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов. (...) Медиадискурс носит опосредованный характер, т. е. между адресантом и адресатом есть дистанция — пространственная и/или временная» [5, с. 292]. Кроме того, М.Р. Желтухина определяет медиадискурс как полевою структуру, обладающую центром и периферией. В центре находятся прототипные жанры, а на периферии — маргинальные, чья природа неоднородна и находится на стыке других типов дискурса. Нельзя не отметить и жанровое многообразие медиадискурса, который имеет точки пересечения с другими разновидностями институционального и неинституционального дискурсов.

Определившись с основной терминологией, обратимся к двум главным возражениям, почему дискурс телесериала может быть невозможно отнести к медиадискурсу.

Во-первых, отметим не спонтанный характер речи персонажей: телесериал является художественным произведением. В связи с этим лингвистический анализ языка телесериала может показать резкий контраст между чрезмерно четкой и правильной речью персонажей, следующих сценарию, и аутентичной спонтанной речью телевидения, изобилующей повторами, неясностями, логическими нестыковками и т.д., т.е. всеми основными характеристиками естественной устной речи. Однако, то обстоятельство, что речь персонажей телесериала — не спонтанна, а следует прописанному заранее сценарию, не является, по нашему мнению, значимым препятствием тому, чтобы отнести дискурс телесериала к медиадискурсу. Речь ведущего новостной передачи, реалити-шоу, участника ток-шоу или теледебатов точно также не является спонтанной, а подчиняется заранее созданному сценарию. Кроме того, любая телепередача, как и художественное произведение, имеет целью передать определенный месседж, или, иными словами, «стремится рассказать историю». Кроме того, грань между телесериалом как художественным произведением и документальным продуктом или же реалити-шоу не такая явная, как может показаться на первый взгляд. Например, один из высокорейтинговых телесериалов американского телеканала HBO *The Wire* (2002–2008) намеренно снят с участием непрофессиональных актеров и с увеличенной долей импровизации в кадре. Эти характеристики превратили его в объект анализа лингвистов и заставили поднять вопрос о границах разных жанров телевизионных продуктов [13].

Кроме того, популярные телесериалы могут сами выступать и двигателем языковых изменений в естественной речи. Так, например, существуют исследования, прослеживающие связь между быстрым распространением определенных фонетических изменений в речи подростков Глазго и популярностью британского сериала *EastEnders*, героям которого шотландские

подростки и подражали [11].

Вторым возможным возражением является цель, которую преследует автор дискурса. Для художественного произведения доминирующей целью традиционно считают эстетическое воздействие на реципиента, в то время как медиадискурс стремится не только и не столько к эстетике, сколько к информационному и идеологическому воздействию на реципиента. Однако, как художественное произведение может стать инструментом идеологического воздействия, так и производители телеконтента вообще, и телесериала в частности, не ограничиваются какой-либо одной целью. Телесериал, особенно высокорейтинговый, стремится не только выполнить развлекательную функцию, но и нередко включается в широкий контекст общественно-политического дискурса как элемент идеологической борьбы и пропаганды, см. [7; 13].

Таким образом, на основании анализа литературы можно сделать следующий вывод: дискурс телесериала реализуется в контексте массовой коммуникации, охватывает массовую аудиторию, предполагает дистанцию между адресантом и адресатом, имеет целью воздействовать на реципиента эстетически, информационно и идеологически. Вышеперечисленные характеристики позволяют говорить о дискурсе телесериала как о типе медиадискурса. Вместе с тем, в жанровом отношении телесериал — художественное, а не публицистическое или документальное произведение, и в силу этого его можно отнести не к центру, а к периферии поля медиадискурса.

О возможности отнесения дискурса телесериала к медийному дискурсу говорит и характер его рецепции со стороны целевой аудитории.

Дискурс телесериала как социально-когнитивный и социально-регулятивный инструмент. В результате своего исследования особенностей массмедийного дискурса Е. С. Абрамова [1] делает вывод о том, что дискурс массмедиа – это социально-когнитивный и социально-регулятивный механизм, непосредственно направленный как на социальное самопознание, так и на социальное конструирование, а также на объективацию и моделирование

общественного сознания (объективированной в совокупности публично заявленных текстов рефлексии общества своей действительности и деятельности) и общественного мнения (оценочного суждения относительно социальной действительности и деятельности) посредством производства, тиражирования и регулярной доставки широкой аудитории социально значимых смыслов и оценок. Применяя выводы учёного к объекту настоящего исследования (современным телесериалам), мы получаем возможность говорить о дискурсе телешоу как о явлении, обладающем потенциалом социального конструирования и моделирования как сознания, так и мнения общества. Подобно тому, как «дискурс массмедиа чувствителен к контексту актуального социального бытия, обозначенного социальным фактом, а также к контексту актуальной идеологии», дискурс современного телесериала отражает контекст жизни и развития социума: «Он непосредственно направлен на общественное сознание и формирование актуального общественного мнения».

[1].

Дискурс телесериала как канал трансляции феминистических идей. Одним из доказательств того, что сериалы являются отражением состояния современного общества и воззрений, бытующих в нем, служит воплощение столь характерных для социума идей феминизма в эпизодах ряда известных телесериалов. Популярная политическая драма «Телохранитель» (“The Bodyguard”), вышедшая на канале BBC в 2018 году, вызвала широкий общественный резонанс как одно из наиболее феминистически окрашенных шоу современности. Обращают на себя внимание заголовки статей, опубликованных за последнее время в авторитетных изданиях. Рассмотрим некоторые из них:

1. Bodyguard shows how underestimating a woman can prove fatal. (рус. *«Телохранитель демонстрирует, как опасно недооценивать женщину»*, здесь и далее перевод наш. — *Авторы*).

2. Bodyguard’s Nadia shows the danger of underestimating female jihadis. (рус. *«Телохранитель: Надя показывает, как опасно недооценивать женщин-*

джихадисток»).

BBC's Bodyguard 'swapped one stereotype of Muslim women for another', Islamic feminist scholar says. (рус. «Телохранитель канала BBC "заменяет один стереотип о мусульманских женщинах другим", — заявляет эксперт феминистского направления исследований»).

3. The character of Nadia, who was stopped by the show's hero David Budd from detonating a suicide vest on a packed train in the opening episode, was initially portrayed as a weak woman oppressed by her jihadi husband. (рус. «Героиня Надя, которую главный герой шоу Дэвид Бадд остановил при попытке взорвать на себе жилет, начинённый взрывчаткой, в переполненном поезде изначально была изображена как слабая женщина, угнетенная мужем-джихадистом»).

4. By the series finale, Nadia was revealed as a skilled engineer who had built the bomb that killed Home Secretary Julia Montague. («К финалу сериала Надя оказывается опытным инженером, который произвёл бомбу, убившую госсекретаря Джулию Монтаг»).

5. Nadia told police: "You all saw me as a poor, oppressed Muslim woman. I am an engineer. I am a jihadi." (рус. «Надя сказала полиции: "Вы все видели меня бедной, угнетенной мусульманской женщиной. Но я инженер. Я джихадист"»).

Интересной в этом отношении является статья dailymail.co.uk, посвящённая той же политической драме: Women rule the roost in BBC's new drama Bodyguard as 7 million tune in to watch first episode. (рус. «Женщины правят бал в новой драме BBC, в просмотр первого эпизода которой включаются семь миллионов»). Этот заголовок статьи в Daily Mail сразу сообщает читателю о феминистической направленности политической драмы. Одной из ключевых идей здесь является: Many praised BBC's 'bold change' for casting women in traditionally male roles. (рус. «Многие положительно отозвались о "смелом выборе" женщин-актрис для исполнения традиционно мужских ролей»). Примечательным здесь является факт, что создатели сериала выбирают женщин на роли сапера, главы полиции, полицейского снайпера, а также госсекретаря.

Таким образом, феминистические идеи, проявляющиеся в современном обществе и находящие отражение в многочисленных средствах массовой информации, широко распространены в популярных сериалах, транслируемых известными телеканалами, которые давно заслужили доверие общественности.

Дискурс телесериала как канал трансляции политических взглядов.

Американская политическая арена, выступающая фоном для основных событий в эпизодах сериала “The House of Cards” (рус. «Карточный домик»), нередко выходит на передний план в повествовании, диктуя последующие шаги героев, а зачастую объясняя их поведение. Следует также отметить уровень политической грамотности, необходимый зрителю для глубокого понимания событий в эпизодах сериала. Согласно сюжету, Френсис Андервуд – партийный организатор, член Палаты представителей США от Демократической партии, например, термин whip и обязанности партийного организатора часто объясняются на страницах многих изданий.

Наблюдая за деятельностью главного героя политической драмы, зритель получает подробное представление о данной должности и активности, связанной с ней.

Подобно тому, как мир обращает все внимание к экрану телевизоров или компьютеров во время предвыборных кампаний, аудитория всех стран наблюдает за дебатами и публичными выступлениями Фрэнсиса Андервуда. Появление героя Кевина Спейси в телестудии известной программы вызывает реакцию, способствует формированию общественного мнения, его выступление культивирует или меняет ценности. Наблюдая за поведением политических персонажей в эпизодах, зритель формирует собственную точку зрения на ряд важных политических вопросов. Подобно новостным сообщениям, события в популярных сериалах получают широкий общественный резонанс, обсуждаясь в прессе, социальных сетях, на многочисленных форумах.

Доказательством принадлежности дискурса телесериалов к медийному дискурсу служит также внимание, с которым современные СМИ относятся к индустрии телесериалов. Авторитетные издания публикуют интервью с

известными актерами телесериалов, посвящённые прототипам героев из реальной жизни, а также мировым событиям, которые удалось предсказать создателям телесериалов. Ярким примером в данном случае является интервью исполнительницы главной роли в сериале *The House of Cards* (рус. «*Карточный домик*»), опубликованное газетой *The Guardian* в преддверии очередного сезона известной политической драмы.

Новостная история с художественными элементами делает послание более информативным и предоставляет зрителю возможность приблизиться к обстоятельствам преступлений и решить для себя, чью сторону принять. Известно, что при написании сценариев популярных криминальных драм, таких как *The Jinx* (рус. «*Тайны миллиардера*»), *American Crime Story* (рус. «*Американская история преступлений*»), *Trust* (рус. «*Траст*»), фактический материал был тщательно отобран авторами сценария, а данные о реальных событиях верифицированы. События в сериалах рассказывают о случившемся в своей художественной манере, апеллируя, однако, к сознанию представителей аудитории, посредством тщательно изложенных фактов, зачастую прибегая к документальным съёмкам («*Тайны миллиардера*»), или используя реальные материалы дела в качестве иллюстрации (финал «*Американской истории преступлений*»).

«*Тайны Миллиардера*» — реальное журналистское расследование с реальным финалом, которое заставило все СМИ снова заговорить о событиях двадцатилетней давности. Независимое расследование, предпринятое командой канала НВО с целью заново осветить события того времени, когда известного американского миллиардера Роберта Дёрста обвинили в трёх убийствах, привело съёмочную группу к результатам, навсегда изменившим этот криминальный эпизод в американской истории. Особую ценность телесериалу придают часы интервью с самим Робертом Дёрстом. Таким образом, история, некогда получившая широкую огласку в СМИ, обрела новое звучание в результате работы команды канала НВО, являясь важной темой мировых изданий и в настоящий момент.

Выводы. Таким образом, телесериал являет собой часть медиадискурса, так как служит реализации ряда функций, главными из которых являются информирующая (как у новостной программы), развлекательная (как у многих телепрограмм), оценочная (так как события на экране срежиссированы и показаны сквозь призму оценки создателей, которые имеют своей целью реализацию той или иной прагматической установки), а также функция культивации/модификации ценностей (как у любой программы). Современные сериалы позволяют критически оценить политические ситуации, сформировать или пересмотреть взгляды на события в мировой истории, а также получить более четкое представление об исторических персоналиях.

Исходя из соображений, изложенных выше, считаем возможным рассмотрение современных телевизионных проектов с точки зрения их принадлежности к медийному дискурсу в силу их способности трансляции актуальных идей, присущих умам представителей общества на данном этапе его развития, а также потенциалу, направленному на порождение и модификацию идей в общественном сознании. Сюжеты современных телевизионных драм широко обсуждаются в различных средствах массовой информации: многочисленные авторитетные печатные и интернет издания уделяют большое внимание освещению и обсуждению событий в телесериалах, исполнители главных ролей нередко становятся гостями разнообразных телевизионных ток-шоу. В то же время события, изображённые в сериалах, зачастую являют собой картину действительности, современной обществу на конкретном этапе истории, а также очерчивают прогнозируемый путь дальнейшего его развития.

Список литературы

1. Абрамова Е.С. Массмедийный дискурс: сущность и особенности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2014. – № 12 (42): в 3-х ч. Ч.І. – С. 17–19.
2. Ван Дейк Т. А. К определению дискурса. Режим доступа: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (Дата обращения: 20.10.2018).
3. Грибовод Е.Г. Медиадискурс // Энциклопедия Дискурсология. Дискурс-Пи. –

2013. – Т. 10. – №3. – С.118–119.
4. Ерошин А.П. Эквивалентность и адекватность при переводе словесной игры в аудиомедиаальных текстах. Дисс... к.филол.н. – М., 2015. 197 с.
  5. Желтухина М.Р. Медиадискурс. // Энциклопедия Дискурсология. Дискурс-Пи. – 2013. – Т. 10. – №3. – С. 292–296.
  6. Петрова Е.Ю. Analysing the Ways to Translate Intertextual Elements in Films: Case Study of Series "Suits" // Лингвистический Вестник (Межвузовский сборник научных трудов). Вып. 11. – Брянск: РИО БГУ, 2018. – С. 72–87.
  7. Bednarek M. Corpus-Assisted Multimodal Discourse Analysis of Television and Film Narratives. In: Baker P., McEnery T. (eds) Corpora and Discourse Studies. Palgrave Advances in Language and Linguistics. Palgrave Macmillan, London, 2015.
  8. Lorenzo-Dus N., Blitvich P.G.C. Discourse approaches to the study of reality television In: Lorenzo-Dus N., Blitvich P.G.C. (eds) Real Talk: Reality Television and Discourse Analysis in Action. Palgrave Macmillan, London, 2013.
  9. Kowalik-Kaletka Z. The discourse of television news programs as a means of influencing on public opinion – an analysis based on the CDA. In: Media i Społeczeństwo : medioznawstwo, komunikologia, semiologia, socjologia mediów, 2012, 2. Pp. 29–39.
  10. Shuqin H. An Analysis of Humor in The Big Bang Theory from Pragmatic Perspectives. In: Theory and Practice in Language Studies, Vol. 2, No. 6, 2012. Pp. 1185–1190.
  11. Stuart-Smith J., Price G., Timmins C., Gunter B. Television can also be a factor in language change: Evidence from an urban dialect. In: Language 89 (3), 2013. Pp. 501-536.
  12. Sung C.C.M. Language and gender in a US reality TV show: An analysis of leadership discourse in single-sex interactions. Nordic Journal of English Studies, 2013, 12(2). Pp. 25–51.
  13. Toolan M. "I don't know what they're saying half the time, but I'm hooked on the series". Incomprehensible dialogue and integrated multimodal characterisation in The Wire. In: Telecinematic Discourse: Approaches to the language of films and television series. Edited by Roberta Piazza, Monika Bednarek and Fabio Rossi. Pragmatics & Beyond New Series 211, 2011. Pp. 161–183
  14. Van Dijk T. Critical Discourse Analysis. In: Deborah Schiffrin, Deborah Tannen and Heidi E. Hamilton (eds.), The Handbook of Discourse Analysis. Oxford, Blackwell, 2001. Pp. 352–71.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Corcoran A. Bodyguard proved the fatal errors we make when we gender stereotype both women and men // The Independent, 24 September 2018. Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/voices/bodyguard-season-finale-episode-six-men-women-stereotype-gender-errors-a8552791.html> (Дата обращения: 20.10.2018).
2. Cullinane S. Robert Durst to appear in court on a murder charge in his friend's death // CNN, April 16, 2018. Режим доступа: <https://edition.cnn.com/2018/04/16/us/robert-durst-berman-court-hearing/index.html> (Дата обращения: 20.10.2018).
3. Dearden A. Bodyguard's Nadia shows the danger of underestimating female jihadis // The Independent, 24 September 2018. Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/arts-entertainment/bodyguard-bbc-tv-ending->

- nadia-bomb-terrorist-female-oppressed-isis-jihadis-a8553181.html (Дата обращения: 20.10.2018).
4. Mir-Hosseini Z. BBC's Bodyguard 'swapped one stereotype of Muslim women for another', Islamic feminist scholar says // The Independent, 7 October 2018. Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/arts-entertainment/tv/news/bbc-bodyguard-muslim-stereotype-women-nadia-islamic-feminist-scholar-ziba-mirhosseini-a8572026.html> (Дата обращения: 20.10.2018).
  5. Whitcomb D., Robert Durst of 'The Jinx' goes on trial for murder charges after HBO documentary bombshell // Reuters, April 16, 2018. Режим доступа: <https://www.businessinsider.com/robert-durst-of-the-jinx-begins-murder-trial-after-hbo-show-bombshell-2018-4> (Дата обращения: 20.10.2018).

УДК 10.01.10

Гулиева С.А. Некоторые особенности текстов новостей азербайджанских телеканалов

Гулиева Сусан Адалат гызы

докторант кафедры телевидения и радио факультета журналистики
Бакинского государственного университета
специалист международного отдела филиала
МГУ имени М.В.Ломоносова в городе Баку, susen.msu@mail.ru

Some of the features of news texts of azerbaijani tv channels

Guliyeva Susan Adalat gizi

Doctoral candidate television and radio department of journalism faculty
Baku State University, specialist of international department
Lomonosov Moscow State University Baku branch

Аннотация. Статья посвящена некоторым особенностям текстов теленовостей Азербайджана. Новости являются одним из основных программ каждой телерадиокомпании. В связи с жесткой конкуренцией, телерадиокомпании Азербайджана активно пытаются разнообразить выпуски новостей. Чтобы опережать соперников, материалы готовятся за максимально короткие сроки, что сказывается в содержании материалов. В данной работе предпринимается попытка обзора недостатков в текстах.

Ключевые слова: теленовости, новостной текст, закадровый текст, литературный язык, азербайджанские телеканалы

Abstract . The article was covered by to some features of the texts of the television news of Azerbaijan. News is one of the main programs of each television and radio company. In connection with the fierce competition, the TV and radio companies of Azerbaijan are actively trying to diversify the news. To be ahead of rivals, materials are prepared in the shortest possible time, which affects the content of materials. This paper attempts to review shortcomings in the texts.

Keywords: television news, text of news, narration, literary language, Azerbaijan broadcasting

В связи с бурным развитием высоких технологий происходит формирование общества потребления информации, новостей, которые являются неотъемлемой частью современности. Проблема изучения особенностей и новых методов подачи новостей в широком смысле остается одним из наиболее актуальных направлений научных исследований.

В современный период люди не могут существовать без объема социально значимой информации, которая позволяет им ориентироваться в общественных отношениях, представить собственную картину мира. Как известно, обязанность СМИ - информировать массу о событиях в стране и мире, о политике, экономике, науке, культуре и т.д. В быстроменяющемся мире информационных технологий СМИ приходится искать новые формы подачи информации.

Когда-то программа “Хəbərлər” (Новости) азербайджанского государственного телеканала AzTV была единственной информационной программой. Естественно за истечением времени в Азербайджане количество телеканалов увеличилось. На сегодняшний день количество общереспубликанских телеканалов страны равняется 11 и тем самым каждый из них выпускает информационные выпуски новостей. Новости являются неотъемлемой частью любой телекомпании, которая рассчитывает на серьезный рейтинг. Поэтому телекомпании особое внимание уделяют новостям, так как именно новости отражают и освещают происходящие в обществе процессы. В настоящее время все телеканалы имеют свои сайты, где можно посмотреть любой новостной выпуск, также телеканалы активно развиваются в социальных сетях, где зрители могут не только посмотреть видео, но и выразить свое мнение относительно того или иного сюжета.

Развитие системы Интернета кардинально изменило облик мировой журналистики, внесло новые краски в создание материалов; наряду с этим растет и жанровое многообразие журналистских текстов. Здесь следует отметить тот факт, что с развитием Интернета тексты теленовостей получили новую жизнь. Зритель, после выхода в эфир программы, может ознакомиться с

текстом новости на их веб сайте.

Определение теленовостей

Для начала рассмотрим, что собой представляют теленовости. «Теленовости – это вид журналистских произведений, в которых распространяются известия об актуальной, общественно значимой по ряду критериев информации, сохраняя при этом объективность (равновесие различных компетентных мнений), отделяя факты от мнений, не давая оценок и отвечая на вопросы: Что? Где? Когда? (Как? Почему?) произошло. Отличается от остальных новостей каналом распространения (телевидение) и дополнительными возможностями, которые этот канал предоставляет». [8].

В своей работе «Универсальный журналист» британский автор Дэвид Рендалл отмечает, что «самое распространенное в Британии определение гласит, что новости — это не когда собака укусит человека, но когда человек укусит собаку. То есть новости являются чем-то необычным или интересным. Но это не вся суть новостей. Новости — это еще нечто свежее, о чем люди прежде не слыхали». [2, с. 12].

Исследователь К.Д.Кирия отмечает, что «новости на современном этапе переживают весьма непростой этап в плане творческого развития. Дело в том, что телевизионные новости в условиях стремительного роста новых видов коммуникации, развития мобильных платформ и Интернета превращаются в весьма консервативный способ передачи информации. Чтобы выжить в этой конкурентной среде и удержать зрителя, им необходимо искать новые формы работы с материалом, новые формы подачи информации. Однако пока этого не происходит, и новости остаются консервативным, с трудом отзывающимся на вызовы времени жанром. Это отражается в первую очередь на новостных текстах, авторы которых строят свои сообщения по давно известным шаблонам, не пытаясь искать оригинальные способы подачи информации» [3, с 3].

Особенности текстов теленовостей

Одним из главных составляющих информационных видеоматериалов помимо видео, является текст. Текст (слово латинского происхождения). В

буквальном понимании – подлинник, подлинная речь человека. Специалисты по медиа, также журналисты советуют составлять тексты новостей простым ясным для понимания зрителей языком. Однако не всем удастся следовать этим наставлениям. Безусловно, текст теленовостей отличается от текста печатного медиа и радио. Если скорость чтения в газетах определяет сам читатель, то на ТВ этот фактор падает на плечи репортера.

Специалист Н.К.Поляева отмечает: «С точки зрения создания текста телерепортажа нужно опираться на следующие критерии: раскрытие темы, объективность материала, использование синхронов, структура и язык телерепортажа». [7, с 195]. Далее автор перечисляет методические рекомендации по созданию журналистского текста для телевидения – точность изложения фактов, интерес к событию, ясность изложения. Исследователь Л.А.Мутовкин к вышеперечисленным рекомендациям добавляет еще краткость. По мнению Л.А.Мутовкина «краткость существенна тем, что эфир стоит денег. Ваша телекомпания продает эфирное время, а оно ограничено, поэтому вы должны стремиться, с наибольшей отдачей использовать каждую секунду эфира». [5]

Азербайджанские авторы издавшие учебник «Телевизионная журналистика» говоря о правилах составления текста новостей выделяют несколько моментов:

«-Текст должен быть кратким;

- Меньше следует использовать цифры. Например, вместо 1060 манат и 50 копеек, следует говорить «больше тысячи манат». Цифры должны легко восприниматься;

- Зрители могут устать или неправильно понять суть сообщения, если больше места уделяется разговору. Поэтому больше всего следует давать видеоряд;

- Следует особое внимание обратить к произнесению текста. Скучный голосовой тон может быть провалом новости. Необходимо быть внимательными с ударениями, текст желательно читать так, как будто

рассказываешь другу». [4с 69].

«Важнейшее свойство телевизионного текста: сочетание в себе общелитературных (книжно-письменных) норм с устноразговорными. При этом часто возникает необходимость разграничения допустимых ненормативных речевых явлений, обусловленных спецификой телевидения, с простыми ошибками. Первое никогда не может быть оправданием второго» считает автор учебника «Основы тележурналистики и телерепортажа» А.А.Князев. [4, с 39]

Самая легкая часть объяснения новостного сюжета – закадровый текст. Речь идет о том, когда репортер не виден на видео, но слышен его голос. К сожалению, в азербайджанской телевизионной практике зачастую закадровый текст неправильно считают фундаментом видеосюжета. Самый большой недостаток– это когда видео подчиняется репортерскому слову.

Как считает К.В.Гаврилов: «Закадровый текст создает историю сюжета, а значит — информационный образ. А вот будет это образ врага или друга, дело рук и совести репортера. Например, две разные телекомпании могут показывать одни и те же кадры, но естественно репортеры создают две разные сюжеты». [1, с 60].

Известный азербайджанский специалист по медиа З. Мамедли выделяет следующие требования, предъявляемые к закадровому тексту:

«- не следует писать закадровый текст, не определив видеоряд, иначе изображение и текст не могут совпадать

- основную информацию несет не текст, а видеоряд

- текст должен раскрывать то, что непонятно из изображения (например, если в кадре показывают плачущего человека, следует раскрыть причину зрителям)

- закадровый текст должен быть ясным слуху, предпочтительно использовать общеупотребительные слова

-вначале текста сообщается, о чем пойдет речь

- в середине текста рассказывается о самой проблеме

- в заключение дается итог сказанным и показанным кадрам
- если в репортерском тексте упоминается чье-то имя, то сразу же следует показать этого человека
- необходимо избегать примитивности закадрового текста и видеоряда (речь идет, когда просто перечисляются изображения, показываемые в кадре)
- репортерский текст в целом не должен превышать 1/3 времени отведенного для новостного сюжета
- при показе ярких и выразительных кадров, репортер должен делать паузу». [11, с 123].

Безусловно, огромную роль при написании репортерского текста играет профессиональные способности самого репортера. Закадровый текст должен быть написан точно, лаконично и ясно, и точно также озвучен.

По мнению специалиста по медиа Ровшана Рафиг оглу, при подготовке новостей следует относиться к ним с другой позиции и подать совершенно в иной форме. «Только в этом случае журналист и телекомпания показывают свои возможности и профессиональные качества.» . [12, с 108].

Чтоб подойти с иной позиции к новости и освещать его своеобразно, журналист:

- Должен проанализировать событие и найти разных интервьюеров связанных с этим событием
- Наряду с основной новостью, следует исследовать проблемы на ее фоне, и определить будущее направление развития события
- Сделать стендап с места события
- работать с героями события

Естественно нет необходимости следовать всем вышеперечисленным принципам, но если хотя бы последовать одному или двум из них, то журналист получит возможность показать иной сюжет, отличающийся от выпусков новостей других телеканалов. Всегда следует помнить, что при подготовке любого сюжета в центре него должен стоять человек и любая проблема и перспективы должны быть объяснены человеческим фактором.

Исследователь Г. Магеррамли считает, что каждое слово, предложение, речь использованное на ТВ должны выбираться с особой внимательностью, должны соблюдаться нормы литературного языка. [10, с 62].

К сожалению, в азербайджанской телевизионной практике все чаще наблюдается нарушение норм литературного языка. Согласно результатам мониторинга по проекту «Сохранение литературного языка в теле-радио-пространстве Азербайджана» проведенного в июне-июле 2017 года Национальным советом телерадиовещания (НСТР) среди местных телеканалов, допускаются лексические, грамматические и стилистические нарушения. Из обнаруженных 850 фактов 371 фонетические нарушения, 177 – лексические, 200 – грамматические, 104 – стилистические.

«Мониторинг языка передач был проведен на 6 каналах: İTV(общественный телеканал), ATV, Space, Lider, Xəzər, ARB. Наибольшие фонетические нарушение обнаружены на İTV- 66%. Фонетические нормы языка нарушаются на 43% на канале Xəzər ТВ, 51% – ATV, 38% – Lider, 36% – Space. Лексические нарушения составляют 28% на канале Space, морфологические нарушения – 17% на канале Lider, нарушения синтаксиса – 12% на канале ATV. Наибольшее количество стилистических нарушений – 24% встречаются на канале ARB. Наименьшее количество стилистических нарушений зафиксировано на İTV – 3%». ¹

Авторы вышеназванного мониторинга преподаватели кафедры азербайджанского языкознания филологического факультета Бакинского государственного университета отмечают, что «в последние годы под влиянием связей с Турцией и турецкого языка имеются определенные проявления в фонетической, лексико-семантической и грамматической структуре азербайджанского языка. Использование слов свойственных турецкому языку создает непонятность у массовой аудитории и наносит урон оригинальности нашего языка». [9, с 13]

Ежедневная повторяемость новостей, порождает образование языковых стандартов. Мы часто можем услышать с экранов телевизоров повторяющиеся

словосочетания. В азербайджанских теленовостях, в частности, в освещении политических тем, мы сталкиваемся такими изречениями как «конструктивные переговоры». Например,

«Неконструктивная позиция Армении мешает решению конфликта» телеканал ХƏZƏR TV, программа “Хəzər Хəbər” от 20 октября 2016 г.,

«Азербайджан всегда готов к конструктивному диалогу», телеканал Lider TV, программа “Səda” от 2 октября 2018 г.,

«Азербайджан надеется на конструктивизм руководства Армении», телеканал Lider TV, программа “Səda” от 11 октября 2018 г.,

Другим примером может служить слово «приоритет». Чаще всего с данным словом можно сталкиваться в информационных новостях СВС TV.

«Туризм превратился в основной приоритет» телеканал ХƏZƏR TV, программа “Хəzər Хəbər” от 9 августа 2015 г.,

«Новый посол Российской Федерации в Азербайджане раскрыл приоритетную деятельность», телеканал СВС TV, программа СВС TV Хəbərlər, от 20 августа 2018 г.,

«Стали известны приоритетные направления нового учебного года», телеканал СВС TV, программа СВС TV Хəbərlər, от 24 августа 2018 г.,

Регулярно используемые выражения не являются ошибкой, так как они максимально кратко передают суть информации, однако злоупотреблять ими не стоит.

Как было уже отмечено, многие специалисты подчеркивают важность максимально краткого изложения теленовостей. Однако не всегда и не всем репортерам удается написать текст лаконично, лишь профессионалы могут справиться с этой задачей. Чтоб кратко изложить суть информации, журналист для начала должен понимать тему своего материала. Следует научиться объяснять событие последовательно, так как если сделать скачок с конца в начало или в середину, это может запутать зрителя. Важно помочь зрителю понять то, что происходит, он не всегда все помнит и знает. Если имеется необходимость напомнить о ранних произошедших событиях, то следует не

лениться и в краткой форме дать об этом информацию.

Ввиду большого количества телекомпаний и конкуренции между ними, каждый из них старается в оригинальной форме представить зрителям информацию. Многие азербайджанские телеканалы, чтоб удержать зрителей у экранов стараются разнообразить свой выпуск новостей интересными репортажами. В подаче материалов, некоторые телеканалы делают акцент на анонсы и заголовки, интригуя зрителей о предстоящем сюжете. Главная цель заголовка – сообщить зрителю о сообщаемой информации. На телевизионном языке заголовков иначе называется – титр. Как правило, написание титра или заголовка входит в обязанности редактора. И приступает он к этому только после того, как готов материал. Важнейшая особенность заголовка - заинтересовать телезрителей. Приведем несколько примеров из телевизионных новостей азербайджанских телеканалов. В последнее время актуальной темой стала информация о похищении детей. Посмотрим, как наши телеканалы осветили данную тему в своих заголовках.

“Bakıda uşaq oğrusu peyda oldu” («В Баку появился похититель детей»), телеканал Xəzər TV, программа Xəzər Xəbər, от 12 августа 2018 г.

“Yasamalda uşaq oğrusu peyda olub” («В Ясамале появился похититель детей») телеканал İTV, программа Çarçı, от 17 августа 2018 г.

“Uşaq oğurluğu ilə bağlı informasiya sayıədir” («Информация о похищение детей – слухи») телеканал Lider TV, программа Səda, от 12 октября 2018 г.

Написание заголовков требует от редакторов и журналистов профессионализма. Автор диссертации «Тексты телевизионных новостных передач: лингвопрагматический анализ : на примере программ телеканалов "Первый", "Россия-1", НТВ, "Евроньюс"» Строкова Ю.А. при составлении заголовков выделяет следующие важные требования:

- «заголовок не должен превышать 136 знаков. Лучше укладываться в одну строку;
- не должен содержать никаких знаков препинания (простое предложение);

- в нем не могут использоваться личные местоимения («я», «мы»), цитаты и прямая речь»; [6, с 53]

При составлении текста для теленовостей, кроме заголовка следует особое внимание обратить и на первое предложение. Первое предложение новости или репортажа показывает насколько общественно значимый и интересный сюжет. Зритель как раз с первого предложения определяет для себя важность этой новости. Поэтому независимо от жанров новостей следует особо внимательно и творчески относиться к этой теме. Важно запомнить следующие правила при написании первого предложения:

- должен отражать самые важные и интересные моменты материала,
- привлечь внимание зрителя и быть запоминающимся,
- сыграть роль своеобразного моста логической последовательности между другими предложениями,
- быть максимально коротким и подготовить зрителей к следующим предложениям.

Представим примеры из теленовостей.

“17 yaşlı qız narkozdan ayılmadı”. “Gəncədə 17 yaşlı qız burun əməliyyatından ayılmadı” (заголовок - «17-я девушка не очнулась от наркоза», первое предложение - «В Гяндже 17-я девушка не очнулась после пластической операции на нос») телеканал Space TV, программа *Nər gün* от 23 августа 2016 г.

С первого предложения стало известно, что событие произошло в г Гяндже и девушка скончалась в последствие пластической хирургии на нос.

“Bir əlində telefon, digər əlində isə sükan”. “Əlində telefon, votsapda kiminləsə danışa danışa avtobus idarə edir.” (Заголовок - «В одной руке телефон, а в другой руль», первое предложение – «держа в руке телефон и с кем-то разговаривая по ватсапу управляет автобусом), телеканал *Xəzər TV*, программа *Xəzər Xəbər* от 12 октября 2018 г.

Первое предложение данного примера раскрыл заголовок. Стало понятно,

что речь идет о водителе автобуса, который управляя транспортом, разговаривает по телефону.

Подготовка теленовостей, вообще работа в эфире – командная работа. На долю каждого участника команды падает конкретная ответственность. Поэтому репортеры на телевидении должны уметь трудиться со своими коллегами в едином коллективе. Практика показывает, что удачный видеосюжет получается лишь при согласованной работе не только репортера и телеоператора, но и редактора, продюсера и технических сотрудников.

Заключение

В последние годы общереспубликанские телеканалы оснащены самыми современными оборудованьями, что позволяет улучшить качество выпускаемых продуктов. Одной из главных задач остается выпуск высококачественных медиапродуктов рассчитанных на разные группы аудитории. Конкуренция между телеканалами оказывает серьезное влияние на содержание работ. Имеются определенные недостатки в текстах теленовостей азербайджанских телеканалов. Чтоб улучшить ситуацию на государственном уровне проводятся мониторинги по сохранению литературного языка на теле радио пространстве Азербайджана, организуются спецкурсы для сотрудников телекомпаний по устранению этих проблем, выпускаются информационные бюллетени.

Список литературы

1. Гаврилов К.В. «Как делать сюжет новостей», 2007. СПб.: Амфора – 299с,
2. Девид Рендалл. «Универсальный журналист», Москва 2003., с 120,
3. Кирия К.Д.. Новостной телевизионный текст: структура, стратегия, экспрессивность. М.2007, 247 с,
4. Князев. А.А. (Основы тележурналистики и телерепортажа. Учебное пособие/ Кыргызско-Российский Славянский университет. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2001. – С. 160, с 39
5. Мутовкин Л.А. Правила написания текста на телевидении http://mazin.ru/book/st/tekst_na_tv.pdf
6. Строкова Ю.А. «Тексты телевизионных новостных передач: лингвопрагматический анализ: на примере программ телеканалов "Первый", "Россия-1", НТВ, "Евроньюс"», Москва, 2015, 180 с.
7. «Универсальный журналист. Основы творческой деятельности», под редакцией Шестрекиной Л.П. с 195., Челябинск: Изд. ЮУрГУ, 2015. – Ч.1. – 275

- с.
8. Определение теленовостей <http://valv.ru/1-opredelenie-telenovostejj.html>
  9. İsmayılova T.S, Əlizadə M.S. 2017, Azərbaycan Respublikasının Prezidenti yanında Kütləvi İnformasiya Vasitələrinin İnkişafına Dövlət Dəstəyi Fondunun maliyyə dəstəyi, "Elektron Mediaya Yardım Fondu" nun "Azərbaycanın Media məkanında ədəbi dilin qorunması" layihəsi əsasında Milli Televiziya və Radio Şurası və Bakı Dövlət Universitetinin Azərbaycan dilçiliyi kafedrasının mütəxəssisləri tərəfindən teleradio yayımçıların ədəbi dil normalarına riayət edilməsi sahəsində 2017-ci ilin iyun-iyul aylarında aparılmış monitorinqlərin nəticələri haqqında hesabatı. (Kitab – toplu) Bakı, 152 səh.
  10. Məhərrəmli. Q.«Televiziya dili», Bakı, 2002, 304 s,
  11. Məmmədli. Z. "A-dan Z-yə telexəbər, Bakı, "Yeni Nəsil", 2009, 322 s,
  12. Rövsən Rafiq oğlu, Lider Jurnalist, Bakı: Elm, 2013, 240 s,
  13. "Televiziya jurnalistikası" Avropa şurası, 2017 il, 119 s,

UDC 654.19;002.2.2

Maneesha Dugannarala G.M. Cultural colonialism and media colonialism with special reference to television culture in Sri Lanka

G.M. Maneesha Dugannarala

undergraduate

Mass Communication Dept., RUDN University, Moscow

maneeshadugannarala@gmail.com

Scientific supervisor

V.Muzykant

Professor, Mass Communication Dept.

RUDN University, Moscow

Abstract. Sri Lanka is a country that ruled under the Europe more than three centuries. As a result of it they tried to get the political and economic power of the country after gave the so-call freedom. The mass media doing a great job for it as a servant of the Europe, who live in Sri Lanka, and with the start of the 21st century the 1st world countries who have economic and political power in the world started to catch colonies without military force, but using soft power specially the media. Television is the key weapon that powerful county use against the third world countries such like Sri Lanka. This research was mainly focus to study the effects of the cultural and media colonialism in Sri Lanka by using qualitative approach to collect the data. Literature review and observation was the method of data gathering. As results the researchers found that other than the European countries who tried to get the political and economic power of the third world countries the Asian countries like India, Korea, and China started distribute their supremacy via the television. Dubbed Indian mega Tele-dramas and Korean Tele-dramas, cartoons are directly embraced the Sri Lankan people without knowing there hidden economic and political supremacy and attack to the cultural identity.

Key words: Diffusion, neocolonialism, soft power, cold war

Аннотация. Шри-Ланка-страна, которая более трех столетий была колонией Португалии и Британии. После получения независимости эти бывшие метрополии попытались сохранить свое влияние на политическую и экономическую жизнь в стране, это в том числе относится и к США и другим Европейским странам. Они используют «мягкую силу» - средства массовой информации, находящихся в Шри Ланке. Телевидение является ключевым оружием, которое они используют для продвижения своего влияния на страны третьего мира, таких как Шри-Ланка. Основное внимание в этом исследовании уделяется изучению последствий культурного и медийного колониализма в Шри-Ланке. Метод исследования: сбор данных-обзор литературы и наблюдение. В результате исследования выяснилось, что помимо европейских стран, которые пытались использовать политические и экономические возможности для влияния на страны третьего мира, азиатские страны, такие как Индия, Корея и Китай, включились в этот процесс пропаганды, используя СМИ в частности и телевидение. Индийские мега теле-драмы и корейские теле-драмы, фильмы, мультфильмы в большом количестве составляют содержание в том числе и шриланкийских телеканалов. Все это может рассматриваться как скрытое политическое и экономическое влияние на жителей страны и может привести к потере культурной самобытности.

Ключевые слова: диффузия, неоколониализм, мягкая сила, холодная война

Introduction

Sri Lanka is a one country which influenced by the cultural colonialism through British colonization. Portuguese, Dutch and British were ruled Sri Lanka over 300 years and their culture also diffuse to the Sri Lankan traditional culture by force as well as naturally. After got the freedom from the British rule, Sri Lanka continuously accepts the colonial culture and that culture was spread using the mass media. Not even the British culture, but every economically powerful nations always try to capture their market by culturally colonize the third world countries like Sri Lanka.

Media in the 21st century is defined by three important developments of 20th century; the demise of communism, the increasing integration of world markets and very rapid advances in communications technology [1, p.134].

America started capturing the world market, monopolizing the economic resources of the world more rapidly than ever before and went on dominating over media. As a result, global media emerged as a dominant industry, perhaps even more powerful than governments in perception management and construction of realities in subtle ways. Rapid political and technological developments of the past decade had

produced certain changes that our old maps could not register. The schema's of centers and peripheries have given way to market globalization and a new world order.

According to Herman and McChesney, “From the beginning the global news services have been oriented to the needs of the wealthy nations which provide their revenues. Thus news agencies were, in effect, the global media until well into the 20th century and even after the dawn of broadcasting, their importance for global journalism was unsurpassed” [2, p.12].

Colonization, for the most part, was motivated by economics as European powers sought to expand their markets and acquire raw materials from locations outside their borders to support their domestic economy. In the period after World War II a number of European powers determined that the benefits of maintaining colonies were not worth the cost. As a result of this cost-benefit analysis colonial systems were dismantled in a process referred to as ‘Decolonization’.

Today, instead of using tanks and military personnel to control a country, we use capitalism and cultural forces to give us control and favorable access to countries precious resources.

We call this practice Neocolonialism. However, this ‘new’ Neocolonialism is motivated solely by economics. Corporations and nations seek to achieve favorable economic policies overseas by linking loans to particular actions on the part of a developing country. This is accomplished through the implementation of the dependency principle.

Through the dependency principle, in order to receive financial aid, developing nations must accept a list of terms and conditions that generally advance the ideals and economic norms of the lending organization. From the developing nations perspective they have little choice but to accept these “strings-attached” economic aid (the people eat or starve). These aid- come-loan agreements provide a clear example of how the dependency principle works and ultimately, demonstrates a clear example of Neocolonialism in action.

One of the driving forces behind today's new Neocolonialism is the

interconnection between nations. With this 'new' interconnectivity a nation's or an organization's threats and opportunities, whether they are economic or cultural or a combination thereof, increasingly stem from 'who' you are connected to thus further deepening the dependency linkages.

The evidence will show that there is no difference between early European colonialism, which used direct military or political control to take over a nation to advance their economic expansion and today's Neocolonialism that uses multinational corporations, capitalism, a form of economic colonialism and cultural forces to accomplish the same outcome. However, to make this more palatable to the global citizen, we package and teach the concept of economic-colonialism, which has the stated purpose of fostering economic cooperation, growth and high employment, and promoting stability in exchange rates, and call it Globalization. Unfortunately, the negative side to globalization is that it wipes out entire economic systems and in doing so wipes out the accompanying culture.

Problem

Are Sri Lanka get the political, economic, cultural and media freedom from the colonization?

Objectives

Study the effects of television to cultural colonialism and the media colonialism with Sri Lankan perspective.

Methodology

The entire research is based on qualitative method, and the descriptive and comparative discussion done about the topic. The data was gathered from observation and the literature review. As primary data recourse the entire society was used, secondary data was collected through encyclopedias, related books and as tertiary data the internet websites were used to the present study.

Results and Discussion

Diffusion is the main mechanism that used to the cultural colonization and media is the source. Diffusion is a social process through which elements of culture spread from one society or social group to another (cultural diffusion), which means

it is, in essence, a process of social change. It is also the process through which innovations are introduced into an organization or social group (diffusion of innovations). Things that are spread through diffusion include ideas, values, concepts, knowledge, practices, behaviors, materials, and symbols.

To be globalizing the world the cultural diffusion is become a key factor. Some sociologists have paid particular attention to how the diffusion of innovations within a social system or social organization occurs, as opposed to cultural diffusion across different groups. In 1962, sociologist Evert Rogers wrote a book titled Diffusion of Innovations, which laid the theoretical groundwork for the study of this process.

According to Rogers, there are four key variables that influence the process of how an innovative idea, concept, practice, or technology is diffused through a social system.

1. The innovation itself
2. Through which channels it is communicated
3. For how long the group in question is exposed to the innovation
4. The characteristics of the social group

These will work together to determine the speed and scale of diffusion, as well as whether or not the innovation is successfully adopted.

There are many different theories of cultural diffusion that have been offered by anthropologists and sociologists, but the elements common to them, that can be considered general principles of cultural diffusion, are as follows.

1. The society or social group that borrows elements from another will alter or adapt those elements to fit within their own culture.

2. Typically, it is only elements of a foreign culture that fit into the already existing belief system of the host culture that will be borrowed.

3. Those cultural elements that do not fit within the host culture's existing belief system will be rejected by members of the social group.

4. Cultural elements will only be accepted within the host culture if they are useful within it.

5. Social groups that borrow cultural elements are more likely to borrow again

in the future [3,p.2].

Through the media that act as the source of the cultural diffusion or cultural globalization another name to the cultural colonization Television doing a particular job. The first Television network of Sri Lanka was launched on 13 April 1979. The ITN channel, owned by the Independent Television Network Limited (ITN) became the first terrestrial television channel of Sri Lanka. On June 5, 1979 ITN was converted to a government owned business and was later brought under the Sri Lanka Rupavahini Act of 1982 along with the newly created Sri Lanka Rupavahini Corporation (SLRC).

Significant changes occurred in 1992 as the government permitted the establishment of private television networks. Subsequently, the Maharaja Television Network (MTV) was launched in collaboration with Singapore Telecommunications Limited.

Since then many new television networks have come into existence within Sri Lanka. There are also a number of Satellite networks and pay per view television networks in Sri Lanka such as Dialog TV which boasts over 500,000 subscribers in the country.

After the growth of Sri Lankan economy, many satellite TV channels were introduced. However, there are over a dozen privately owned radio stations and more than 30 privately operated television stations.

However growth of the television cause to the media colonization as well as cultural colonization. Media systems are able to play a role in social change through the enablement of communication elements and systems within societies. The ability of media systems to play such a role is linked directly to the formation of a public sphere in which they play the role of mediators. Factors that limit the ability of media systems to achieve this mediation role in an unfettered manner; including political interference, ideological preventions, social institutions of culture and structure within media systems, also act as social retardants that contribute to the maintenances of a status quo.

a) From modernization and development theories to cultural imperialism

Key theories in international communications grew out of international relation studies. The “modernization” or development” theory in the area of communication research emerged in the Cold War context and were largely preoccupied with the ways in which the media could help transform traditional societies to include them into the capitalism orbit.

Among the key theorists in this tradition was Wilbur Schramm with his sponsored UNESCO work, Mass Media and national development – the role of information in the developing countries. The idea was that international communication media could be used as a tool to transfer the political-economic model of the West to the growing independent societies of the South. Schramm’s views were that the mass media could be used by elites to raise the ambitions of the populations in developing countries, who would cease to be narrow-minded and conformist and would be active in their own self-development.

As latest example in the Sri Lanka was Korean and Indian cultural transmission through the television can take. By using state Television channels Korean mega Tele-dramas were Telecasted and Sri Lankan people were attracted them mostly. In recently India started Mega Tele-dramas and telecasted in private Television channels in Sri Lanka and they try to give the Indian influence with the deep meaning. Through that they try to continue their power by creating the colony without using military power, but that soft power or it become a cold war.

b) Cultural globalization theories: from homogenization to hybridity

The cultural imperialism theories of the 1960’s and 1970’s have thus given way to the “cultural globalization” perspectives which have predominated media scholarship in the 90’s, indicating for some a shift away from a more neo-Marxist rigid one-way model of cultural domination towards a more sophisticated analysis and appreciation of “multidirectional flows” across countries, acknowledging the emergence of regional markets, the resistance of media audiences to American culture and the diversity in the forms of engagement with media texts. Various theorists have updated the cultural imperialism theories nonetheless in the context of

the persistence of inequalities of power and wealth between countries, the unevenness of flows and increasing media concentration and commercialization, arguing for its relevance still in the context of the expanding power of transnational media corporations situated in the rich West.

The extent to which the mass media have assisted in reinforcing American cultural supremacy throughout the world due to the dominance of Hollywood films and the export of US television series continues to be the subject of debate. In the context of the decline of the cultural imperialism thesis, most critics have moved away from understanding global culture as synonymous with homogenization, or cultural synchronization or “McDonaldization”, recognizing diversity and the impact of reverse flows on Western cultures.

Here homogenization is understood as the degree of convergence of media systems towards formats that originated in the US.

Conclusion

The increasing capacity of media colonization for institutional agency indicates growth and changes in modernity and social governance. However from this cultural colonialism and media colonialism the Sri Lankan identity became destroyed little by little. The traditional knowledge on education, agriculture, irrigation, medicine, traditional industries was destroyed with the new introduced thing.

English cartoons with fights and wars effect to the child's mentality and their personality. Indian dubbed mega Tele-dramas (Praveena, mahagedara, swapna, ashoka, ramayanaya, maha bharath) such like legendary Tele-dramas directly tried to expanded their political supremacy and the stories attack to the Sri Lankan cultural values, Korean dubbed Tele Dramas started to embraces and become craziness among the population without age limits. Tamil/ Hindi Films tried to express their right to the Sri Lankan culture from the content of the stories some times. Killing the Rawana Statue and worship the Rama is the most popular scene in the Hindi and Tamil films. The King Rawana was the Great Sri Lankan ruler and by showing that scene they tried to spread their supremacy in Sri Lanka. Likewise via the Television the powerful countries tried to continue their economic and political power in the

third world country like Sri Lanka through the cultural and media colonialism.

List of references

1. Eijaz, A., Ahmad, R.E. (2011), *Electronic Colonialism: Outsourcing as Discontent of Media Globalization*, *American International Journal of Contemporary Research* Vol. 1 No. 3, pp. 134- 143.
2. Herman, Edward S. And McChesney, Robert W. (2004) *The Global Media – the New Missionaries of Corporate Capitalism*, London: Continuum
3. Grossman Ashley. *Understanding Diffusion in Sociology*. [Electronic resource]. // 2018- 11-28. URL:www.thoughtco.com/cultural-diffusion-definition-Theory, and Examples. [date of access :2018-12-10]
4. Abercrombie, Nicholas. *Television and society*.1996. Cambridge: Polity.
5. Castells, M. 'Information technology and global capitalism' in W. Hutton and A. Giddens. (eds.) *On The Edge. Living with global capitalism*, 2001.London: Vintage.
6. Colm Hogan, Patrick. *Colonialism and Cultural Identity: Crisis of Tradition in Anglophone Literatures of India, Africa, and the Caribbean*. (eds). 2000. Albany: U of New York.
7. Crisell, A. 'Broadcasting: Television and radio' in J. Stokes and A. Reading.1999. *The Media in Britain*, Basingstoke: Macmillan.
8. Felix S. Cohen. *Colonialism: A Realistic Approach*, *Ethics*,1945, Vol. 55, No. 3 pp.167-181
9. Fox, J. *Chomsky and Globalization*,2001, London: Icon Books.
10. Frank, T. *One Market Under God. Extreme capitalism, market populism, and the end of economic democracy*,2002, London: Vintage.
11. Gray, J. (1999) *False Dawn. The delusions of global capitalism*, London: Granta.
12. Lazarus Neil. *Nationalism and Cultural Practice in the Postcolonial World*. 1999.UK: Cambridge U P.
13. Peter Pels. *The Antropology of colonialism: Culture, History, end the Emergence of Western Governmentality*, *Annual Reviews Anthropology*, 1997, 26:163-113
14. Scholte, J. A. *Globalization. A critical introduction*, London: 2002. Palgrave.Macmillan.
15. Sen Amartia. 'How to judge globalization', [Electronic resource] 2002-01-01. *The American Prospect* URL // www.antiessays.com/free-essays/How-To-Judge-Globalism-268052. [date of access :2018-12-08]

УДК 316.77

Хусаинова А.Р., Мингазетдинова Р.Ф. Межличностная коммуникация в социальных сетях**Хусаинова Адель Римовна**магистрант 2 г/о факультета
философии и социологии
Башкирский государственный университет, РФ, г. Уфа**Римма Флюровна Мингазетдинова**старший преподаватель кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов
Башкирский государственный университет
РФ, г. Уфа, rflyurovna@mail.ru**Interpersonal communication in social networks****Husainova Adel' Rimovna**the 2-year master student of the faculty philosophical and sociological
Bashkir state University, Russia, Ufa**Mingazetdinova Rimma Flyurovna**lecturer, faculty of Humanities, Language and ed foreman
Bashkir state University, Russia, Ufa

Аннотация. Статья посвящена актуальной теме межличностной коммуникации в социальных сетях. Медиа на сегодняшний день являются одной из самых значимых сфер в жизни людей всего мира. В новом информационном обществе достижение целей зависит от уровня включённости человека в информационное пространство, и власть принадлежит тем, кто способен создавать новые культурные коды для отражения реальности и оказания влияния на сознание общественности. В статье приводятся системные характеристики сетевых сообществ, которые определяют интернет-социализацию.

Ключевые слова: социальные сети, межличностная коммуникация, информационные технологии, информационное общество, интернет-социализация

Abstract. The article deals with the topical theme of interpersonal communication, in social networks. Media nowadays is one of the most significant human life spheres worldwide. Goals achievement depends on the level of personal involvement in information space. Power is with those able to build up new cultural codes for reflecting reality and influencing public's mind. The article presents systemic characteristics of the Internet communities, determining Internet-socialization.

Key words: social networks, interpersonal communication, information technologies, information society, Internet-socialization.

XXI век стал веком стремительного развития информационных технологий, компьютерной техники и массовых коммуникаций. Без медиа –

средств массовой коммуникации (сюда принято включать прессу, радио, телевидение, кинематограф и Интернет) – уже трудно представить современный мир.

Если обратиться к научным работам, то мы увидим, что исследования изменений в информационных процессах, проведенные Чичериной Н.В., демонстрируют, что информационная революция осталась в прошлом и общество вступило в новую эру информации. Информатизация и глобализация формируют информационный капитализм и информационную экономику. В новом информационном обществе достижение конечных целей зависит от уровня включённости человека в информационное пространство, а власть принадлежит тем, кто способен создавать новые культурные коды, отражающие реальность и оказывать влияние на сознание общественности [6].

Медиа являются одной из самых важных сфер в жизни людей всего мира. В XXI веке без медиа немыслимо социокультурное развитие любого общества практически во всех областях, включая образование [1]. Согласно исследованию Google и Ipsos «Новое поколение интернет-пользователей: исследование привычек и поведения российской молодежи онлайн», 65% россиян используют глобальную сеть Интернет каждый день, а если говорить о молодежи (от 13 до 24 лет), эта цифра возрастает до 98%. Молодые интернет-пользователи привыкли к неограниченному доступу к информации с любого устройства и в любой ситуации. Социальные сети стали основным каналом коммуникации для молодых людей. Более четверти россиян (27%) в возрасте от 13 до 24 лет проводят в социальных сетях свыше 5 часов каждый день, а 25% из них проверяют обновления каждые 30 минут [5].

Межличностная коммуникация в социальных сетях имеет ряд преимуществ и недостатков. Первым преимуществом подобного общения является возможность познакомиться с разными людьми независимо от их местоположения (из других городов, стран, континентов), найти друзей по интересам во всём мире. Подобные знакомства могут оказаться полезными не только в личной жизни, но и в вопросах персонального продвижения и

построения карьеры. Второе преимущество виртуального общения – возможность собеседников быть достаточно открытыми, поскольку в сети они могут не беспокоиться о том, как они выглядят в глазах других. Третье преимущество заключается в том, что пользователь социальной сети может еще до начала общения узнать информацию о собеседнике с помощью личного профиля (хотя она и не всегда достоверна). Последнее преимущество: социальные сети – удобная площадка для общения при выезде за пределы города и страны. Для установления такого общения достаточно лишь наличие подключения к сети Интернет [4].

Следует отметить, что понятие «дружба» в реальной жизни и в социальных сетях значительно отличается. В реальной жизни друг – это чаще всего человек, с которым многое пройдено, кто заслуживает доверия и с кем часто и давно общаешься, а в социальной сети друг – это любой человек, которого ты добавил в свой список контактов. Основными причинами включения человека в свой список друзей в социальных сетях являются: во-первых, реклама какого-то товара или услуги; во-вторых, единоразовая встреча; в-третьих, многоразовые встречи и только, в-четвёртых, это дружба в реальной жизни. [3]

Нужно отметить, что на все преимущества межличностной коммуникации в социальной сети имеются свои недостатки. Во-первых, это частое несоответствие портрета реальной личности и портрета пользователя социальной сети. Это происходит благодаря обработке фотографий с помощью графических программ, удачному освещению, чужой фотографии на странице пользователя, нарисованной картинке вместо фото и т.д. Еще одним недостатком является расстояние: при постоянном общении у друзей по социальной сети иногда не получается встретиться лично лицом к лицу в связи с отдалёнными местами проживания. Минусом также является и то, что пользователи социальной сети подвержены обману в большей степени, чем те, которые общаются преимущественно в реальной обстановке.

Прикладное исследование, проведенное в Нижнем Новгороде, показало,

что основными достоинствами социальных сетей, по мнению опрошенных, можно назвать возможность общаться сразу с несколькими партнерами одновременно; общение с теми, кто недоступен в реальной жизни; простота и легкость общения; возможность общаться, не выходя из дома, простота языка коммуникации. Основными же недостатками респонденты считают трудность передачи эмоций; отсутствие визуального контакта; отсутствие моральных норм; риск обмана; отсутствие невербальных средств общения. Простота коммуникаций в сети Интернет неизбежно в результате приводит к таким изменениям, как упрощение грамматических и орфографических правил (около 40% опрошенных отмечают это как недостаток общения в сети, а 30% – как преимущество). Интернет-сленг как форма общения порождает множество шуток и стереотипных выражений, которые переходят в реальный мир. Например, «лайкнуть», «твитнуть», «селфи» и т.п [2].

В связи с вышесказанным следует отметить, что при всех многочисленных плюсах межличностной коммуникации в социальных сетях существует обратная сторона медали. В настоящее время нет единого мнения относительно полезности и вреда социальных сетей. Каждый человек сам решает, как и посредством чего ему общаться, главное – определить, какую цель человек ставит для себя. Общаться в социальной сети достаточно легко, но необходимо тщательно анализировать всю поступающую информацию, вырабатывать личное мнение, перепроверять информацию и избегать мошенников. Для молодёжи важно подключать эффективный тайм-менеджмент, поскольку Интернет, являясь неотъемлемой частью сегодняшней жизни, отнимает непозволительно много времени и отвлекает, а порой и заменяет реальную жизнь и общение [3].

В литературе, посвящённой исследованию Интернета сложились следующие определения форм социальной интеграции и реализации социального интереса: виртуальное сетевое сообщество (С.В. Бондаренко), интернет-сообщество (Р.В. Кончаковский). С.А. Данилов считает, что «сообщество» – форма социальной организации, реализующая в виртуальном

интернет-пространстве сетевые принципы и основы своего бытия. Исследователь выделяет следующие системные характеристики сетевых сообществ, которые определяют интернет-социализацию:

1) Всё для всех. В сетевых интернет-сообществах все субъекты коммуникационного взаимодействия имеют возможность строить отношения со всеми. Подобная открытость является альтернативой реальным проявлениям форм социального пространства, в которых похожие варианты общения зависят от различных условий, таких как территория, время и др. Повсеместная открытость создаёт огромное пространство взаимодействия, задать границы и параметры которому может только сам участник. Например, любой участник может выбрать потенциального партнера по коммуникации, задав в поиске место его проживания, возраст, пол и т.д.;

2) Анонимность является одним из важнейших факторов, влияющих на присутствие и активность людей в виртуальном пространстве. Данный фактор позволяет любому человеку трансформировать свой собственный образ в желаемый. Ещё Г. Лебон писал о деструктивных проявлениях анонимности, присущей толпе. Сетевому интернет-сообществу также присущи практически все признаки толпы, за исключением территориальной близости. Однако именно в Интернете индивид, так же как и в толпе, благодаря анонимности не чувствует ответственность за свои слова и поступки;

3) Свобода входа и выхода. Данный фактор является ключевой ценностью интернет-сообществ. Пользователь абсолютно свободен в своих действиях от запуска компьютера и до выхода из сообщества социальной сети или в нежелании общаться в сетевом диалоге;

4) Конкретность интересов. Объединения по интересам в сетевом социальном пространстве позволяют трансформировать данное пространство в социальную структуру. Общность приводит к появлению различной сетевой интеграции, групп общения, сообществ. Виртуальная реальность обладает необходимыми ресурсами для интеграции узких сообществ. [4, 43]

Ключевым принципом интеграции пользователей в сетях интернет

является конструирование индивидуального образа. Формализация образа человека (представляемого, например, в виде «личной страницы») даёт возможность сократить усилия для поддержания связей между членами интернет-сообщества. Презентационной силой обладает заполненная форма, благодаря которой индивид создает свой образ, при этом присутствует эффект постоянного нахождения в сообществе.

От качества и способа подачи личной информации зависят включение человека в сообщества, а также его идентификация как с сообществом целом, так с отдельными его членами. В этой связи стоит также отметить такое явление, как «игры с идентичностью», которое опирается на анонимность.

Социальные сети, создавая возможность для всестороннего общения людей в интернете, содействуют распространению больших объёмов информации среди численно и территориально рассредоточенной аудитории. Также они уже давно стали инструментом рекламы и PR, предоставляя неограниченное пространство для рекламодателей и пользователей сети. Авторы данной статьи считают, что хотя общение в соцсетях никогда не заменит общение лицом к лицу, спектр влияния соцсетей и их применения будет неизбежно расширяться, вовлекая всё новые аудитории и предоставляя неограниченные возможности для самореализации, самопознания, саморазвития и достижения целей.

Список литературы

1. Долженкова А.В., Мингазетдинова Р.Ф. Книжное, экранное, сенсорное чтение в современном городе // Филологические науки: состояние, перспективы, новые парадигмы исследований. Материалы Международной заочной (электронной) научной конференции для молодых ученых, посвященной 60-летию филологического факультета. Ответственный редактор Мухтаруллина А.Р., 2017. С. 104-108.
2. Данилов С.А. Риски и потенциал интернет-социализации молодежи // Известия Саратовского ун-та. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2012. № 2. С. 42-46.
3. Куликова А.В. Особенности интернет-коммуникаций // Университет Лобачевского [Электронный ресурс]. – URL: [http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/99990201_West_soc_2012_4\(28\)/3.pdf](http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/99990201_West_soc_2012_4(28)/3.pdf) (дата обращения: 21.09.2018).
4. Лебон Г. Психология народов и масс // изд. "Макет", СПб. 1995 г. 316 с.

5. Новое поколение интернет-пользователей: исследование привычек и поведения российской молодежи онлайн // think with Google [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thinkwithgoogle.com/intl/ru-ru/research-study/novoe-pokolenie-internet-polzovatelei-issledovanie-privyчек-i-povedeniia-rossiiskoi-molodezhi-onlain> (дата обращения: 24.10.2018).
6. Чичерина Н.В. Медиаобразование в контексте изменяющейся социальной реальности: моногр.// Архангельск, 2008. 544 с.

УДК 070

Чередниченко Л.В. Функциональные особенности современных районных газет

Чередниченко Людмила Викторовна

к. филол. наук, доцент кафедры «Журналистика»
Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск, РФ
chchenko@mail.ru

Functional features of modern regional newspapers

Cherednichenko Lyudmila Viktorovna

candidate of philology, associate professor, Department of Journalism, Pacific National University (Russia, Khabarovsk)

Аннотация. В статье рассматривается функционально-целевое назначение современной районной прессы, выделяются различные подходы к определению значения «районки», их преимуществ и типажей в современных исследованиях. Автор приходит к выводу, что малая пресса переживает сложный период трансформации, для эффективной реализации своих функций районным газетам, кроме объективного отражения действительности и повышения качества информационного продукта, необходимо вовлекать аудиторию в решение региональных проблем, стимулировать ее гражданскую активность

Ключевые слова: функции СМИ, региональная печать, районная пресса, типы районных газет.

Abstract. The article discusses the functional purpose of the modern regional press, highlights various approaches to determining the value of regional press, its advantages and types in modern studies. The author concludes that the small press is going through a difficult period of transformation, for the effective implementation of its functions, regional newspapers, besides objective reflection of reality and improving the quality of the information product, it is necessary to involve the audience in solving regional problems, to stimulate its civic activity

Keywords: media functions, regional press, types of district newspapers.

Современный рынок периодических изданий в России представлен газетами и журналами различной направленности, тематики, разнообразных

форматов, объема. Среди всего этого разнообразия особое место занимает локальная пресса. Это основной источник информации в районах и областях, своеобразный центр социально-культурных связей, средство координации и регулирования жизни местного сообщества [10].

Районная газета как тип издания в силу своего местного (локального) характера занимает особую нишу в системе российских СМИ и представляет особый интерес для ряда исследователей.

И. В. Пьянзина дает следующее определение районной газеты: «Это – общественно-политическая местная газета, рассчитанная на массовую аудиторию – население данного района, призванная печатным словом содействовать удовлетворению его социальных, производственных, духовных потребностей» [14].

Действительно, районная газета играет немаловажную роль в жизни жителей той или иной области. В большей степени потому, что опирается в своей деятельности преимущественно на местного жителя, на его интересы. По этой причине районные издания для того, чтобы быть успешными, должны соответствовать ряду критериев, таких как популярность, конкретность в изложении, массовость, а также близость к интересам жителей региона своего распространения.

Несмотря на развитие информационно-коммуникационных технологий, конкуренцию с сетевыми информационными ресурсами, социальными медиа, сложные экономические и социально-демографические условия районные газеты сохраняют интерес своей аудитории. Более того, «демонстрируют рост и устойчивость развития». Данная тенденция была отмечена на круглом столе «Муниципальные СМИ: стратегии развития», который прошел в апреле 2018 года в рамках Международного научного форума «Медиа в современном мире» в Санкт-Петербурге [8].

Медиаэксперты из разных городов обратили внимание на особую роль муниципальных СМИ, которая «сегодня становится главным интегрирующим инструментом организации местных сообществ, значимым информационным и

организационным ресурсом обмена мнениями и вовлечения граждан в решение важных политических задач» [8].

Районные газеты по-прежнему имеют большое значение для своей аудитории. В этом конкурентное преимущество «малой» прессы. И, как верно заметил В. Ф. Олешко, «местную информацию, рассказы о знакомых тебе людях, рекламу повседневных товаров и услуг можно почерпнуть чаще всего лишь из «районки» или городской ежедневки. Важен и момент личного или просто визуального знакомства с журналистами, или варианта, при котором можно в любой момент прийти в редакцию» [13, с. 57].

В отраслевом докладе «Российская периодическая печать. Состояние, тенденции и перспективы развития в 2017 году» [36] приводятся положительные примеры развития местной прессы в цифровую эпоху. «Опыт Краснодарского края, Воронежской области и некоторых других регионов Российской Федерации свидетельствует, что районные и городские газеты, а именно им, по статистике, больше всего доверяют в нашей стране, могут вполне справиться с вызовами времени [15, с. 58].

Основой сохраняющегося интереса аудитории к печатным СМИ является привычка читать и большее доверие к печатному тексту. По данным опроса ВЦИОМ, проведенного 13 января 2017 года, «каждый второй житель нашей страны (51%) в настоящее время предпочтет прочесть заинтересовавшую его статью в печатном, а не в электронном издании. 34%, наоборот, высказались в пользу электронных СМИ, в том числе 54% активных пользователей Интернета. В Москве и Санкт-Петербурге электронные СМИ предпочли 43% жителей. 17% россиян готовы полностью отказаться от бумажных СМИ, 73% – не готовы» [16, с. 40].

Значимость локальных медиа подчеркивается и фактом более пристального внимания исследователей к ним. Ф. Б. Бешукова замечает, «что если раньше вопросы влияния СМИ рассматривались преимущественно на общенациональном уровне, а предметом исследования становилась деятельность центральных СМИ, то в последние годы особое значение

приобрел «региональный аспект» проблемы» [2, с. 72.].

Роль и место «малой» прессы исследователями оценивается по-разному: от оптимистических прогнозов и положительных примеров эффективной стратегии до констатации смерти провинциальной журналистики и превращения региональных СМИ в инструмент пропаганды местных органов власти. Н. В. Ананян пишет, что «информативность большинства региональных газет близка к нулю» [1, с. 49]. Низкое качество материалов, отсутствие разнообразия жанровых форм, влияние властных структур – наиболее часто встречающиеся проблемы местных СМИ. Особенно это касается районных газет, большая часть которых учреждена органами местного самоуправления.

В. Л. Касютин считает местную прессу одним из самых консервативных сегментов СМИ. Причиной замедленного темпа развития этого социального института, по мнению исследователя, является малоэффективная информационная политика региональных и муниципальных властей, недостаток квалификации управленческих и творческих кадров. [5, с. 158].

М. В. Ливанова, изучив шестнадцать региональных государственных газет Центральной России в 2012 и 2017 гг., пришла к выводу, что издания сохраняют традиции партийно-советской печати, несмотря на появление новых общественных запросов и практик [9, с. 215]. Как обязательный элемент медиасистемы автор выделяет «газеты власти», служащие целям информационного сопровождения местной законодательной и исполнительной власти. Подобные издания находятся «вне рыночной сферы, но создают в ней недобросовестную конкуренцию, имея бюджетное финансирование» [9, с. 215].

В. В. Тулупов убежден, что «именно благодаря, например, местной прессе в стране сохраняется единое информационное пространство, к тому же в лучших своих образцах она выполняет социальную функцию (вот почему от районной газеты не следует требовать рентабельности или прибыльности, особенно в сегодняшних экономических условиях). Отсюда – высокая востребованность публикуемой местной информации (публицистической, официальной, статистической, деловой, научно-технической, научно-

популярной, рекламно-справочной), отсюда – мощный организаторский ресурс, которым обладают местные редакции (вовлечение населения в самоуправление; проведение гражданских акций; взаимодействие населения с местной властью и др.)» [17, с. 81].

Локальные издания, несмотря на сложную экономическую ситуацию, высокую конкуренцию на информационном рынке, еще долго будут сохранять значение и влияния на своих территориях. Их главным конкурентным преимуществом является географическая близость к читателю, знание и понимание его потребностей, реакций и способность воздействия на аудиторию.

Исторически так сложилось, что районная пресса была отражением жизни локальных сообществ, добрым другом и советчиком для своих читателей по самым разным вопросам. В современных условиях этот тип издания остается частью местных традиций, хотя и с каждым годом теряет аудиторию и статус главного поставщика новостей территории. Это тенденция не только «районок», но и всего печатного сегмента СМИ. В подобной ситуации, если издание хочет сохранить свое влияние и место в системе СМИ, необходимо учитывать особенности медиапотребления, развитие информационно-коммуникационных технологий и предпринимать меры не только по сохранению аудитории, но и по ее расширению.

Районные издания тесно связаны со своей аудиторией, способны лучше понять и отразить проблемы и нужды читателей. Г. С. Мельник главными задачами, которые выполняет местная пресса, считает предоставление всесторонней местной информации, выполнение роли трибуны общественности, формирование и сплочение местного сообщества, формирование общественного мнения, развитие чувства малой родины, выполнение роли проводника органов местной власти [11, с. 84].

Локальная пресса выполняет важную социальную роль по укреплению связей внутри сообщества, между населением и властью, инициирует важные социальные проекты [3, с. 147]. Это основная площадка для обсуждения

местных проблем [17, с. 89].

В зависимости от концепции, способа подачи информации О. А. Воронова в работе «Местная газета. Модели и типы» выделила следующие типы районных газет:

- Газета-форум – это площадка для обсуждения проблем региона, в котором распространяется издание. В таких газетах обсуждаются вопросы, актуальные не только для района или региона, но и для России или всего мира в целом;
- Газета-хозяйка. Такая газета, как правило, освещает общие праздники, стремится ко всеобщему объединению (включая власть). Самые востребованные темы такого издания – благоустройство и порядок района;
- «Дела житейские». Такая газета близка по типу к предыдущему виду. Особенность ее – в сопереживании и причастности к делам жителей района, доверительность обращения к читателю. Но такая концепция имеет недостатки, например, поверхностный характер критики, констатация, а не решение проблем;
- Газета-селянка. Обычно так называют издания сельского района, которые стареют вместе со своим читателем. В таких газетах огромное количество официальных материалов и отсутствие проблемных статей;
- Газеты поколения «next». Помимо проблем населенного пункта, большое внимание уделяется вопросам науки и образования;
- Газета власти. Концепция издания определяется близостью к власти. Герои публикаций – представители власти. Характеризуется огромным количеством официальных материалов;
- Газета-бомба. Откровенное издание, содержащее много критики и аналитики. Таких газет мало;
- Газета-мостик. Такие издания очень подробно и терпеливо объясняют аудитории, что происходит в районе, организуют «прямую линию» с администрацией, дают советы читателям;

- Газета-дело. Такая газета не только освещает политику и экономику своего региона распространения, но и сама позиционирует себя как политик, экономист и т.д. При активных действиях редакции, подобная газета может превратиться в газету-прибыль;
- Газета-соседка. Как правило, характеризуется публикациями о детях, доме, публикует истории любви, но остается в стороне от других важных вопросов [4, с. 68-73].

Близость к аудитории влияет на особенности функционирования этого типа изданий, определяет принципы работы с информацией, особенности тематического наполнения и работы с читателями. Исходя из этого Л.Н.Кислая выделяет следующие свойства «районки»:

- 1) универсальность по функциям и тематике;
- 2) преобладание сообщений о местных событиях, «своих» героях, простых людях, живущих рядом;
- 3) использование специальных методов диалога с читателем, максимально приближенного к условиям непосредственной коммуникации;
- 4) большая степень информационного и организационного взаимодействия с муниципальной властью, что в целом также свидетельствует о близости и к этому сегменту аудитории [7, с. 11].

Ориентация на аудиторию, которая объединена общим местом жительства, делает районную газету нишевым изданием. «В этом случае местная газета способна играть важную роль в местном сообществе. Как отмечают эксперты WAN, интересы людей становятся все более локальными, их все больше интересует местная информация. Она становится ключевой. Не случайно национальные издания стремятся подавать новости в местной упаковке (региональные секции и т. п.)» [6, с. 43].

Несмотря на сокращение тиражей, изменения условий и особенностей медиапотребления «малая» пресса продолжает занимать важное место в системе СМИ. Она удовлетворяет информационные запросы и потребности как аудитории, так и власти. Читателям важно получать информацию об

особенностях и перспективах развития своей территории, поскольку это связано с их благополучием, материальным положением; знать о ценовой политике на товары первой необходимости; о решении вопросов медицины и образования; о льготах, субсидиях и других формах поддержки со стороны власти; аудитории интересно читать обо всем, что происходит рядом с ними и может влиять на их жизнь.

Местная власть заинтересована в доставлении как можно большему числу людей информации о своей деятельности, о позиции по разным вопросам, в формировании благоприятного имиджа [11, с. 97-98].

В этом основа жизнеспособности местной прессы, которая является инструментом сопровождения важных правительственных решений, проведения реформ и позволяет сохранить взаимосвязь территорий. И потому районные газеты в ближайшие несколько лет будут сохранять свой авторитет и влияние на аудиторию. Малая пресса переживает сложный период трансформации, на который влияет множество факторов, и ей приходится приспосабливаться к новым характеристикам медиасреды. Для эффективной реализации своих функций районным газетам, кроме объективного отражения действительности и повышения качества информационного продукта, необходимо вовлекать аудиторию в решение региональных проблем, стимулировать ее гражданскую активность [12]. Важным условием этого станет умение грамотно использовать свое преимущество, поиск новых форм и способов предъявления информации и работы с аудиторией.

Список литературы

1. Ананян Н. В. Региональные СМИ и освещение деятельности местных органов власти / Н. В. Ананян // Журналистика в 2004 году. СМИ в многополярном мире : сб. материалов науч.-практ. конференции. Ч. I. – М., 2005. – 340 с. – С. 49-50.
2. Бешукова Ф. Б. К вопросу о «регионализации» печатных СМИ (на примере газетных и журнальных СМИ Республики Адыгея) / Ф. Б. Бешукова, Д. И. Куфанова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – 2010. – Вып. 2 (58). – С. 72-77.
3. Воронова О. А. Местная газета как социальный проект // Журналистика в 2013 году. Регионы в российском медиапространстве: сб. матер. междунар. научно-практ. конф. / отв. ред. Е. Л. Вартанова, Я. Н. Засурский. – М., 2014.

4. Воронова О. А. Местная газета. Модели и типы // Типология периодической печати : учебное пособие для студентов вузов / под ред. М. В. Шкондина, Л. Л. Реснянской. - М., 2007.
5. Касютин В. Л. Местная пресса РФ как вид коммуникации пограничных социальных групп // Журналистика в 2008 году. Общественная повестка дня и коммуникативные практики СМИ: сб. матер. всерос. научно-практич. конф. / отв. ред. Е. Л. Вартанова, Я. Н. Засурский. – М., 2009.
6. Киршин Б. Н. Региональная пресса: актуальные тенденции национального медиарынка / Б. Н. Киршин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 17. – С. 42–45.
7. Кислая Л. Н. Редакционная политика районной прессы (на примере газет Новосибирской области) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Л. Н. Кислая ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург : [б. и.], 2008. – 23 с.
8. Круглый стол «Муниципальные СМИ: сценарии развития». – URL: <http://jf.spbu.ru/conference/7614/7629.html> (Дата обращения 06.07.2018).
9. Ливанова М. В. Вне времени: консервация бренда как медиастратегия региональных государственных газет // Век информации. 2018. № 1. Журналистика XXI века: в координатах исторического времени : матер. междунар. научно-практической конференции, 27–28 октября 2017 г. / ред.-сост. С. Г. Корконосенко, А. Н. Гришанина; отв. ред. С. Г. Корконосенко. – СПб.: С.-Петербур. гос. ун-т; Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2018. – 264 с. – С. 215-223.
10. Ливанова М.В. Районная газета на информационном рынке: сегодня и завтра // Журналист. 2006. №11. С. 25.
11. Мельник Г. С. Современная местная газета : типология, особенности функционирования и перспективы развития : учеб. пособие / Г. С. Мельник, А. Н. Тепляшина. – СПб., 2011. – 130 с.
12. Молодов О. Б. Региональные и местные СМИ Вологодской области: контент-анализ // Проблемы развития территории. 2014. № 2 (70). – URL: <http://pdt.vscs.ac.ru/article/1146> (дата обращения 06.07.2018).
13. Олешко В. Ф. Региональная журналистика: современные тенденции и вызовы // СМИ и общество. 2012. № 1. С. 55-67.
14. Пьянзина И.В. Районная газета в информационном пространстве региона: типологические ориентации. – Режим доступа: <http://www.tsutmb.ru/rajonnaya-gazeta-v-informacionnom-prostranstve-regiona-tipologicheskie-orientaczii> (дата обращения: 15.07.2018).
15. Российская периодическая печать. Состояние, тенденции и перспективы развития в 2017 году. – URL: <http://www.farpc.ru/rospechat/activities/reports/2018/pechat1.html> (Дата обращения 06.07.2018).
16. Российская периодическая печать. Состояние, тенденции и перспективы развития в 2016 году. – URL: <http://www.farpc.ru/rospechat/activities/reports/2017/pechat2.html> (Дата обращения 06.07.2018).
17. Тулупов В. В. Региональная журналистика: сегодня и завтра // Вопросы теории и практики журналистики. – 2013. – № 2(4). – С. 78-92.

Международный научно-практический журнал
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

№ 11 (43), 2018

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к сотрудничеству обращаться по электронной почте mail@scipress.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

Данный сборник распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Подписано в печать 10.11.2018

Формат 60x84/16. Печать цифровая.

Усл.печ.л. 13. Тираж 500 экз.

Научно-издательский центр «Открытое знание»

www.scipress.ru